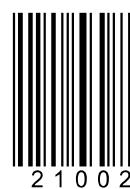
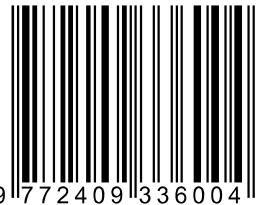

ISSN 2409-336X

9 772409 336004

21002

ВЕСНИК

Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта
імя А. А. Куляшова

НАВУКОВА-МЕТАДЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца с снежня 1998 года

Серыя А. ГУМАНІТАРНЫЯ НАВУКІ
(гісторыя, філософія, філалогія)

Выходзіць два разы ў год

2 (58)
2021

Галоўная рэдакцыйная камегія:

д-р гіст. навук прафесар Д.С. Ляўрыновіч (галоўны рэдактар)
д-р філас. навук прафесар М.І. Вішнеўскі (нам. галоўнага рэдактара)
д-р гіст. навук прафесар Я.Р. Рыер (старшыня рэдакцыйнага савета серыі А)
канд. гіст. навук А.У. Коласаў (адказны сакратар)

Гісторыя:

д-р гіст. навук прафесар Д.У. Дук (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар К.М. Бандарэнка (Магілёў)
д-р гіст. навук прафесар І.А. Марзалюк (Мінск)

Філасофія:

д-р філас. навук прафесар П.С. Карака (Мінск)
д-р філас. навук прафесар А.П. Пунчанка (Адэса, Украіна)
д-р філас. навук М.С. Конах (Каменскае, Украіна)
канд. філас. навук дацэнт В.У. Старасценка (Магілёў)
канд. філас. навук дацэнт А.В. Дзячэнка (Магілёў)

Філалогія:

д-р філал. навук дацэнт А.М. Макарэвіч (Магілёў)
д-р філал. навук прафесар Т.М. Валынец (Мінск)
канд. філал. навук дацэнт Т.Р. Міхальчук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт М.М. Караткоў (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.С. Лайшук (Магілёў)
канд. філал. навук дацэнт А.В. Доўгаль (Магілёў)

*Навукова-метадычны часопіс “Веснік Магілёўскага дзяржаўнага
універсітэта імя А.А. Куляшова” ўключаны ў РІНЦ
(Расійскі індэкс навуковага цытавання),
ліцэнзійны дагавор № 811-12/2014*

АДРАС РЭДАКЦЫИ:

212022, Магілёў, вул. Касманаўтаў, 1,
каб. 413, т. +375 44 716 34 97; vesnik_mdu@mail.ru

**MOGILEV STATE
A. KULESHOV UNIVERSITY
BULLETIN**

THEORETICAL-SCIENTIFIC JOURNAL

Founded in December 1998

Series A. HUMANITIES
(History, Philosophy, Philology)

Published twice per year

**2 (58)
2021**

Editorial Board:

Lavrinovich D.S., Chief Editor, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Vishnevsky M.I., Deputy Chief Editor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Riyer Y.G., Chairman of the Editorial Committee (Series A),
Doctor of Historical Sciences, Professor
Kolosov A.V., Executive Secretary of the Editorial Board

History:

Duk D.V., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Bondarenko K.M., Doctor of Historical Sciences, Professor (Mogilev)
Marzaliuk I.A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Minsk)

Philosophy:

Karako P.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Minsk)
Punchenko O.P., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Odessa, Ukraine)
Konokh N.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Kamenskoye, Ukraine)
Starostenko V.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dyachenko O.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

Philology:

Makarevich A.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Mogilev)
Volynets T.N., Doctor of Philological Sciences, Professor (Minsk)
Mikhachuk T.G., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Korotkov N.N., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Lavshuk A.S., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)
Dovgal A.V., Ph.D., Associate Professor (Mogilev)

*Theoretical-scientific journal
“Mogilev State A. Kuleshov University Bulletin”
is included in the bibliographic database
“Russian Science Citation Index”
License agreement № 811-12/2014*

The editorial board address:
212022, Mogilev, Kosmonavtov Str., 1,
room 413, tel. +375 44 716 34 97; vesnik_mdu@mail.ru

З М Е С Т

КЕЛЛЕР О. Б. Из истории судебной практики белорусских “магдебургий” (Могилев, Кричев, Погоцк) периода раннего Нового времени	7
КІТУРКА І. Ф. Стварэнне і развіццё дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст.: гістарыяграфія пытання.....	13
РАЮК А. Р. Атон Ігнатавіч Горват (1809–1894): адміністратар і гаспадар.....	24
ЛУДЗІЧ А. Р. Структура і функцыі павятовых земстваў на тэрыторыі Беларусі (1911–1914 гг.)	29
АЎСЕЙЧЫК У. Я. Асаблівасці рассялення і дэмографічная характарыстыка старавераў паўночна-ўсходняй Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст.....	37
СТАРОСТЕНКО Э. В. Православное военное духовенство и проповедь евангельских христиан в российской армии в годы Первой мировой войны	45
КАПЛИЕВ А. А. Возникновение белорусской советской медицинской периодической печати (на примере журнала “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения”).....	51
КРИВЧИКОВ В. М. Организация продовольственного обеспечения рабоче-крестьянской милиции Беларуси в начале 1920-х гг.	57
СУБОЦІН А. А. Асаблівасці сацыяльнага статусу стаханаўцаў БССР (1935–1941 гг.)	62
ОПІОК Т. В. О мерах местных органов власти по обеспечению безопасности населения территории БССР, освобожденной осенью 1943 г. – весной 1944 г.	67
КУРДО А. В. Эвалюцыя архітэктурна-планіровачнай структуры Мінска (1945–1965 гг.)	72
АВЛАСОВИЧ А. М. Дополнительные элементы погребального обряда кремации на территории Могилевского Поднепровья (по материалам курганных некрополей).....	79
ВІШНЕВСКІЙ М. И. Социокультурные взаимосвязи философии и литературы....	92
КАРАКО П. С. В. Я. Брюсов как поэт природы и представитель русского космизма.....	98
СТАРОСТЕНКО В. В. Конфессиональная структура г. Минска: специфика и развитие в контексте религиозного пространства Беларуси 2000–2020 гг.	106
САДКО Л. М. Стылістычныя сродкі ў малых і мінімальных паэтычных формах сучаснай беларускай і сусветнай літаратуры.....	113
ПОТАПОВА Н. Л. Переводческие приемы конструктивной интерференции в профессионально ориентированном переводе	118
БЕЛАНОВИЧ Е. В. Цель как обязательный и факультативный компонент структурь значения английского глагола	122
БІЮМЕНА А. А. Топос “люди с ограниченными возможностями” в медиадискурсе толерантности	126
 ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА	
РИЕР Я. Г. Актуальная история: заметки на полях одной из книг Юваля Харари.....	132

C O N T E N T S

KELLER O.B. FROM THE HISTORY OF THE JURISPRUDENCE OF THE BELARUSIAN “MAGDEBURGIA” (MOGILEV, KRYCHEV, POLOTSK)	
OF THE EARLY MODERN PERIOD	7
KITURKA I.F. ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF STATE CUSTOMS SERVICE IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE LATTER HALF OF THE XVIII CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE	13
RAYUK A.R. OTTON IGNATIEVICH GORVAT (1809–1894): THE ADMINISTRATOR AND THE LANDOWNER	24
LUDZICH A.R. STRUCTURE AND FUNCTIONS OF DISTRICT ZEMSTVOS IN BELARUS (1911–1914).....	29
AUSEICHYK U.Y. SETTLEMENT AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF OLD BELIEVERS OF NORTHERN-EASTERN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.....	37
STAROSTENKO E.V. ORTHODOX MILITARY CLERGY AND THE SERMON OF EVANGELICAL CHRISTIANS IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR	45
KAPLIYEV A.A. THE EMERGENCE OF THE BELARUSIAN SOVIET MEDICAL PERIODICAL PRESS (AS EXEMPLIFIED IN THE JOURNAL “PROCEEDINGS OF GOMEL PROVINCIAL HEALTHCARE DEPARTMENT”)	51
KRIVCHIKOV V.M. FOOD SUPPLY OF THE WORKER-PEASANT RED MILITIA OF BELARUS IN THE EARLY 1920s.....	57
SUBOTSIK A.A. SOCIAL STATUS OF THE STAHOVITES IN THE BSSR (1935–1941).....	62
Opiok T.V. MEASURES TAKEN BY LOCAL AUTHORITIES TO ENSURE THE SECURITY OF THE POPULATION IN THE LIBERATED TERRITORIES OF THE BSSR IN AUTUMN OF 1943 – SPRING OF 1944	67
KURDO A.V. EVOLUTION OF ARCHITECTURAL AND PLANNING STRUCTURE OF MINSK (1945–1965)	72
AVLASOVICH A.M. ADDITIONAL ELEMENTS OF THE FUNERAL RITUAL OF CREMATION ON THE TERRITORY OF THE MOGILEV DNIEPER REGION (EXAMINING KURGAN NECROPOLISES)	79
VISHNEVSKY M.I. SOCIO-CULTURAL RELATIONSHIP OF PHILOSOPHY AND LITERATURE.....	92
KARAKO P.S. V.Ya. BRYUSOV AS A POET OF NATURE AND A REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM	98
STAROSTENKO V.V. CONFESSITIONAL STRUCTURE OF MINSK: SPECIFICITY AND DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE RELIGIOUS SPACE OF THE REPUBLIC OF BELARUS DURING 2000–2020s...106	106
SADKO L.M. STYLISTIC DEVICES IN SHORT POETIC FORMS IN MODERN BELARUSIAN AND WORLD LITERATURE.....	113
POTAPOVA N.L. METHODS OF CONSTRUCTIVE INTERFERENCE IN PROFESSIONALLY-ORIENTED TRANSLATION	118
BELANOVICH Y.V. GOAL AS A MANDATORY AND OPTIONAL COMPONENT IN THE VERBAL STRUCTURE.....	122
BIYUMENA A.A. TOPOS “PEOPLE WITH DISABILITIES” IN THE TOLERANCE MEDIA DISCOURSE.....	126
DISCUSSION PLATFORM	
RIYER Y.G. CURRENT HISTORY: NOT ES IN THE MARGINS OF ONE OF YUVAL HARARI’S BOOKS.....	132

ГІСТОРЫЯ, ФІЛАСОФІЯ, ФІЛАЛОГІЯ

УДК 94:347.998(476+474.3+438)“13”

ІЗ ІСТОРИИ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ БЕЛОРУССКИХ “МАГДЕБУРГІЙ” (МОГІЛЕВ, КРИЧЕВ, ПОЛОЦК) ПЕРИОДА РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

O. B. Келлер

доктор исторических наук, профессор
Белорусский государственный университет

Статья посвящена отдельным Сводам, сборникам законов, Статутам, Уложениям и иной литературе законодательного характера, используемой судами белорусских “магдебургий” (Могилев, Кричев, Полоцк) периода Раннего Нового времени, а также рассмотрению некоторых аспектов судебной практики городских “магдебургий” белорусских земель ВКЛ и Речи Посполитой периода Раннего Нового времени. В статье также размещены отдельные параграфы “Свода уголовных и уголовно-процессуальных законов императора Карла V” 1532 г. (“Каролины”), чьи положения отражены в трех работах польского юриста Варфоломея Гроицкого: “Порядок” (1555), “Артикулы” (1558) и “Процедура” (1560), сыгравших значимую роль в судебных процессах белорусских “магдебургий” того времени.

Ключевые слова: белорусские “магдебургии”, судебная практика, уголовно-судебное уложение “Каролина”, Карл V, Варфоломей Гроицкий, “Историко-юридические материалы”.

Введение

В период Раннего Нового времени судебные инстанции в городах ВКЛ и Речи Посполитой (а это польские, литовские, украинские и белорусские земли) использовали на практике самые разные правовые сборники, своды, уложения и кодексы. Какие именно?

Во-первых, суды ВКЛ и Речи Посполитой опирались на “Статуты ВКЛ” 1529, 1566 и 1588 г.

Во-вторых, наряду с этим, очень часто можно увидеть в историко-юридических актах того времени ссылки на книги римского права—“Дигесты”, “Кодекс Юстиниана” и пр.

Ну и, наконец, в-третьих, нельзя не отметить, что, помимо положений местного и римского права, важную роль в судах ВКЛ и Речи Посполитой периода Раннего Нового времени сыграли книги немецкого права на

немецком и латинском языках или переводы этих книг на польский язык. Самыми первыми в этом списке следует назвать “Земское право” (“SPECVLVM SAXONVM”) и “Вейхбильд” (“IVS MUNICIPALE”). Эти две книги были длительное время известны, к примеру, в Польше в различных немецких и латинских списках, а начиная с 1535 г. известны исключительно в текстах Николая Яскера (“IVRIS PROVINCIALIS QVOD SPECVLVM SAXONVM” [1], “IVRIS MVNICIPALIS MAIDEBVRGENSIS” [2]). Следующими в списке надлежит упомянуть работы Иоанна Кирштейна Церазина (“ENCHIRIDION aliquot locorum communium Iuris Maideburgensis”), Яна Цервуса Тухольчика (“FARRAGINIS ACTIONVM IVRIS Ciwilium & Prouincialis Saxonici Municipalisq[ue]”), а также Варфоломея Гроицкого (“Porządek”, “Artykuły”, “Ten Postępek”, “Tytuły”) и Павла Щербича (“SPECVLVM SAXONVM”, “IVS MVNICIPALE”) [3, с. 33].

Тут же следует подчеркнуть, что книги двух последних авторов (Варфоломея Гроицкого и Павла Щербича) представляют собой польские изложения Магдебургского права, действовавшие в судах магдебургий ВКЛ и Речи Посполитой в польском подлиннике.

Основная часть

“Каролина” 1532 г., труды Варфоломея Гроицкого и иные Кодексы

Хотелось бы более подробно остановиться на книгах известного польского юриста XVI в. Варфоломея Гроицкого.

Из множества его трудов, на мой взгляд, наибольший интерес для польских, литовских, украинских и белорусских земель ВКЛ и Речи Посполитой представляют такие три его работы, как: 1) “Порядок” (“Porządek sądów i spraw miejskich prawa Majdeburgskiego”, 1555) [4]; 2) “Артикулы” (“Artykuły prawa Maydebuskiego, które zowią Speculum Saxonum”, 1558) [5]; 3) “Процедура” (“Ten Postępek wybran jest z Praw Cesarskich”, 1560) [6] и 4) “Титулы” (“Tytuły prawa Maydebuskiego do Porządku i do Artykułów”, 1567) [7]. Причем, по мнению Ф. В. Тарановского, название “Порядок” могло быть общим и для всего собрания сочинений Гроицкого [3, с. 190]. Все эти три труда Варфоломея Гроиц-

кого (“Порядок”, “Артикулы” и “Процедура”) содержат положения уголовного права и базируются на знаменитом немецком источнике права XVI в. под названием “Каролина”.

Под “Каролиной” надлежит понимать “Уголовно-судебное уложение Священной римской империи германской нации”, принятное на Рейхстаге в Регенсбурге 1532 г. Опубликовано получившее название в честь императора Карла V Габсбурга “Уголовно-судебное уложение” было годом спустя, в 1533 г.

Справедливо следует отметить, что, по сути, это был своего рода первый “общенемецкий” сборник уголовного права, состоящий из 219 статей. “Каролина” превалировала в области немецкого уголовного права вплоть до конца XVIII в., а посредством многочисленных переводов оказала заметное влияние на уголовное право и за пределами Священной римской империи германской нации [8, с. 1].

Исследованию как самого “Уголовно-судебного уложения” (или “Каролины” 1532 г.) в целом, так его отдельных статей в частности, а также его рецепции и влиянию на уголовное право в других исторических регионах Европы в Новое время посвятили свои работы немало исследователей. Безусловно, в первую очередь ряд работ по данной проблематике появился под эгидой немецких историков и юристов уже в XIX в., а затем и в XX, и в XXI в. Но и не только немецких. В специальном исследовании профессора Krakowskого университета Л. Даргунса, посвященном рецепции “Свода уголовных и уголовно-процессуальных законов императора Карла V”, или “Каролины” 1532 г. в Польше [9, с. 167–202], анализируется одна из работ Варфоломея Гроицкого под названием “Процедура” (“Ten Postępek”). Как уже упоминалось выше, книга “Процедура”, в свое время использовавшаяся городскими судами с Магдебургским правом, как в собственно польских, так и в литовских, белорусских и украинских городах ВКЛ и Речи Посполитой, содержит многие параграфы вышеупомянутого свода “Каролины” 1532 г.

Помимо этого, хотелось бы отметить и тот факт, что данный “Свод уголовных и уголовно-процессуальных законов императора Карла V” послужил не только источником для “Процедуры” Варфоломея Гроицкого, но и немногим источником при составлении “Литовского Статута” 1588 г. [10, с. 5]. Информацию об этом можно почерпнуть из работы историка права, украинского и советского ученого,

профессора Н. А. Максимайко под названием “Источники уголовных законов Литовского Статута”, изданной в Киеве в 1894 г. [11, с. 124].

В какие же конкретно статьи и параграфы трех вышеуказанных книг Варфоломея Гроицкого вошли статьи знаменитой “Каролины”? Так, например, «Предисловие к “Каролине”» [8, с. 3–6] включено в один из абзацев первой статьи “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого, повествующей о некомпетентности большинства судей [9, с. 197]. Статьи I, II “Каролины” [8, с. 7–8] отражены в первой статье “Процедуры”, рассказывающей о занятиях судов подходящими (компетентными) лицами [9, с. 197]. Статьи III, V “Каролины”, где означены формулы клятвы (присяги) персонала судебных инстанций [8, с. 8–10], можно обнаружить не в работе “Процедура” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого, а в труде “Порядок” (“Porządek”) на листах VIII–XXVII [9, с. 197]. Статьи VI–X “Каролины” использованы [8, с. 10–12] в статье IV “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого [9, с. 198]. Статья XX “Каролины” о “неловких вопросах” (вопросах об угрозе телесного наказания в случае осуждения) [8, с. 18] отражена в статье VI “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого, за исключением одного важного предложения [9, с. 198]. Статьи XXI–XXX “Каролины” о процессуальных условиях проведения пыток [8, с. 19–23] можно обнаружить не в работе “Процедура” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого, а в труде “Порядок” (“Porządek”) на листах CXXI–CXXVII, где очень подробно изложены правила о времени, характере и условиях пыток, а также повествуется о лицах, свободных от мучений (пыток) [9, с. 198]. Статьи XXXI–CI “Каролины” [8, с. 23–54] соответствуют статьям V–LX “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого. Так, к примеру, статья XXXV “Каролины” о достаточных доказательствах касательно детоубийства отражена в статье VIII “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого [9, с. 198]. Положения статьи “Каролины” CVI о том, каким образом должны были быть наказаны богохульы [8, с. 57–58], можно обнаружить в статье LXV “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого [9, с. 198]. Статья CVII “Каролины” о наказаниях за лжесвидетельство [8, с. 58] находится не в работе “Процедура” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроицкого, а в труде “Порядок” (“Porządek”) на листе LXXXVIII [9, с. 198]. Статья CIX “Каролины” о наказаниях за кол-

довство (магиу) [8, с. 59] находит коротенькое упоминание в работе “Порядок” (“Porządek”) Варфоломея Гроцкого [9, с. 198]. Положения следующей статьи “Каролины” СХ о том, какое наказание следует применять за письменное, незаконное или неловкое оскорбление [8, с. 59], отражены в статье LXVII “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроцкого [9, с. 198]. Статья CXI “Каролины” информирует о штрафах за изготовление фальшивых монет [8, с. 59–60]. Её положения содержатся в статье LXVIII “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроцкого [9, с. 198]. Положения статьи CXII “Каролины” о том, какое наказание надлежит применять за изготовление фальшивых печатей, писем, актов об аренде, процентных книг и др. [8, с. 60], можно найти не в работе “Процедура” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроцкого, а в труде “Порядок” (“Porządek”) на листе XVIII, а также в труде Варфоломея Гроцкого под названием “Артикулы” (“Artykuły”) на листе XLVI [9, с. 198]. Положения статьи CXIII “Каролины” о штрафах за использование фальшивых весов, товаров и иного в области торговли [8, с. 61] снова можно обнаружить в двух работах: в труде “Порядок” (“Porządek”) на листе LXIX, а также в труде Варфоломея Гроцкого под названием “Артикулы” (“Artykuły”) на листе XXXI [9, с. 199] и т. д.

Судебная практика белорусских “магдебургий”

Теперь перейдем непосредственно к рассмотрению отдельных моментов из судебной практики белорусских “магдебургий”, базирующихся на основе “Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске”, пытаясь определить, на какие Кодексы и юридические документы опирались городские суды Могилева, Кричева, Полоцка и иных.

Постановления судов и судебные решения обычно начинались с названия и состава судебной Коллегии. Более старые документы упоминают судебную инстанцию как городской орган в целом; более новые содержат имена председателя и членов судебной Коллегии.

Так, например, первые декреты Могилевского суда от 1577 г. начинаются словами “Перед инстанцией Могилевского войтства...” [12, № 2]. Но уже буквально в следующем, 1578 г., в декрете указано: “В 1578 г. перед лентвойтом (наместником войта), бургомистрами, радцами (ратманнами) и шеффе-

нами (присяжными заседателями) “великокняжеского” города Могилева, которые в этом году заседали в суде...” [13, № 331].

Акты суда города Кричева начинаются так: “В Кричевской магдебургской городской инстанции Его Королевского Величества передо мной, Председателем, вице-старостой и лентвойтом (наместником войта) Кричева Г. Суриным, и перед нами, бургомистрами (две фамилии), радцами (ратманнами) и шеффенами, которые в этом году заседают в суде в ратуше касательно различных городских вопросов...” [14, с. 178]. Выражение “в этом году” означает, что суд провел свое очередное заседание в установленный срок или дату, а не в календарном году. Заседания внеочередных судов (к примеру, чрезвычайного суда или специального суда для приезжих) всегда фиксировались в судебных протоколах сепаратно.

Коллегия обычного суда, как уже упоминалось, состояла из председателя суда, т. е. войта или лентвойта, а также из бургомистров, советников (радцев, ратманнов) и шеффенов. Наряду с судьями в судебном заседании принимал участие и дававший клятву городской писарь, в чью компетенцию входило ведение протокола судебного заседания, а также запись в письменном виде решения суда и иных судебных актов. Помимо городского писаря, к дававшим клятву на верность городу в качестве исполнительных или вспомогательных органов суда иногда выступали городские служащие, которые открывали судебное заседание в устной форме, приглашали спорящие стороны в зал заседания суда, иногда представляли их суду, доставляли по месту назначения повестки в суд, копии либо иные документы партий, проверяли ущерб от имени суда, присутствовали на слушаниях свидетелей, удостоверяли судебные акты и т. д. В уголовных делах и судебных процессах по возмещению ущерба важную роль играл муниципальный инстигатор, исполнявший функцию публичного обвинителя [15, с. 78].

Что касается участников процессов, то независимо от того, был ли это истец или ответчик в гражданском процессе или потерпевший или обвиняемый в уголовном процессе, они могли либо сами представлять перед судом, либо (тут уже только в гражданских вопросах!) пользоваться услугами своего представителя, который назывался “патрон”, “прокуратор” либо “пленипотент”. Последний обязательно должен был иметь заверенную судом доверенность. В уголовных вопросах суд

мог предоставлять обвиняемому “защитника” либо “патрона”. За персон, не способных самостоятельно участвовать в судебном процессе, выступали в суде их представители – опекуны [15, с. 79].

Судебный процесс начинался с того, что истец, его “патрон” или муниципальный “инстигатор” излагал в устном или письменном виде суть дела, предоставляя письменные доказательства, опираясь при этом на показания свидетелей. Ответчик, или обвиняемый, должен был ответить на просьбы истца, защищая свою честь и право и предоставляя соответствующие доказательства. Если заявитель не ссылался ни на письменные доказательства, ни на свидетелей, а просто присягал для подтверждения своего заявления, то суд исходил из основного положения Магдебургского права, согласно которому не истцу, а именно ответчику, или обвиняемому, раньше разрешалось представить доказательства, плюс в целом признавалось право на предоставление ответчику принятия присяги [15, с. 79].

В соответствии с положениями Магдебургского законодательства суд допрашивал свидетелей под присягой, которая осуществлялась поднятием двух пальцев правой руки вверх [12, № 92]. Каждый свидетель заслушивался индивидуально в присутствии обеих сторон. Показания нескольких свидетелей учитывались лишь в том случае, когда все их свидетельства совпадали “слово в слово” [12, № 84]. Присяге сторон сопутствовала специальная церемония. Как правило, она (присяга) производилась на третий день, чтобы обе стороны могли подготовить свою совесть к этому действию. Причем, в “Порядке проведения судебного процесса” (“Порядок” В. Гроцкого) четко оговаривалось, что присягать обязаны были обе стороны. Неявка одной из партий расценивалась как отказ от присяги. На основании судебных документов можно констатировать, что акт присяги на Беларуси проходил не в церкви перед священником, как это было, например, в Украине, а перед Коллегией судей во время судебного процесса. В постановлении Суда города Могилева от 1577 г. говорится, что обвиняемый, который был допущен к присяге, оставался перед крестом в течение длительного времени, стоя на коленях или лежа, в ожидании формулы присяги, которая составлялась и зачитывалась письмом [12, № 92]. В протоколе актов Полоцкого суда от 1676 г. говорится: “В присутствии судебных

приставов, перед всей Полоцкой общиной и перед нами, магистратом всех трех заседаний, оба подсудимых, стоя на коленях в мэрии за решеткой в ратуше, приняли присягу по предложенной им формуле” [16, с. 367].

Для проверки доказательств на месте или осуществления других правовых мероприятий суд направлял, как правило, двух или более своих членов. Так, к примеру, в 1577 г., для огораживания спорных земельных участков суд города Могилева делегировал туда лентвойта, одного бургомистра и одного радца (ратманна) [12, № 152]. От лица того же Могилевского городского суда в 1578 г. один бургомистр и один радец (советник) провели инвентаризацию наследства, отметив в перечне женскую одежду, именуемую “гераде” в соответствии с нормами Магдебургского права. Затем они назначили трех членов Коллегии муниципального Совета в качестве опекунов. Интересно также отметить, что эти официальные эмиссары и члены суда привлекли в качестве свидетелей извне пять “заслуживающих доверия лиц”, дабы подтвердить законность совершенных ими действий [12, № 152]. В другом случае инвентаризация была проведена указанным в завещании опекуном вместе с одним советником, посланным судом, и одним присяжным [12, № 403]. На допросе с применением пыток одного из правонарушителей также присутствовали два делегированных судом представителя [12, № 177].

Теперь несколько слов о решениях суда. Выслушав иск, устные заявления и “разногласия” обеих сторон, а также досконально изучив документы, суд приступал к вынесению решения, которое оглашалось тут же на месте, в зале судебных заседаний. В запутанных делах приговор мог быть отложен на другой день; зачастую, если к установленному сроку еще не было готово принятие решения, отсрочка делалась и на неопределенное время.

Из материалов суда города Могилева видно, что в случае заседания чрезвычайного суда, если правонарушитель был пойман на месте преступления, то есть, если это, к примеру, был вор с украденным им предметом, Коллегия судей состояла лишь из шеффенов, и даже не из их полного числа. Тем не менее для принятия окончательного решения суд обращался за решением к бургомистрам или радцам, особенно если правонарушителю угрожала смертная казнь, и только после удовлетворения этого обращения выносился окончательный вердикт.

Смертная казнь могла осуществляться посредством повешения, обезглавливания,

сожжения заживо или сожжения после казни, четвертования. Экзекуция проводилась публично “в специально установленном для этого месте”. В Кричеве, например, обычными местами казни были улицы на въезде в город: “Могилевская”, “Мстиславская”, “Дрыбинская” [14, с. 351]. Городские суды часто заменяли смертную казнь и другие суровые приговоры более мягкими. Так, в 1732 г. Витебский городской суд заменил смертную казнь через сожжение живьем для женщины, убившей ребенка, на смерть посредством сожжения, но уже после обезглавливания [17, № 102]. Далее, Могилевский городской суд по ходатайству белорусского епископа освободил осужденного за убийство от смертного приговора, вынесенного ему [18, с. 177]. В 1754 г. тот же Могилевский городской суд в соответствии со статьей 11 “Литовского Статута” заменил четвертование на наказание обезглавливанием согласно нормам Магдебургского городского права [18, с. 464]. А в 1750 г. Могилевский городской суд и вообще заменил приговор человеку, осужденному за разврат, штрафом в 30 талеров для униформы солдатам Могилевского гарнизона, а также в две коробки стекла, необходимого для застекления окон в зале суда, в то время как женщина, соблазнившая его, должна была получить удары 30 розгами и изгонялась из города [18, с. 296]. В 1754 г. Кричевский суд приговорил крестьянина Василия Мокрого к сожжению живьем за кражу и поджог, однако так как потерпевшие не настаивали на его смерти, а, напротив, просили суд об иной мере пресечения для преступника, то суд, приняв во внимание данную просьбу, вынес следующий приговор: “Сперва обернуть руки преступника куделью, затем облити их и поджечь, а когда он почувствует сильную боль, отрубить ему руки мечом и приколоть их к позорному столбу для устрашения других, а его самого изгнать в таком виде (с отрубленными руками) из города” [14, с. 350–351].

Допрос с применением пыток осуществлялся в соответствии с нормами “Процедуры” (“Ten Postępek”) Варфоломея Гроцкого, вернее, с нормами “Свода уголовных и уголовно-процессуальных законов императора Карла V”, или “Каролины” 1532 г. Так, например, для того чтобы контролировать допрос с применением пыток, суд города Могилева делегировал из числа своих членов двух судей, к которым также приставлялось должностное лицо [18, с. 237]. Что применялось в качестве орудий пыток? В качестве орудий пыток, как правило,

практиковались удары розгами или прижигание плоти раскаленным железом. Дозволялось проводить допрос с пытками трижды. Редко, в исключительных случаях, допрашивать с применением пыток можно было и в четвертый раз [15, с. 83].

Заключение

Таким образом, в данной статье в первую очередь упомянуты Кодексы, Уложения, Статуты, различные труды юридического характера, игравшие немаловажную роль в судах ВКЛ и Речи Посполитой периода Раннего Нового времени.

Кроме того, на основе “Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске”, проанализированы различные аспекты из судебной практики белорусских “магдебургий”.

Безусловно, анализируя более детально и другие тома “Историко-юридических материалов, извлеченных из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящихся в Центральном архиве в Витебске”, а также “Акты Западной России”, “Акты Южной и Западной России”, “Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией” или иные материалы, можно извлечь намного больше информации и сравнить, как проходили судебные процессы в различных городах на белорусских землях ВКЛ и Речи Посполитой; выявить региональные особенности западных/северных/восточных/южных регионов белорусских земель ВКЛ и Речи Посполитой; определить, равномерно ли было использование различных источников права в белорусских городах ВКЛ и Речи Посполитой периода Раннего Нового времени, в чем заключалась специфика применения судебников, насколько широко нашли отражение местные источники права, насколько часто использовались польские компиляции и т. д.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Iuris provincialis quod speculum Saxonum vulgo nuncupatur libri tres : opera vigilanti in correctiorem redacti materiam, adiunctis simul glossis, aliisque additionibus, pro interpretatione textus magis necessaries; prius sub D. Sigismundi I. editi, nunc vero denuo mandante Serenissimo Sigismundo III. Poloniae Rege, propter exemplarium inopiam iterum recusi / Nicolaus Jaskierus. – Cracoviae, 1535. – 520 S.

2. Iuris municipalis Maideburgensis Liber vulgo Weichbild nuncupatus / Nicolaus Jaskierus. – Cracoviae, 1535. – 205 S.

3. *Тарановский, Ф. В.* Обзор памятников Магдебургского права западнорусских городов литовской эпохи / Ф. В. Тарановский. – Варшава : Тип. Варш. учеб. окр., 1897. – II, 201 с.
4. Porządek sądów i spraw miejskich prawa Majdeburskiego w Koronie Polskiej / B. Groicki. – Warszawa : Wydaw. Praw., 1953. – XII, 259 s.
5. Artykuły prawa Maydeburskiego, które zowią Speculum Saxonum / z łac. języka na pol. przeł. B. Groicki. – [Krakau] : [Lazarus Andreas], 1565. – [8], LXIIIJ Bl.
6. Ten postopek wybran jest z Praw Cesarskich, który Karolus V, Cesarz, kazał wydać po wszystkich swoich państwiech / B. Groicki. – Cracoviae : Lazarus Andreas impressit, 1565. – 1 Mf. (53 Aufn.).
7. Tytuły prawa Maydeburskiego do Porządku i do Artykułów pierwotnych po polsku wydanych : w sprawach tego czasu nawięcej kłopotnych s tegoż prawa Maydeburskiego przydane, co sye teraz nad pierwszą edicją przez tegoż autora przyczyniło summa tytułów naprzód położona, a koniec tych książek pokaże... / B. Groicki. – Cracoviae : Lazarus Andrysowic drukówk, 1573. – [6], 72 Bl., Bl. 75–188, [13] Bl.
8. Die Carolina. Die peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karls V. von 1532 / Hrsg. von Friedrich-Christian Schroeder. – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1986. – 337 S.
9. *Dargun, L.* Die Reception der peinlichen Halsgerichtsordnung Kaiser Karls V. in Polen / L. Dargun // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Germanistische Abt. – 1889. – Bd. 10. – S. 167–202.
10. *Jakowliw, A.* Das deutsche Recht in der Ukraine und seine Einflüsse auf das ukrainische Recht im 16.–18. Jahrhundert / A. Jakowliw. – Leipzig : Hirzel, 1942. – IV, 220 S.
11. *Келлер, О. Б.* Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках / О. Б. Келлер. – Минск : Респ. ин-т высш. шк., 2012. – 242 с.
12. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске : [в 32 вып.], 1871–1906. – Вып. 30 / под ред. Д. И. Довгяло. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления – 1903. – XI, 360, 164, XXXIV, [3] с.
13. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске : [в 32 вып.], 1871–1906. – Вып. 32 / под ред. Д. И. Довгяло. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления – 1906. – XXVII, 289, 292, 3 с.
14. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске. : [в 32 вып.] / под ред. Созонова. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1871–1906. – Вып. 17 : [Приходо-расходная книга Могилева за 1710 г. ; Акты, извлеченные из книг Могилевского магистрата за 1766–1787 гг. и Кричевской магдебургии за 1662–1761 гг.] / ред.: Н. Мещерский, М. Вревкин. – 1888. – 415, XVII с.
15. *Jakowliw, A.* Das deutsche Recht in Weißruthenien / A. Jakowliw. – Berlin : Selbstverl. der Publ.-Stelle, 1944. – 96 S.
16. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске : [в 32 вып.], – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1871–1906. – Вып. 5 / под ред. А. Созонова. – 1874. – 416 с.
17. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске. : [в 32 вып.] / под ред. Созонова. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1871–1906. – Вып. 18. – 1888. – VIII, 492, XLVIII с.
18. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске : [в 32 вып., 1871–1906] / под ред. Созонова. – Вып. 15. – Витебск : Тип. Витеб. губерн. правления, 1884.

Поступила в редакцию 13.05.2021 г.

Контакты: olga.keller@mail.ru
(Келлер Ольга Борисовна)

Keller O. FROM THE HISTORY OF THE JURISPRUDENCE OF THE BELARUSIAN “MAGDEBURGIA” (MOGILEV, KRYCHEV, POLOTSK) OF THE EARLY MODERN PERIOD.

The author of the article considers particular codes, law books, statutes and other legislative documents used in courts of the Belarusian “magdeburgia” (Mogilev, Krychev, Polotsk) in the Early Modern Period. Some aspects of the jurisprudence in the urban “magdeburgia” in the Belarusian lands of the Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian Commonwealth of the mentioned period are also covered. The article contains separate paragraphs of “The Code of Criminal and Procedural Laws of the Emperor Charles V” (“Carolina”, 1532). The Carolina’s provisions were reflected in three works by the Polish lawyer Bartholomew Groitsky: “The Order” (1555), “The Articula” (1558) and “The Procedure” (1560); these works played a significant role in trials in the Belarusian “magdeburgia” of the time.

Keywords: Belarusian “magdeburgia”; Juridical practice; Constitutio Criminalis Carolina; Charles V; Bartholomew Groitsky (Bartholomeus Groicki); “Historical and Legal Materials”.

УДК 930:94(476+474.5)“17”

СТВАРЭННЕ І РАЗВІЦЦЁ ДЗЯРЖАЎНАЙ МЫТНАЙ СЛУЖБЫ ВКЛ У ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVIII ст.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПЫТАННЯ

I. Ф. Кітурка

кандыдат гісторычных навук, дацэнт,
рэктар Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта
імя Янкі Купалы

У артыкуле пададзены аналіз распраца-
ванасці праблемы стварэння і функцыянавання
дзяржаўной мытнай службы ВКЛ у другой па-
лове XVIII ст. у беларускай, расійскай, польскай,
украінскай і літоўскай гісторыяграфіях. Адзнача-
ецца, што вывучэнне дадзенага пытання ўяўляе
цікаласць не толькі для гісторычнай навукі, але
і для функцыянавання мытных органаў. У выніку
праведзенага гісторыяграфічнага аналізу зроблена
выснова, што пытанне стварэння і функцыянаван-
ння дзяржаўной мытнай службы ВКЛ у другой па-
лове XVIII ст. комплексна не вывучана ні ў ай-
чыннай, ні ў замежнай гісторыяграфії. Выказа-
на здагадка, што эта сітуацыя адлюстроўвае
складенную ў расійскай, а затым у савецкай гісторыя-
графіі канцепцыю пра поўны заняпад Рэчы Пас-
палітай у другой палове XVIII ст., палітычную
анархію ў дзяржаве і няздольнасць правячых эліт
да прагрэсіўных рэформ, вынікам чаго з'явіліся
падзелы Рэчы Паспалітай.

Ключавыя слова: гісторыяграфія, другая
палова XVIII ст., “станіславаўская эпоха”, дзяржаў-
ная мытная служба, мытная палітыка, ВКЛ, Рэч Пас-
палітая, рэпартыція, камора (мытня).

Уводзіны

Мытная служба сёня з'яўляецца не-
ад'емнай часткай дзяржаўнага механізму кож-
най краіны, у tym ліку і Рэспублікі Беларусь.
На яе ўскладзена реалізацыя цэлага комплексу
функцый па забеспечэнні парадку і ўмоў
перамяшчэння праз мытную мяжу дзяржавы
тавараў і транспартных сродкаў: спагнанне
мытнай пошліны, мытнае афармленне, мыт-
ны кантроль і інш. Па сутнасці, на сучасным
этапе мытная служба стала адным з важных
інстытутаў па ажыццяўленні дзяржаўной
еканамічнай палітыкі. Мэтамі яе з'яўляецца
забеспечэнне найбольш эфектыўнага выкары-
стання інструменту мытнага кантролю і рэ-
гулявання тавараабмену на мытнай тэрыторыі,
удзел у рэалізацыі гандлёва-палітычных задач
па абароне нацыянальнага рынку, стымуляван-

ні нацыянальнай эканомікі і забеспечэнні эканамічнай бяспекі дзяржавы, што занатавана ў шэрагу норматыўных актаў [1; 2].

У сваім развіцці мытная справа на землях Беларусі прайшла шматвяковы шлях, але мытная служба ў сучасным яе разуменні як дзяржаўны інстытут у сістэме выканаўчай улады краіны ўпершыню была сфарміравана ў ВКЛ толькі ў другой палове XVIII ст.

Тэрмін “дзяржаўная мытная служба ВКЛ” мы разглядаем у шырокім і вузкім сэнсах: у шырокім сэнсе – гэта сукупнасць мытных арганізацыйных структур рознага ўзроўню, створаных для ажыццяўлення дзяржаўной мытнай палітыкі, і іх кадравы склад; у вузкім сэнсе – адзін з відаў дзяржаўной службы, прафесійная дзеянасць людзей на дзяржаўных мытных пасадах па забеспечэнні фіскальных і іншых паўнамоцтваў у галіне мытнай справы, у tym ліку спецыяльных функцый па барацьбе з мытнымі правапарушэннямі.

Другая палова XVIII ст., так званая “станіславаўская эпоха”, характарызавалася правядзеннем разнастайных пераўтварэнняў, якія закрунулі амаль усе сферы тагачаснага жыцця: эканоміку, дзяржаўнае і мясцове кіраванне, ваенную і судовую сістэму, адукцыю. Менавіта ў гэты перыяд у ВКЛ адбываліся рэвалюцыйныя змены і ў функцыянаванні мытнай службы: былі адменены ўсе прыватныя мытныя пошліны і ліквідаваны прыватныя мытні, скасавана права арэнды мыту, і ў кароткі тэрмін на ўсёй тэрыторыі краіны ўпершыню была створана дзяржаўная мытная служба. Аднак неабходна адзначыць, што гэтыя пытанні да сённяшняга дня не знайшли адпаведнага асвятлення ні ў айчыннай, ні ў замежнай гісторыяграфії. Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца аналіз ступені распрацаўванасці вышэйзгаданай праблемы ў гісторычнай літаратуры.

Асноўная частка

Напачатку трэба заўважыць, што ў айчыннай гісторыяграфіі ў вывучэнні праблемы развіцця мытнай справы на землях ВКЛ сярод існуючых нешматлікіх прац, прысвечаных дадзенай тэматыцы, назіраецца пэўны дысбаланс. Найбольш даследаванымі з'яўляюцца пытанні развіцця мытнай сістэмы ВКЛ перыяду XIV–XVI стст., пачатак вывучэнню якіх паклаў М. В. Доўнар-Запольскі ў сваёй грунтоўнай манаграфіі “Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах” [3].

У згаданай працы М. В. Доўнар-Запольскі падрабязна прааналізаваў структуру мыт-

най сістэмы ВКЛ у акрэслены перыяд, вызначыў прычыны стварэння новых мытных пунктаў, ахарактарызаваў прынцыпы кіравання мытнымі акругамі, змест контрактаў з арандатарамі мыт, апісаў парадак працы камор і інш. Па сутнасці, прапанаваны ім метадалагічны падыход у вывучэнні развіцця мытнай справы і зробленыя высновы заклалі падмурак для далейшага даследавання гэтага пытання і не страцілі сваёй актуальнасці.

Аднак узнятая М. В. Доўнар-Запольскім тэма не атрымала працягу ў яго далейших даследаваннях, прысвечаных сацыяльна-еканамічнай гісторыі Беларусі, сярод якіх асобна неабходна вылучыць артыкул “Сацыяльна-еканамічная структура Літоўска-Беларускай дзяржавы ў XVI–XVIII стагоддзях” [4] і грунтуюную працу “Гісторыя Беларусі” [5], якая не была выдадзена друкам пры жыцці гісторыка.

Мытная тэматыка не стала предметам спецыяльнага вывучэння і ў працах іншых аўтараў. Неабходна падкрэсліць, што пры даследкові глыбокай распрацаванасці тэмы гісторыі сацыяльна-еканамічнага развіцця беларускіх земель у эпоху феадалізму пытанні функцыянування мытнай сістэмы апынуліся па-за ўвагай даследчыкаў. Выключэнне складаюць два артыкулы В. І. Мялешкі “Таможенные книги как исторический источник” (1959 г.) [6] і “Новые белорусские таможенные книги первой половины XVII в.” [7], у якіх толькі даецца харарактарыстыка гэтаму адмысловаму і вельмі інфарматыўнаму віду крыніц.

Некаторыя аспекты развіцця мытнай справы ў ВКЛ закраналіся ў артыкулах і манаграфіях айчынных гісторыкаў, прысвяченых развіццю гарадоў і гандлю, сярод якіх неабходна вылучыць даследаванні У. І. Пічэты [8], З. Ю. Капыскага [9], Ф. І Адашчыка [10], В. І. Мялешкі [11; 12], А. П. Грыцкевіча [13], В. М. Ляўко [14] і інш. Аднак у гэтых працах увага звязталася пераважна на предметы ўнутранага і зневяднага гандлю, гандлёвых пошлінаў і даходы, гандлёвых шляхах, а пытанне дзейнасці мытных органаў не разглядалася. Проблема развіцця мытнай справы і стварэння дзяржаўнай мытнай службы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. не знайшла свайго адлюстравання і ў шматтомным грунтоўным выданні “Гісторыя Беларускай ССР” [15].

Такая сітуацыя ў гісторыяграфіі стала яшчэ адным сведчаннем панавання ў расійскай і савецкай гістарычнай навуцы канцепцыі аб поўным эканамічным і палітычным занядзялі Рэчы Паспалітай у другой палове

XVIII ст., унутрыпалаітычнай анархіі, няздолънасці шляхты да прагрэсіўных пераўтварэнняў, натуральным вынікам чаго з'явіліся трывадзелы Рэчы Паспалітай. Тэзіс аб эканамічным занядзялі ВКЛ у другой палове XVIII ст. паставіў пад сумненне ў айчыннай савецкай гісторыяграфіі толькі В. І. Мялешка. На падставе аналізу табліцы экспарту і імпарту тавараў з тэрыторыі ВКЛ за 1786–1791 гг., выяўленай ім у Дзяржаўным гістарычным архіве Літвы ў Вільні, ён зрабіў выснову аб становчым гандлёвым сальда і росце таварнасці сельскай гаспадаркі ВКЛ у вызначаны час [12, с. 78].

Такім чынам, доўгі час XVIII ст. у айчыннай гісторыяграфіі заставалася “забытым стагоддзем” і шмат якія падзеі гэтага перыяду апынуліся па-за ўвагай даследчыкаў, у тым ліку рэформа дзяржаўнага апарату ў другой палове XVIII ст., неад'емнай часткай якой з'яўлялася стварэнне дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ.

Напачатку 90-х гг. ХХ ст. з набыццём Рэспублікай Беларусь дзяржаўнага суверэнітэту і абуджэннем у грамадстве цікавасці да гістарычнага мінулага ўзнікла неабходнасць як у крытычным стаўленні да пэўных кан'юнктурных высноў, так і ў навуковай распрацоўцы не даследаваных раней пытанняў і падзеяў гісторыі Беларусі. Адным з такіх пытанняў была гісторыя мытнай справы, якая набыла асаблівую актуальнасць у сувязі са стварэннем дзяржаўнай мытнай службы незалежнай Беларусі. Аднак іні ў спецыяльных даследаваннях, іні ў акадэмічных выданнях гэтая тэма па-ранейшаму не знаходзіла свайго асвятлення [16; 17].

Варта падкрэсліць, што зборам матэрыялаў па гісторыі мытнай справы на беларускіх землях ў той час пачалі займацца не прафесійныя гісторыкі, а служачыя мытні. Гэту мадэллю садзейнічала мэтанакіраваная палітыка кіраўніцтва Дзяржаўнага мытнага камітэта Рэспублікі Беларусь па папулярызацыі гісторыі мытнай службы і захаванні яе традыцый. Першым важным крокам на гэтым шляху было зачыненне ў 1996 г. спецыялізаванага часопіса “Таможненне дело”, у якім сталі друкавацца ў тым ліку і матэрываў пра гістарычнае мінулае мытнай справы на землях Беларусі [18; 19].

У 2003 г. з'явіліся навукова-папулярныя працы служачых мытні В. А. Іванова па гісторыі Віцебскай мытні [20] і В. Ю. Саяпіна пра функцыянуванне Гродзенскай каморы [21], а ў 2009 г. – А. М. Суворава пра Брэсцкую мытню [22].

У 2005 г. выйшла яшчэ адна навукова-папулярная праца В.Ю. Саяпіна ў двух тамах “Таможенная служба” [23; 24], дзе ў першай кнізе быў прадстаўлены невялікі раздзел, прысвечаны мытнай службе ВКЛ у другой палове XVIII ст. Трэба адзначыць, што В.Ю. Саяпінім была праведзена пэўная праца па выяўленні крыніц па гісторыі мытнай службы ВКЛ у архівах Літвы, Польшчы і Беларусі. Даследаванне мае пераважна апісальны характар, не ўтрымлівае глыбокага аналізу праблемы функцыянавання мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст., не пазбаўлена факталагічных памылак. Так, напрыклад, В.Ю. Саяпін памылкова сцвярджаў, што ў 1765 г. мытная служба ВКЛ першапачатковая ўключала толькі трыв мытнага акругі-рэпартыцыі – Літоўскую, Рускую і Беларускую [23, с. 203–205], якіх на самай справе было чатыры (яшчэ Жмудская). Канстатуючы гэты факт, аўтар спасылаўся на другі том публікацыі крыніц “Белоруссия в эпоху феодализма”, у якім прыводзіўся фрагмент архіўнага дакумента, які адпавядаў назве табліцы – “Таблица денежных сумм, поступивших с таможен, расположенных на территории Белоруссии, за 1765 г.” [25, с. 353]. З прычыны таго што Жмудская рэпартыцыя не ўваходзіла ў склад беларускіх земляў, складальнікі вышэйзгаданага збору крыніц інфармацыю пра яе з архіўнага дакумента папросту не ўключылі ў табліцу.

Важнае значэнне для даследавання гісторыі мытнай справы на беларускіх землях мела таксама запатрабаванасць мытных органаў Рэспублікі Беларусь у спецыяльна падрыхтаваных высокакваліфікаваных кадрах. З пачаткам у 2000 г. у Беларускім дзяржаўным універсітэце прафесійнай падрыхтоўкі па спецыяльнасці “Мытная справа” і ўвядзеннем у навучальныя планы дысцыпліны “Гісторыя развіцця мытнай сістэмы і мытнай службы Беларусі” ўзникла неабходнасць у распрацоўцы вучэбных і вучэбна-метадычных дапаможнікаў, для напісання якіх былі патрэбныя больш глыбокія навуковыя даследаванні.

На факультэце міжнародных адносін БДУ пытанні мытнай службы Беларусі вывучае загадчык кафедры мытнай справы БДУ прафесар В. А. Астрога. Тэматычны дыяпазон яго навуковых даследаванняў вельмі шырокі, але і ў сферы яго навуковых інтарэсаў гісторыя мытнай службы ВКЛ, у тым ліку асаблівасці яе развіція ў другой палове XVIII ст., не стала прыярытэтнай. Заўважна, што абагульняючыя навучальныя тэксты згаданага аўтара

пра гісторыю мытнай службы перыяду ВКЛ базіруюцца ў асноўным на фактах і ацэнках, ужо зробленых у гісторыяграфіі. На аснове прац папярэдніх даследчыкаў В. А. Астрога выкладу кароткі змест гісторыі мытнай службы на тэрыторыі Беларусі ў вучэбных дапаможніках па гісторыі мытнай справы і мытнага права [26; 27], у энцыклапедычным артыкуле “Мытная справа” [28] і некалькіх артыкулах, прысвечаных гісторыі форменнага адзення [29] і спецыяльнай мытнай тэрміналогіі ВКЛ [30].

Нягледзячы на тое што мытні адыгрывалі важную ролю ў арганізацыі замежнага, транзітнага і нават унутранага гандлю ў ВКЛ, разглядаемая тэма не знайшла шырокага асвятлення і ў двух зборніках навуковых прац, выдадзеных у апошняя гады па матэрыялах канферэнций, прысвяченых гісторыі гандлю ў Беларусі [31; 32]. Выключэннем стаў артыкул У. Пашкевіча, у якім аўтар на падставе пераважна толькі аднаго віду крыніц (кніг Метрыкі ВКЛ) даў кароткую харэгістрыку асноў мытнай сістэмы, якая склалася ў ВКЛ напачатку XVIII ст., і прааналізаваў парушэнні купцамі, шляхтай, уласнікамі прыватнага мыту заканадаўства ў гэтай галіне [33].

Асобныя пытанні развіцця мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. даследаваліся аўтарам дадзенай публікацыі. У прыватнасці, была звернута ўвага на новыя падставы фарміравання з 1765 г. мытнай службы ВКЛ як арганічнага інстытута ў сістэме выканаўчай улады краіны [34], на асноўныя этапы ў функцыянаванні мытнай службы ў даследуемы час [35; 36], на ролю Скарбавай камісіі ВКЛ у працэсе рэарганізацыі мытнай службы [37], вывучаеся сістэма дзяржаўнага кантролю за дзейнасцю мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. [38; 39], была прапанавана класіфікацыя архіўных крыніц па тэме, выяўленых у Дзяржаўным гісторычным архіве Літвы ў Вільні [40]. Аўтарам зроблена выснова, што ў другой палове XVIII ст. у ВКЛ упершыню была створана сістэма мытных пастоў, якая ахоплівала ўсю тэрыторыю краіны незалежна ад формы землеўладання, а дзяржаўная мытная служба ВКЛ была заснавана на якасна новых прынцыпах, уласцівых бюракратычнаму апарату.

Такім чынам, завяршаючы агляд беларускай гісторыяграфіі па гісторыі мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст., можна канстатаваць, што гэтае пытанне сёняня вывучана недастаткова і патрабуе правядзення ком-

плекснага даследавання. Больш за тое, нельга не пагадзіцца з думкай В. А. Астрогі, што айчынная гісторыяграфія налічвае “недапушчальны мізэр апублікованых манаграфічных прац як увогуле па гісторыі мытнай справы, так і гісторыі развіцця асобых мытняў” [41].

Польская гісторыяграфія. Гісторыяграфія гісторыі мытнай службы Польскай Кароны значна больш распрацавана ў параўнанні з беларускай гісторыяграфіяй гісторыі мытнай службы ВКЛ. Украінскі даследчык У. Г. Бяркоўскі, аналізуячы праблему вывучэння мытнай сістэмы Рэчы Паспалітай у польскай гісторыяграфіі канца XIX–XX стст., адзначаў, што найбольшы ўнёсак у даследаванне этай тэмы зроблены польскімі гісторыкамі адносна перыяду XIII–XVI стст. [42]. Разам з тым аўтар прыйшоў да высновы, што ў сучаснай польскай гісторыяграфіі вывучэнне гісторыі мытнай сістэмы Рэчы Паспалітай не з'яўляецца адным з важных накірункаў [42, с. 45].

Мы падзяляем гэты пункт гледжання, паколькі праведзены намі аналіз польскай гісторычнай літаратуры ў вывучэнні пытанняў мытнай праблематыкі ў другой палове XVIII ст. сведчыць пра тое, што такія тэмы за-краналі даследчыкі, якія займаліся агульнымі пытаннямі развіцця эканамічнай, фінансавай сістэмы Рэчы Паспалітай і бюджету дзяржавы ў названы перыяд. Яны не акцэнтавалі спецыяльнай увагі на праблемах функцыянування мытнай сістэмы Рэчы Паспалітай, у тым ліку і ВКЛ, а разглядалі некаторыя пытанні дзеянасці мытняў як адзін са шматлікіх аспектаў агульнага гаспадарчага развіцця краіны.

Упершыню гэтую праблему ўскосна за-крануў вядомы польскі гісторык Тадэвуш Корзан у сваім фундаментальным шматтомным даследаванні “Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794)” (“Унутранае развіццё Польшчы ў часы Станіслава Аўгуста (1764–1794)”), у трох тамах якога ёсць некаторыя звесткі пра становішча мытнай справы ў ВКЛ у вызначаны час [43; 44; 45]. Вывучаючы пытанні фінансавага стану Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст., аўтар не мог абысці ўвагай функцыянуванне мытнай сістэмы, эфектыўная дзеянасць якой павінна была спрыяць павелічэнню паступленняў у дзяржаву скарб.

Мытную службу Т. Корзан адносіў да мясцовага ўраду [44, с. 107], пазначыў колькасць і размяшчэнне каронных камор у 60–70-я гг. XVIII ст., пункцірам абазначыў функцыі некаторых мытных службоўцаў, памеры аплаты за

службу [44, с. 108–129]. Асобна ён падкрэсліў адсутнасць бюрократычнай традыцыі ў Польшчы ў параўнанні з іншымі краінамі, у першую чаргу з Прусіяй [44, с. 130]. Адноса разгляду аналагічных пытанняў на землях ВКЛ гісторык адзначыў, што яму не былі вядомыя пратаколы пасяджэнняў Скарбавай камісіі ВКЛ, таму ён не можа “з дакладнасцю вызначыць ні арганізацыю, ні дзеянасць скарбавага ўраду ў Літве і вымушаны чэрпаць інфармацыю з розных крыніц і эпох” [44, с. 243]. Таму звесткі, прыведзеныя Т. Корзанам пра мытную службу ВКЛ, вельмі абмежаваныя, тычацца пераважна канца 80-х – пачатку 90-х гг. XVIII ст. і не пазбаўлены памылак. Так, напрыклад, Т. Корзан памылкова сцвярджаў, што ў 1788 г. мытная служба ВКЛ ажыццяўляла сваю дзеянасць у складзе трох скарбовых правінцый – Гродзенскай, Жмудской і Беларускай [44, с. 245], у той час калі на самай справе мытная тэрыторыя дзяржавы ў адпаведнасці з рашэннем Скарбавай камісіі ВКЛ ад 2 сакавіка 1776 г. была падзелена на чатыры рэпартыі – Літоўскую, Жмудскую, Беларускую і Рускую [46, с. 34]. Галоўная выснова аўтара адносна фінансавага становішча ВКЛ у другой палове XVIII ст. – нездавальніячы стан дзеянасці Скарбавай камісіі ВКЛ на працягу ўсяго часу яе існавання [44, с. 286].

Некаторыя звесткі пра мытную сістэму ВКЛ у даследуемы час утрымліваюцца ў манаграфіі іншага польскага даследчыка Рамана Рыбарскага “Skarbowość Polski w dobie rozbiorów” (“Дзяржаўны скарб Польшчы ў перыяд падзелаў”) [47]. Гісторык досыць падрабязна апісаў арганізацыю кароннай мытнай службы і яе развіццё ў другой палове XVIII ст., падкрэсліў, што мытная адміністрацыя ў Польшчы перад падзеламі была адзінай сапраўды арганізаванай і разгалінаванай часткай скарбавай адміністрацыі [47, с. 51]. Заслугоўваючы увагі шэраг высноў Р. Рыбарскага. Ён класіфікаваў мытныя пошліны, якія існавалі ў Рэчы Паспалітай, звярнуў увагу на іх невялікі памер і страты скарбу з гэтай нагоды, сцвярджаў, што пасля заключэння гандлёвых трактатаў 1775 г. Рэч Паспалітая страціла гаспадарчую незалежнасць [47, с. 56–60].

Пры гэтым аўтар адзначыў, што валодае значна меншай колькасцю інфармацыі пра адміністрацыйны мытны апарат ВКЛ. Па прызнанні самога Р. Рыбарскага, ён не выкарыстоўваў у работе дакументаў віленскага архіва, у прыватнасці, матэрыялаў Скарбавай камісіі ВКЛ [47, с. 3], і ў гэтым аспекте свай-

го даследавання ў асноўным گрунтаваўся на дадзеных 1788–1790 гг., якія былі апрацаваны і выдадзены М. Бутрымовічам [47, с. 73]. Таксама ён не меў дакладнай інфармацыі пра сумы выдаткаў на каморах, таму кошт утрымання мытнай адміністрацыі лічыў прыблізна, па шэрагу ўскосных дадзеных [47, с. 56].

Уяўленне пра стан мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. пашырый польскі навуковец Ст. Касцялкоўскі ў двухтомным даследаванні “Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworny Litewski” (“Антоній Тызенгаўз. Надворны літоўскі падскарбі”) [48; 49], які ўвёў у навуковае абарачэнне матэрыялы архіва Скарбавай камісіі ВКЛ. Аднак гісторык не ставіў задачу вывучэння арганізацыі і функцыянавання мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст., маючи іншы предмет даследавання, таму інфармацыя пра некаторыя аспекты гэтага пытання, прыведзеная Ст. Касцялкоўскім, носіць апісальны хараکтар, не паказвае дынаміку развіцця, не вылучае прычыны тых ці іншых зменаў і не раскрывае ўсёй сутнасці працэсу.

Глыбока не вывучаючы гэтае пытанне, аўтар зрабіў некаторыя памылковыя высновы, як, напрыклад, пра тое, што сферміраванная падчас рэформы 1766 г. мытная структура была самай разгалінаванай і што ні да тых пор, ні пасля на тэрыторыі ВКЛ не існавала такой колькасці мытных пунктаў [49, с. 200]. Аднак документы фонда Скарбавай камісіі ВКЛ сведчаць пра тое, што нават большая па колькасці мытных пунктаў структура была створана ў ВКЛ яшчэ ў 1765 г. [50, с. 132–133]. Але нягледзячы на пэўныя недакладнасці, праца Ст. Касцялкоўскага мае важнае значэнне для пастаноўкі праблемы і далейшага даследавання пытання ў стварэння і развіцця дзяржаўной мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст.

Яшчэ адзін польскі даследчык, Марыян Драздоўскі, займаючыся тэмай фінансавага становішча Рэчы Паспалітай у 1764–1793 гг., не абышоў увагай пытанне, звязанае з паступленнямі ў дзяржаўны скарб даходаў, якія выбіраліся ад мытных пошлін, у тым ліку і на тэрыторыі ВКЛ [51]. Зробленое на шырокай крыніцнай базе даследаванне ўтрымлівае шмат падрабязнейшай статыстычнай інфармацыі адносна тэрыторыі Польскай Кароны. Што тычыцца ВКЛ, то дадзеныя даходаў з мытняյ згрупіраваны гісторыкам пераважна па два гады [51, с. 119–121]. Гэта азначае, што аўтар у асноўным карыстаўся матэрыяламі спраўядзаніем, якія рыхталіся на соймы, і спецы-

яльна не даследаваў даходы асобных мытняў і рэпартырый. Пры гэтым у працы існуюць і пэўныя прабелы, якія тычацца пачатковых і заключчных гадоў, пазначаных у храналагічных рамках даследавання. Так, адносна тэрыторыі ВКЛ адсутнічае інфармацыя пра даходы з мытняў у 1765–1766 гг. і 1792–1794 гг. На гэта таксама звярнуў увагу польскі гісторык Тамаш Цясельскі ў аглядзе польскай гістарыяграфіі па вывучэнні дзяржаўных фінансаў Рэчы Паспалітай [52 с. 54]. Да таго ж спрэваздачы на сойм не паказвалі цэласнай карціны мытных даходаў, паколькі з агульнай сумы, якая непасрэдна трапляла ў скарб, ужо былі вылічаныя сродкі, якія прызначаліся на аплату працы мытных службоўцаў і на арганізацыю функцыянавання мытных пунктав (на паперу, на сургуч, на асвятленне і ацяпленне і інш.).

Фактычна ў польскай гістарыяграфіі ёсьць толькі манографія Станіслава Вашкі, дзе предметам даследавання з'яўлялася непасрэдна арганізацыя мытнай справы ў Польшчы XVI–XVIII стст. [53]. У адповеднасці з заяўленай называй праца цалкам пабудавана на матэрыялах, якія адносяцца да каронных зямель. Аўтарам прааналізаваны мытныя тарыфы, якія дзейнічалі ў Польскай Кароне, віды мытных пошлін, структура мытнай службы на польскіх землях у інстытуцыйным і арганізацыйным сэнсах, вызначана тэхніка мытнага дагляду. Пры гэтым у працы коратка пазначана і структура пошлін у ВКЛ [53, с. 84–88].

Аднак Ст. Вашка не вылучаў другую палову XVIII ст. у развіцці мытнай службы ў асобны перыяд, не звяртаў увагі на асаблівасці яе функцыянавання ў гэты час і не закранаў у сваім даследаванні праблему арганізацыі дзяржаўной мытнай службы ВКЛ у вывучаемыя намі перыяд.

Разам з тым аўтарам зроблены шэраг высноў адносна функцыянавання мытнай сістэмы ў Рэчы Паспалітай, якія заслугоўваюць увагі і пераасэнсавання ў дачыненні да дзейнасці мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. Так, аўтар сцвярджаў, што мытная сістэма Рэчы Паспалітай дзейнічала не як частка гаспадарчай сістэмы краіны, а ў пераважнай большасці забяспечвала інтарэсы шляхты [53, с. 185]. Гісторык падкрэсліваў, што ў гандлёвых стасунках шляхта прыносіла шкоду і каралеўскаму скарбу, і дзяржаўнаму, калі за пэўную ўзнагароду ўваходзіла ў змову з купцамі і дэкларавала тавар, які перавозіўся імі, які прызначаны для ўласных патрэб, а значыць, вызвалены ад выплаты пошліны [53, с. 186]. Ст. Вашка акрэсліў і шэраг прычын, якія, на

яго думку, не спрыялі развіццю мытнай сістэмы Рэчы Паспалітай. Сярод іх аўтара называе недастатковую колькасць службоўцаў на мытных пунктах, слабасць адміністрацыйнага кантролю за дзеянасцю камор, недасканаласць мытных інструкцый, назу́насць практыкі прадстаўлення мытных крэдытаў на каморах і інш. [53, с. 187–189].

Напачатку ХХІ ст. у польскай гістарыяграфіі началі з'яўляцца працы, якія тычыліся гісторыі мытнай справы, у тым ліку і ў ВКЛ. Так, даследчыца А. Філіпчак-Кочур, разглядаючы сістэму мытных пошлін у ВКЛ у 30-я гг. XVII ст. і іх значэнне ў папаўненні скарбу, зварнула ўвагу на даходы ад іх спагнання ў каморах ВКЛ [54]. Згодна з яе падлікамі, найбольшы абарат у той час мелі Гродзенская, Ковенская, Віленская і Полацкая каморы; да группы сярэдніх яна аднесла Магілёўскую, Смаленскую, Навагрудскую, Юрбаргскую, Мінскую і жмудскую мытні; найменшыя даходы былі ў Брэсце і Пінску [54, с. 98]. Паўночны гандлёвы напрамак і водны транспарт аўтар вылучыла ў якасці галоўных у ВКЛ першай трэці XVII ст.

У 2002 г. выйшаў артыкул А. Куся, прысвечаны гістарычнай эвалюцыі мытных пошлін на тэрыторыі Рэчы Паспалітай да падзелаў, а таксама працэдуры правядзення мытнага дагляду [55]. Але гэтая праца не ўводзіць у навуковае абаражэнне новых крэйніц ці фактаў, пабудавана на папярэдніх дасягненнях польскай гістарыяграфіі, у першую чаргу на прааналізаванай вышэй працы Ст. Вашкі.

З ліку даследаванняў сучасных польскіх гісторыкаў можна вылучыць працы Пятра Мілаша Пілярчыка. Займаючыся прававымі аспектамі дзеянасці Скарбавай камісіі ВКЛ, П. М. Пілярчык прааналізуваў і некаторыя іншыя аспекты функцыяналу Скарбавай камісіі ВКЛ. Так, ён даў харектарыстыку ўніверсалам і іншым дакументам адносна гандлю, якія выходзілі са скарбавай канцылярыі [56], прадставіў свой погляд на дзяржаўнае рэгуляванне пошлін [57]. Найбольш значнай яго працай з'яўляецца манаграфія, прысвечаная даследаванню функцыяновання суда Скарбавай камісіі ВКЛ [58], у якой утрымліваючы звесткі пра судовыя справы, фігурантамі якіх нярэдка з'яўляліся служачыя мытні і купцы. З аднаго боку, яны тычыліся пытанняў адносна канфіскату мытнімі службоўцамі прамытага, з другога, разбіралі перавышэнне мытнікамі сваіх службовых паўнамоцтваў падчас правядзення мытных працэдураў. Манаграфія грунтую-

ецца на шырокай крэйніцаўчай базе, змяшчае багаты факталагічны матэрыял.

Зыходзячы з вышэйсказанага, можна канстатаваць, што ў польскай гістарыяграфіі мытная гісторыя часоў Рэчы Паспалітай не стала самастойным накірункам, і ў тым ліку пытанне станаўлення і развіцця дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. у ёй таксама не даследавана.

Украінская гістарыяграфія. У сучаснай Украіне даследаванні гісторыі мытнай справы набылі актуальнасць на пачатку 1990-х гг., але ў адрозненне ад беларускай гістарыяграфіі распрацоўкай гэтай тэматыкі займаліся не мытнікі, а прафесійныя гісторыкі. За апошнія 30 гадоў украінскімі навукоўцамі праведзена значная праца па вывучэнні гісторыі мытнай справы Украіны, асабліва ў перыяд XIV–XVII стст. Важнае значэнне ў гэтым мае міжнародная наўковая канферэнцыя “Гісторыя гандлю, падаткаў і мыту”, якая з 2010 г. штогод праводзіцца ў Акадэміі мытнай службы і фінансаў Украіны (г. Днепр) і з'яўляецца профільным наўковым форумам па даследаванні гісторыі мытні.

Аналізуочы дасягненні ўкраінскай гістарыяграфіі па даследаванні развіцця мытнай справы ў XIV–XVII стст., украінскі гісторык А. А. Дзячок згрупіраваў работы сваіх калег па трох напрамках: крэйніцаўчыя працы, гістарыяграфічныя і канкрэтна-гістарычныя публікацыі, якія прысвечаны розным аспектам развіцця мытнай справы [59].

Сапраўды, вялікая праца зроблена ўкраінскімі навукоўцамі па даследаванні крэйніц, асабліва кніг Літоўскай Метрыкі. Тут неабходна згадаць працы самага А. А. Дзячка [60; 61; 62] і Л. Ю. Жарабцовой [63; 64; 65; 66], прычым апошнія на падставе сваіх наўковых пошукаў стварыла інфармацыйна-даведачную сістэму “Мыта” з выкарыстаннем камп'ютарных тэхналогій [67].

Акрамя таго, актыўна вывучаецца гісторыкамі развіццё мытнай справы як на асобных украінскіх землях у XIV–XVII стст. – на Валыні (У. Бяркоўскі [68; 69]), у Падняпроўі (І. Рысіч [70]), у Запарожскай Сечы (О. Заярнок [71], К. Гальскі [72] і інш.), так і ва ўсёй Украіне без прывязкі да канкрэтнай тэрыторыі (А. А. Дзячок [73], Л. Ю. Жарабцова [74; 75] і інш.).

Варта падкрэсліць, даследаванні развіцця мытнай сістэмы ў XIV–XVII стст. навукоўцы будуюць на матэрыяле выключна ўкраінскіх тэрыторый, якія ў гэты час уваходзілі ў склад розных дзяржав – ВКЛ, Польскай Кароны, Расіі, а перыяд ВКЛ для ўкраінскіх тэрыторый скончыўся яшчэ падчас заключэння Люблін-

скай унії 1569 г. Што тычыцца гісторыі мытнай сістэмы і мытнай службы, у прыватнасці, у другой палове XVIII ст., то гэты складаны перыяд, калі ўкраінскія землі некаторы час уваходзілі адразу ў тры дзяржаўныя ўтварэнні – Польскую Карону, Расейскую і Аўстрыйскую імперыі, і ва ўкраінскай гістарыяграфіі чакае свайго даследчыка.

Літоўская гістарыяграфія. Развіццё мытнай службы ВКЛ, у тым ліку і ў другой палове XVIII ст., не стала самастойным на-вуковым накірункам і ў сучаснай літоўскай гістарыяграфіі. Па сутнасці, нам вядомы толькі артыкул М. Шапокі, у якім аналізуецца стан мытнай сістэмы і мытнай адміністрацыі ў ВКЛ напачатку XVIII ст. [77].

Разам з тым пры вывучэнні дадзенай тэмы нельга абысці ўвагай працы Р. Шмігельскіце-Стукене (R. Šmigelskytė-Stukienė), якая займаецца праблемамі арганізацыі дзяржаўных інстытутаў і фарміравання дзяржаўнай бюракраты новага тыпу, у тым ліку і вывучэннем некаторых аспектаў дзейнасці Скарбавай камісіі ВКЛ [77; 78, 79]. І хоць яна непасрэдна не акцэнтавала ўвагу на пытаннях функцыяновання мытнай службы ВКЛ, метадагічныя падыходы і пэўныя высновы, зробленыя аўтарам адносна фарміравання дзяржаўнага бюракратычнага апарату ў ВКЛ у другой палове XVIII ст., маюць значэнне і для даследуемай тэмы.

Значны ўклад у вывучэнне гісторыі правядзення адміністрацыйнай рэформы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст., у тым ліку зменаў у развіцці мытнай службы ў гэты час, унеслі супрацоўнікі Інстытута гісторыі Літвы. Вынікі іх даследавання былі апублікованыя ў 2014 г. у калектывнай манаграфіі “Modernios administracijos tapsmas Lietuvoje: valstybės institucijų raida 1764–1794 metais” (“Станавленне сучаснай адміністрацыі ў Літве: развіццё дзяржаўных інстытутаў у 1764–1794 гг.”), адным з аўтараў якой таксама з'яўляецца Р. Шмігельскіце-Стукене [80]. У прыватнасці, яны прыйшлі да высновы, што развіццё дзяржаўнага апарату ў Рэчы Паспалітай у другой палове XVIII ст. мела агульныя тэндэнцыі з аналагічнымі працэсамі развіцця бюракратычнай сістэмы ў ёўрапейскіх дзяржавах, у першую чаргу, у Францыі. Да дзяржаўных інстытутаў новага тыпу яны аднеслі Скарбавую камісію ВКЛ, Вайсковую камісію ВКЛ і Пастаянны Савет (Раду).

У якасці адметных арганізацыйных характеристык новых дзяржаўных органаў аўтары манаграфіі алізначылі наяўнасць элементаў бюракратыі: службовай іерархіі, субардынацыі, рэгламентацыі дзейнасці. У працы таксама паказва-

еца, што Скарбавая камісія з'яўлялася часткай структуры адміністрацыі скарбу ВКЛ, якая ўключала таксама Скарбавую харугву, адміністрацыю мытні ў ВКЛ, мясцовыя (правінцыйныя) органы кіравання фінансамі [80, р. 685].

Акрамя таго, Р. Шмігельскіце-Стукене ўскосна закранала некаторыя пытанні развіцця мытнай сістэмы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст., даследуючы дзейнасць Міхала Клеафаса Агінскага, які, быўшы камісарам Скарбавай камісіі ВКЛ, праводзіў інспекцыю мытні. Аднак, ставячы задачу паказаць М.К. Агінскага ў першую чаргу як палітыка і дыпламата, эканамічным аспектам яго дзейнасці не надавалася адпаведная ўвага [81].

Расейская гістарыяграфія. Тэма гісторыі мытнай сістэмы з'яўляеца папулярнай сярод расейскіх навукоўцаў. Пачатак даследаванню гісторыі расейскай мытнай службы быў пакладзены яшчэ ў XIX – пачатку XX ст. такім вучонымі, як Я. Асокін [82], А. Бабрынскі [83], К. Ладыжэнскі [84], І. Кулішар [85] і інш. Як падкрэсліла адна з найбольш аўтарытэтных сучасных расейскіх даследчыц гісторыі мытні В.Р. Балкавая, “за сто п'яцьдзесят гадоў даследчай працы ў вывучэнні гэтага дзяржаўнага феномена былі дасягнуты значныя поспехі: напісана мноства навуковых артыкулаў, абагульняючых прац, абаронены дысертацыі” [86]. На сучасным этапе гэтаму спрыяе і спецыялізаваная навуковая канферэнцыя “Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX стст.”.

Пры дастаткова глыбокай вывучанасці праблемы ў расейскай гістарыяграфіі неабходна зауважыць, што аўтары не зімаліся даследаваннем аналагічных працэсаў на землях ВКЛ. Разам з тым працы па гісторыі расейскай мытнай сістэмы XVIII ст. прадстаўляюць навуковы інтарэс у свяtle вывучэння развіцця мытнай службы ВКЛ, паколькі даюць магчымасць выявіць падабенствы і адрозненні мытных сістэм двух суседніх дзяржаў, вызначыць ступень узаемаўпывання на іх функцыянованне. Сярод такіх даследаванняў вылучым працы доктара юрыдычных навук В.Г. Балкавай [87], якая якраз вывучае праблему мытнай службы Расейскай імперыі ў XVI–XVIII стст. (нарматыўную базу мытнай сістэмы [88], арганізацыю мытнага справаводства [89], ажыццяўленне дзяржаўнага кантролю на расейскіх мытнях [90; 91] і інш.).

Заключэнне

Падсумоўваючы вышэйсказанае, неабходна канстатаваць той факт, што і ў айчынай, і ў замежнай гістарычнай навуцы адсут-

нічаюць даследаванні, у якіх разглядаецца пытанне стварэння і функцыяновання дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ у другой палове XVIII ст. Асвятленне асобных аспектаў гэтага пытання ў нешматлікіх працах айчынных і замежных аўтараў не дае паўнага ўяўлення пра арганізацію мытнай сістэмы ў той час, пра ролю дзяржаўнай мытнай службы ў эканамічным і фінансавым развіцці краіны.

Разам з tym сёня даследаванне пытанняў станаўлення і развіцця ў другой палове XVIII ст. дзяржаўнай мытнай службы ВКЛ, яе эвалюцыі і месца ў сістэме дзяржаўнага кіравання прадстаўляе інтерес не толькі для гістарычнай науки, але і для служачых мытных органаў, паколькі погляд у мінулае гісторыі мытнай службы дазваляе больш дасканала асэнсаваць і зразумець сучасныя рэаліі, спрагнаваць накірункі развіцця, зрабіць практычныя высновы. Таму дадзеная праблема патрабуе далейшага вывучэння.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

1. Закон Рэспублікі Беларусь “О таможеннем регулировании в Республике Беларусь” от 10 января 2014 г. № 129-З с измен. и доп. <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N11400129>.
2. Положение о Государственном таможенном комитете Республики Беларусь [Электронный ресурс] : утв. Указом Правительства Республики Беларусь от 21 апр. 2008 г. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P30800228>
3. **Довнар-Запольский, М. В.** Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М. В. Довнар-Запольский. – Киев : Тип. Имп. св. Владимира и издательское дело Н. Т. Корчак-Новицкого, 1901. – Т. I. – VIII, 807, CXII с.
4. **Доўнар-Запольскі, М. В.** Соцыяльно-экономічнá структура Літоўска-Беларускага дзяржавы ў XVI–XVIII стагоддзях / М. В. Доўнар-Запольскі // Зборнік гістарычна-археолёгічны. – Менск, 1927. – № 1. – С. 1–66.
5. **Доўнар-Запольскі, М. В.** Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі / Беларус. Энцыкл., Нац. арх. Рэсп. Беларусь ; пер. з рус. Т. М. Бутэвіч, Т. М. Кароткая, Е. П. Фешчанка. – Мн. : БелЭн, 1994. – 510 с.
6. **Мелешко, В. И.** Таможенные книги как исторический источник / В. И. Мелешко // Весні АН БССР. – Сер. грам. навук. – 1959. – № 4.
7. **Мелешко, В. И.** Новые белорусские таможенные книги первой половины XVII в. / В. И. Мелешко // Ист. архив. – 1960. – № 4. – С. 201–203.
8. **Пичета, В. И.** Польская земля в начале XVI в. / В. И. Пичета // “400-лецце беларускага друку (1525–1925)”. – Менск, 1926. – С. 76–113.
9. **Копысский, З. Ю.** Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З. Ю. Копысский. – Минск : Наука и техника, 1966. – 227 с.
10. **Адащик, Ф. И.** Торговые связи города Витебска с Ригой в XVII–XVIII вв. / Ф. И. Адащик // Советское славяноведение : материалы IV конференции историков-славистов (Минск, 31 января – 3 февраля 1968 г.). – Мн. : Изд-во БГУ, 1969. – С. 572–580.
11. **Мелешко, В. И.** Белорусско-польские экономические связи в XVII–XVIII вв. / В. И. Мелешко // Советское славяноведение : материалы IV конференции историков-славистов (Минск, 31 января – 3 февраля 1968 г.). – Мн. : Изд-во БГУ, 1969. – С. 482–490.
12. **Мелешко, В. И.** К вопросу о состоянии экономики Белоруссии и Литвы в конце XVIII в. / В. И. Мелешко // Советское славяноведение. – 1969. – № 2. – С. 69–78.
13. **Грицкевич, А. П.** Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв. (социально-экономическое исследование истории городов) / А. П. Грицкевич. – Мн. : Наука и техника, 1975. – 248 с.
14. **Левко, О. Н.** Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. / под ред. Г. В. Штыхова / О. Н. Левко. – Мн. : Наука и техника, 1989. – 87 с.
15. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – Т. 1 : Першыя народы. – 631 с.
16. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / рэдкал.: М. Касцюк [і інш.]. – Мінск : Беларусь, 1994–1995. – Ч. 1. – 1994. – 527 с.
17. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2008. – Т. 3 : Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII–XVIII стст.) / Ю. Бохан [і інш.]. – 2004. – 344 с.
18. **Шостак, В. П.** Из истории таможни / В. П. Шостак // Таможенный вестник. – 1996. – № 2. – С. 9–12.
19. **Шостак, В. П.** Из истории таможни / В. П. Шостак // Таможенный вестник. – 1996. – № 3. – С. 13–18.
20. **Иванов, В. А.** Очерки по истории таможенного дела и внешней торговли Беларуси 10–20 веков / В. А. Иванов. – Витебск, 2003. – 44 с.
21. **Саяпин, В. Ю.** Пять веков Гродненской таможенной службы / В. Ю. Саяпин. – Гродно : Гродненская типография, 2003. – 400 с.
22. **Суворов, А. М.** Брестская таможня. Доверено страной. 70 лет на границе / [автор концепции и текста А. М. Суворов]. – Брест : Полиграфика, 2009. – 151 с.
23. **Саяпин, В. Ю.** Таможенная служба : в 2 кн. / В. Ю. Саяпин. – Гродно : Гродненская типография, 2005. – Кн. 1 : Мытно и мытники. – 400 с.
24. **Саяпин, В. Ю.** Таможенная служба : в 2 кн. / В. Ю. Саяпин. – Гродно : Гродненская типография, 2005. – Кн. 2 : Борьба с контрабандой. – 616 с.
25. Белоруссия в эпоху феодализма. Сборник документов и материалов : в 3 т. – Минск : Изд-во АН БССР, 1959. – Т. II : С серединой XVII века до XVIII века до воссоединения с Россией. – 560 с.

26. *Острога, В. А.* История таможенного дела и таможенного права Беларуси : учеб. пособие / В. А. Острога. – Минск : БИП-С, 2005. – 192 с.
27. *Острога, В. А.* История таможенного дела и таможенной политики Беларуси : учебное пособие / В. А. Острога. – Минск : БГУ, 2019. – 243 с.
28. *Астрога, В.* Мытная справа / В. Астрога // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя : у 2 т. / рэзкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2 : Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – С. 327–329.
29. *Острога, В. А.* Форменная одежда должностных лиц таможенных органов Республики Беларусь. История и современность / В. А. Острога // Труды БГТУ : научный журнал / учредитель – учреждение образования Белорусский государственный технологический университет. – 2019. – № 1. – С. 75–79.
30. *Острога, В. А.* Специальная таможенная терминология Великого княжества Литовского XVI–XVIII вв. / В. А. Острога // Беларусь в современном мире : материалы VIII Международной конференции, посвященной 88-летию образования Белорусского государственного университета, 30 октября 2009 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Тесей, 2009. – С. 241–242.
31. Гісторыя гандлю ў Беларусі (ад старажытнага часу да канца XX ст.): праблемы вывучэння і перспектывы даследавання : матэр. I Міжнар. наўкува-практ. канферэнцыі (Мінск, 14–16 лістапада 2013 г.) / Цэнтр вывучэння гісторыі гандлю ТАА «Інстытут рознічных тэхналогій “Менка”» ; рэд. рада: Андрэй Кіштымаў, Захар Шыбека [і інш.]. – Мінск : Тэхналогія, 2014. – 295 с.
32. Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі : зб. науак. арт. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Скеп’ян ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларуская наука, 2016. – 503 с.
33. *Пашкевіч, У.* Шляхі ўхілення ад выплаты мыта на тэрыторыі ВКЛ у пачатку XVIII ст. (паводле кніг Метрыкі ВКЛ) / У. Пашкевіч // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі : зб. науак. арт. / Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Скеп’ян ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларуская наука, 2016. – С. 184–189.
34. *Кітурка, І. Ф.* Раэрганізацыя мытнай службы ВКЛ як прыклад фарміравання дзяржаўнай адміністрацыйнай сістэмы ў другой палове XVIII ст. / І. Ф. Кітурка // Ізвестія Гомельскага государственного университета имени Ф. Скорины. – 2014. – № 4(85). – С. 61–65.
35. *Кітурко, І. Ф.* Реформирование таможенной системы ВКЛ в 1772–1775 гг. / И. Китурко // Україна і Велике князівство Літоўське в XIV–XVIII ст.: політичні, економічні, міжнароднальні та соціокультурні відносини в загальноевропейському вимірі : тезіз докладаў. – Київ, 2015. – С. 36–38.
36. *Кітурко, І. Ф.* Государственная таможенная служба ВКЛ во второй половине XVIII в.: создание и основные этапы реорганизации / И. Ф. Китурко // XII Міжнародна наукова конферэнцыя “Історія торгівлі, податкі та мита” : тезіз докладаў. – Київ, 2018. – С. 45–47.
37. *Кітурко, І.* Деятельность Скарбовой комиссии Великого Княжества Литовского по созданию таможенной службы как пример модернизации государственной системы управления во второй половине XVIII в. / И. Китурко // XVIII amžiaus studijos. – Vilnius : Lietuvos istorijos instituto leidykla, 2014. – Т. I : Lietuvos Didžioji Kunigaikštystė XVIII amžiaus: tarp tradicijų ir pačiovicių. – С. 114–127.
38. *Кітурко, І.* Таможенная люстрация 1769 г. на границе с Пруссней и Курляндиею в реализации экономической политики Скарбовой комиссии ВКЛ / И. Китурко // Wiek Stare i Nowy. – Т. 7(12). – Katowice, 2014. – С. 63–82.
39. *Кітурка, І.* Міхал Клеафас Агінскі і яго прапановы па ўдасканаленні працы Скарбавай камісіі Вялікага Княства Літоўскага / І. Кітурка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 10. – С. 13–19.
40. *Кітурка, І.* Архіў Скарбавай камісіі ВКЛ як асноўны збор крыпці па вывучэнню мытнай справы ў ВКЛ у другой палове XVIII ст. / І. Кітурка // Романовскія чатніні-10, посвяц. 80-летию со дня основания истор. факультета: сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 20 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 114–116.
41. *Острога, В. А.* История белорусских таможен. К проблеме изучения / В. А. Острога // Актуальные проблемы теории и практики таможенного дела в условиях международной экономической интеграции [Электронный ресурс] : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Респ. Беларусь, Минск, 20 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2019. – С. 94–99.
42. *Берковіцький, В. Г.* Митна система Речі Посполитої в польскій історіографії кінця XIX–XX ст. / В. Г. Берковіцький // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2010. – № 2(2). – С. 38–45.
43. *Korzon, T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) / T. Korzon. – T. II. – Kraków–Warszawa, 1897.
44. *Korzon, T.* Wewnętrzne dzieje Polski za Stanisława Augusta (1764–1794) / T. Korzon. – T. IV. – Kraków–Warszawa, 1897. – 340 s.
45. Lietuvos Vastybes Istorijos Archyvas (LVIA) – Дзяржаўны гістарычны архіў Літвы. – LVIA. – F. 11. Скарбовая камісія ВКЛ (1509–1797 гг.). – Ap. 1. – Bib. 114. Эканамічныя пратаколы ўказаў, інструкций і распараджэнняў (1775–1778 гг.).
47. *Rybarski, R.* Skarbowość Polski w dobie rozbiorów / R. Rybarski. – Kraków: Nakładem Polskiej Akademii Umiejętności, 1937. – 473 s.
48. *Kościałkowski, St.* Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworni Litewski / St. Kościałkowski. – Londyn, 1970. – T. I. – 686 s.
49. *Kościałkowski, St.* Antoni Tyzenhauz. Podskarbi Nadworny Litewski / St. Kościałkowski. – Londyn, 1970. – T. II. – 573 s.

50. *Китурко, И.* Скарбовая комиссия ВКЛ и реорганизация таможенной службы в 1765–1772 гг. / И. Китурко // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Вып. 29. – Мінск, 2014. – С. 129–139.
51. *Drozdowski, M.* Podstawe finansowe działalności państowej w Polsce 1764–1793 / M. Drozdowski. – Warszawa–Poznań: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1975. – 216 s.
52. *Ciesielski, T.* Stan badań nad skarbowością polską i litewską wieku XVIII / T. Ciesielski // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. – T. VIII. – Lublin–Łódź, 2003. – S. 44–59.
53. *Waszko, St.* Celnictwo w Polsce przedrozbiorowej (cla i polityka celna, instruktarze i postępowanie celne) / St. Waszko. – Sopot–Poznań : Nakładem Wyższej szkoły ekonomicznej, 1960. – 237 s.
54. *Pilipczak-Kocur, A.* Cla litewskie 1630–1634 (z dziejów skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego za podskarbiostwa Stefana Paca) / A. Pilipczak-Kocur // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. – Kraków – Lublin – Łódź, 2008. – № 11. – S. 87–100.
55. *Kuś, A.* Clo i postępowanie celne w Polsce przedrozbiorowej / A. Kuś // Roczniki nauk prawnych. – 2002. – T. XII. – Zesz. 1. – S. 167–179.
56. *Pilarczyk, P. M.* Komisja Skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec zagadnień handlowych / P. M. Pilarczyk // Гісторыя гандлю на тэрыторыі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі ; уклад. А. А. Скеп'ян ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – С. 189–201.
57. *Pilarczyk, P. M.* Polityka gospodarcza jako czynnik kształtowania rozwiązań prawnych. Wpływ na regulacje celne w polskiej skarbowości od XVIII do XX wieku / P. M. Pilarczyk // Studia z Dziejów Państwa i Prawa Polskiego. – Kraków – Lublin – Łódź, 2013. – № 16. – S. 73–87.
58. *Pilarczyk, P. M.* Sądownictwo Komisji skarbu Wielkiego Księstwa Litewskiego w sprawach skarbowych (1765–1794) / P.M. Pilarczyk. – Poznań : Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, 2019. – 479 s.
59. *Дячок, О. О.* Історіографія і напрямки подальших досліджень митних відносин на українських землях середини XIV – середини XVII ст. / О. О. Дячок // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2010. – № 2(2). – С. 24–37.
60. *Дячок, О. О.* Історія митних відносин на українських землях середини XIV ст. –середини XVII ст. (методологічні та джерелознавчі аспекти) / О. О. Дячок // Матеріали V конгресу Міжнародної асоціації україністів. Історія : зб. наук. статей. – Чернівці: Рута, 2003. – Ч. 1. – С. 130–134.
61. *Дячок, О. О.* Методологічні та джерелознавчі аспекти історії митних відносин на українських землях середини XIV ст. – середини XVII ст. / О. О. Дячок // Митна політика в Україні. Історичні та правові аспекти проблеми: зб. наук. праць пам'яті проф. Йосипа Леонідовича Рисіча. – Дніпропетровськ : АМСУ, 2004. – С. 64–78.
62. *Дячок, О. О.* Митні відносини на українських землях в документах Литовської метрики / О. О. Дячок // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Міжпредметний простір історії ідей у вітчизняній науці : міжвід. зб. наук праць. – Дніпропетровськ : РВВ ДНУ, 2004. – С. 154–170.
63. *Жеребцова, Л.* Класифікація джерел з історії митної організації на українських землях доби Великого князівства Литовського та Речі Посполитої / Л. Жеребцова // Український історичний збірник. – К., 2004. – Вип. 7. – С. 416–433.
64. *Жеребцова, Л.* Історія митної справи Великого князівства Литовського та Речі Посполитої на українських землях: методи дослідження / Л. Жеребцова // Наук. записки. – Київ, 2004. – Т. 27 : Іст. науки. – С. 22–28.
65. *Жеребцова, Л.* Митна справа на українських землях XIV – середини XVII ст.: джерелознавчий аспект / Л. Жеребцова // Українська історична наука на сучасному етапі розвитку: 1 Міжнар. конгрес українських істориків. – Кам’янець-Подільський ; Київ ; Нью-Йорк ; Острог, 2005. – Т. 1. – С. 126–136.
66. *Жеребцова, Л. Ю.* Формування митної системи на українських землях Великого князівства Литовського: джерела і методи дослідження : автореф. дис. ... канд. іст. наук / Л. Ю. Жеребцова. – Дніпропетровськ, 2008. – 20 с.
67. *Жеребцова, Л. Ю.* Комп’ютерні технології проектування інформаційно-довідкової системи “Мито” / Л. Ю. Жеребцова, О. Ю. Жеребцов // Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України: Міжпредметний простір історії ідей у вітчизняній науці : міжвід. зб. наук праць. – Дніпропетровськ : РВВ ДНУ, 2004. – С. 236–247.
68. *Берковський, В.* Типологія і структура митної системи Волині в кінці XV – першій половині XVII ст. / В. Берковський // Вісник Академії митної служби України. – 2006. – № 1. – С. 120–133.
69. *Berkowski, W.* Wołyń w systemie celnym Wielkiego Księstwa Litewskiego i Korony Polskiej (XVI – połowa XVII wieku) / W. Berkowski // Europa Orientalis. Studia z dziejów Europy Wschodniej i Państw Bałtyckich. – 2008. – Nr. 1. – S. 217–233.
70. *Rusich, I.* Торговельно-митні відносини в історії Подніпров'я / I. Рисіч // Вісник Академії митної служби України. – 2001. – № 2. – С. 89–90.
71. *Заярнюк, О.* Митна служба в Запорозькій Січі (завдання, структура, значення) / О. Заярнюк // Вісник Академії митної служби України. – 2000. – № 2. – С. 36–37.
72. *Гальський, К. С.* Торгівля і митна справа в Запорозькій Січі (друга половина XVI – 70-ті рр. XVIII ст.) / К. С. Гальський. – К. : Панорама, 2005. – 256 с.
73. *Дячок, О. О.* Мережа митниць на українських землях середини XIV – середини XVII ст. / О. О. Дячок // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2010. – № 1(1). – С. 65–89.
74. *Жеребцова, Л.* Організація митної служби на землях Великого князівства Литовського на-

- прикінці XV – середині XVI ст. (до 1569 р.) / Л. Жеребцова // Історія торгівлі, податків та мита : зб. наук. праць. – Дніпропетровськ, 2007. – С. 52–57.
75. **Жеребцова, Л.** Деякі аспекти практичної роботи мітної служби на землях Великого Князівства Литовського / Л. Жеребцова // *Ukraina Lithuania*. – Каїр, 2013. – Т. II. – С. 209–227.
76. **Šapoka, M.** Senujų muičių administravimas Lietuvos Didžiojoje Kunigaikštystėje 1710–1717 m. / M. Šapoka // *Lietuvos Istorijos Metraštis*. – 2019. – № 1. – Р. 79–100.
77. **Шмігельскіце-Стукене, Р.** Праверка дзеянніасці Скарбовай камісіі Вялікага Княства Літоўскага ў 1792–1793 гг. / Р. Шмігельскіце-Стукене // ARCHE. – № 6(105). – 2011. – С. 231–245.
78. **Šmigelskytė-Stukienė, R.** From Clientage Structure to a New Social Group: The Formation of the Group of Public Servants in the Grand Duchy of Lithuania in the Late Eighteenth Century / R. Šmigelskytė-Stukienė // Social and Cultural Relations in the Grand Duchy of Lithuania. Microhistories. – Routledge, 2019. – Р. 148–165.
79. **Šmigelskytė-Stukienė, R.** Development of the Bureaucratic System in the Polish-Lithuanian Commonwealth: the Case of the Treasury Commission's Activities (1764–1794) / R. Šmigelskytė-Stukienė // *Lituuanus. The Lithuanian Quarterly Journal of Arts and Sciences*. – Volume 64:3. – Fall 2018. – Р. 22–38.
80. Modernios administracijos tapsmas Lietuvoje: valstybės institucijų raida 1764–1794 metais / R. Šmigelskytė-Stukienė, E. Brusokas, L. Glemža, R. Jurgaitis, V. Rakutis. – Vilnius, 2014. – 700 p.
81. **Шмігельскіце-Стукене, Р.** Михал Клеофас Огинский: політик, дипломат, миністр. Научна монографія / Р. Шмігельскіце-Стукене. – Мінск : Научныі мир, 2015. – 192 с.
82. **Осокин, Е.** Внутренние таможенные пошлины в России / Е. Осокин. – Казань : Губ. тип., 1850. – 184 с.
83. **Бобринский, А.** О применении систем охранительной и свободной торговли к России и о значительном понижении таможенного дохода по ведению тарифа 1857 года / А. Бобринский. – М. : Тип. В. Гогте, 1868. – Ч. 1-2. – 240 с.
84. **Лодыженский, К.** История русского таможенного тарифа / К. Лодыженский. – СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1886. – 410 с.
85. **Кулишер, И. М.** Очерки по истории таможенной политики / И. М. Кулишер. – СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1903. – 51 с.
86. **Балковая, В. Г.** Таможенная служба в системе управления Российского государства (XVI–XVIII вв.): историко-правовой аспект : дисс. ... докт. юрид. наук / В. Г. Балковая [Электр. ресурс] <https://www.dissertcat.com/content/tamozhennaya-sluzhba-v-sisteme-upravleniya-rossiiskogo-gosudarstva-xvi-xviii-vv-istoriko-pra/>. – Дата доступа: 05.11.2020.
87. **Балковая, В. Г.** Таможенная служба в системе управления российского государства в XVI–XVIII вв. / В. Г. Балковая. – Владивосток : РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. – 281 с.
88. **Балковая, В. Г.** Нормативная база деятельности таможенной системы в Российской империи XVIII века / В. Г. Балковая // Страницы истории. – № 1(78). – 2017. – С. 76–84.
89. **Балковая, В. Г.** Организация таможенно-делопроизводства в Российской империи в XVIII веке / В. Г. Балковая // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – № 5(88). – 2012. – С. 17–22.
90. **Балковая, В. Г.** Инспекторы таможен в XVIII в. / В. Г. Балковая // Страницы истории. – № 3(68). – 2014. – С. 115–120.
91. **Балковая, В. Г.** Государственный контроль и надзор в отношении таможенной системы Российской империи в XVIII в. / В. Г. Балковая // Страницы истории. – № 2(71). – 2015. – С. 102–108.

Паступіў у рэдакцыю 26.04.2021 г.

Кантакты: ikiturko@grsu.by
(Кітурка Ірына Фёдараўна)

Kiturka I. ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF STATE CUSTOMS SERVICE IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE LATTER HALF OF THE XVIII CENTURY: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE.

The article presents the analysis of the status of the issue of the establishment and functioning of the State Customs Service in the GDL during the second half of the XVIII century in the Belarusian, Russian, Polish, Ukrainian, and Lithuanian historiographies. It points out that the study of this issue is of considerable interest not only for historical science but also for the functioning of customs authorities. The research conducted leads to the conclusion that the issue of the establishment and functioning of the State Customs Service in the GDL in the latter half of the XVIII century has not been holistically studied either in the local or in the foreign historiography. It is suggested that this situation reflects the conception that emerged in the Russian and later in the Soviet historiography about the complete decline of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the second half of the XVIII century; political anarchy in the state, the inability of the ruling elite to implement progressive reorganizations, which resulted in the divisions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. Thus, many issues related to the history of the GDL in the XVIII century including the establishment and functioning of the State Customs Service of the GDL in the latter half of the XVIII century were out of historical research for a long time.

Keywords: historiography, the latter half of the XVIII century, the epoch of Stanislaw, State Customs Service, customs policy, the GDL, the Polish-Lithuanian Commonwealth, repartition, komora (customs).

УДК 94(476.1)“1789/1917”(092)(035)

**АТОН ІГНАТАВІЧ ГОРВАТ (1809–1894):
АДМІНІСТРАТАР І ГАСПАДАР**

A. P. Раюк

кандыдат гісторычных навук, дацэнт
Беларускі нацыянальны тэхнічны ўніверсітэт

У артыкуле прааналізавана прыватнае жыццё, адміністрацыйная і гаспадарчая дзеінасць мінскага губернскага маршала (1847–1853) Атона Ігнатавіча Горвата (1809–1894). Адзначаецца, што зямельнае багацце было першай прыступкай для сацыяльнага ўзвышэння сям'і Горватаў, а ўстанаўленне сваяцкіх суязей Атона Горвата з упльзовымі мінскімі губернскімі маршалкамі вывела Горватаў у XIX ст. у склад рэгіональнай эліты Мінскай губерні і Беларусі. Талент бізнесмена дазволіў Атону Горвату ў гэтай сітуацыі ствараць і кіраваць эфектыўнымі буйнымі прыватнымі гаспадаркамі.

Ключавыя слова: Атон Ігнатавіч Горват, Горватаў, мінскі губернскі маршалак дваранства, Рэчыцкі павет, Мінская губерня, Расійская імперыя, эканамічнае гісторыя Беларусі, прасапаграфія.

Уводзіны

У гісторычных даследаваннях і энцыклапедыях мала ўвагі звяртаецца на такі шляхецкі род, як Горватаў, які ўзвысіўся і меў грамадскі ўплыў у Беларусі на працягу т. зв. “доўгага XIX стагоддзя” ў еўрапейскай гісторыі (1789–1918), які для нашай краіны супаў з часам знаходжання беларускіх зямель у складзе Расійскай імперыі і з цяжкім працэсам фарміравання капіталістычнага і бессаслоўнага грамадства. У дадзеным артыкуле мы ставім за мэту прааналізаць і ацаніць прыватнае жыццё і дзеінасць аднаго з выдатных прадстаўнікоў гэтай сям'і – мінскага губернскага маршала (прадвадзіцеля дваранства) Атона Ігнатавіча Горвата (1809–1894).

Асноўная частка

Атон Ігнатавіч Горват нарадзіўся 17 сакавіка 1809 г. у бацьковым маёнтку Карапі Рэчыцкага павета Мінскай губерні ў каталіцкай шляхецкай сям'і Ігната Тадэвушавіча Горвата і яго жонкі Юзэфы Феліцыянаўны Рудніцкай. Пойнае імя, якое ён атрымаў пры хросце 24 сакавіка ў мазырскім касцёле, было “Юзаф-Ізідор-Атон” [1, арк. 23], з якіх ён звычайна карыстаўся па-польску і па-руску толькі імем “Атон” (альбо “Ота”). Род Горва-

таў (Hogwatt), верагодна, паходзіў з серба-харвацкіх зямель, адкуль іх продак па прозвішчы Нікшиц перасяліўся ў ВКЛ дзесьці ў XVII ст., і даўно натурализаваўся ў мясцовым асяроддзі [1, арк. 23].

Бацька, Ігнат Горват, адносіўся да сярэднезаможнай шляхты і атрымаў у спадчыну родавы маёнтак Ліпаў (Ліпава) у Мазырскім павеце ВКЛ, дзе зрабіў пэўную кар'еру: служыў на пасадах мазырскага гродзкага суддзі (1782–1795) і паралельна мазырскага цывільна-вайсковага камісара (1790–1793) [2, арк. 140]. Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай маёнтак Ліпаў увайшоў у склад Рэчыцкага павета Мінскай губерні Расійскай імперыі, дзе Ігнат Горват абіраўся мясцовымі дваранамі на пасады вывадовага дэпутата ад Рэчыцкага павета ў Мінскім дваранскім дэпутацкім сходзе (1798–1802) і старшыні Рэчыцкага павятовага межавага суда (1814–1817) [3, арк. 179 адв.]. Ён не ўдзельнічаў у бураломных падзеях беларускай гісторыі канца XVIII – пачатку XIX ст., і яго маёнткі не былі сэквестраваны расійскімі ўладамі. Наадварот, Ігнату Горвату ўдалось на быць у 1810–1820-я гг. шмат значных маёнткаў у Рэчыцкім павеце Мінскай губерні (Нароўля, Барбароў, Галоўчыцы і інш.), многія з якіх у свой час былі секвестраваны ў паўстанцаў Аскеркаў [4, с. 22–23]. Гэта было вызначана пасляховай гаспадарчай дзеінасцю, у першую чаргу вырабам гарэлкі. Напрыклад, у 1809 г. у сваім лісце Ігнат Горват прапаноўваў было му мазырскому павятовому маршалку Феліксу Яленскому купіць у яго гарэлкі, запэўніваючы, што яна “найлепшага гатунку, роўнай якой да таго не бачана” [5, арк. 14].

Пасля смерці Ігнат Горват пакінуў сваім чатыром сынам (Аляксандру, Станіславу, Атону і Даніэлю) і чатыром дочкам значныя зямельныя ўладанні (дзе ў 1826 г. агульна налічвалася 2 958 рэвіскіх душ [6, арк. 18–25адв.]), чым вывеў свой род са стану сярэднезаможнай шляхты ў латыфундыстаў. Сыны не толькі не выпусцілі багацце з рук, а значна яго павялічылі і ўвайшлі ў склад эліты як Мінскай губерні, так і ўсяго беларуска-літоўскага краю ў XIX ст.

Многія прадстаўнікі роду Горватаў вызначаліся мангалойднымі рысамі (у тым ліку Атон Горват), бо мелі, напэўна, татарскія гены. Мемуарыстка Яніна Жалтоўская напісала пра зневісці выгляд нашчадкаў Ігната Горвата: “Не мелі ні расы, ні прыгажосці, акрамя пана харунжага (Аляксандра Ігнатавіча Горвата. – A.P.), а мелі мангольскі тып: выступаючыя ску-

лы, плоскія насы, жоўты колер скуры, шырокія тоўстыя вусны і млявыя сілуэты” [7, с. 31].

У дзяцінстве Атон разам з братам Даніэлем выхоўваўся ў варшаўскай школе піяраў “Collegium Nobilium”(якая месцілася ў Жалібору – паўночна-заходнім раёне горада) [8, с. 86]. Там браты пазнаёміліся з многімі прадстаўнікамі мясцовай арыстакратыі: вядома, што князь Адам Ежы Чартарыйскі (1770–1861) асабістая ведаў Даніэлю Горвату [4, с. 28]. Пасля Атон Горват вучыўся ў Мінскай губернскай гімназіі [8, с. 86].

Неўзабаве па заканчэнні гімназічнага курса навук Атон Горват 28 жніўня 1829 г. у капліцы Мінскай дыяцэзіяльнай семінарыі пабраўся шлюбам з Людвікай Оштарп, дачкой мінскага губернскага маршалка (1823–1847) Льва Францавіча Оштарпа, і вырашыў паслужыць у дваранскіх установах. У Рэчыцы з 17 чэрвеня 1830 г. да 18 ліпеня 1838 г. (з залічннем службы ад 13 лютага 1829 г.) ён служыў у канцылярыі рэчышкага павятавага маршалка, якім у 1820–1853 гг. быў граф Міхал Рафалавіч Ракіцкі, уласнік вялікага брагінскага маёнтка, упływowы прадстаўнік дваранскай эліты Мінскай губерні і пляменнік мінскага губернскага маршалка (1811–1814) графа Людвіка Міхалавіча Ракіцкага [8, с. 86]. Людвік Ракіцкі таксама быў хросным бацькам дачкі Льва Оштарпа – Ганны [8, с. 187].

Рэчышкі павет знаходзіўся вельмі далёка ад галоўных цэнтраў паўстання 1830–1831 гг., і там яно разгарнулася слаба. Сястра Атона Горвата Кацярына была замужам за мажнікоўцам Геранімам Антонавічам Кеневічам, брат якога, Фелікс Кеневіч (1802–1863), стаў кіраўніком паўстання ў Мазырскім павеце і са сваім паўстанцкім атрадам прыйшоў у Рэчышкі павет, дзе рэкурутаў сялян у маёнтках Нароўля і Барбароў, якія належалі адпаведна Даніэлю і Аляксандру Ігнатавічам Горватам [4, с. 28]. Пасля падаўлення паўстання браты Аляксандар, Даніэль і Станіслаў Горваты добраахвотна з'явіліся да расійскіх улад з пакаянем, таму ім удалося пазбегнуць пакарання і захаваць маёнткі [9, арк. 3739–3740].

У верасні 1835 г. у Мінску на чарговых дваранскіх выбарах на пасаду мазырскага павятавага маршалка завочна быў выбраны Казімір Юзафавіч Яленскі (1778/1780–1860), а першым “кандыдатам” на тую пасаду (каль не будзе зацверджаны Яленскі) – Атон Горват, службіт канцылярыі рэчышкага павятавага маршалка. Калі Яленскі паведаміў мінскаму губернскому маршалку Льву Оштарпу пра тое,

што не можа прыняць пасаду па прычыне слабага здароўя, Оштарп звярнуўся да мінскага губернатора прызначыць мазырскім павятовым маршалкам Атона Горвата, які 8 лістапада 1835 г. атрымаў чын калежскага рэгістратара. Аднак Горват не быў зацверджаны на пасаду віленскім ваенным генерал-губернаторам, бо праслужыў менш за 10 год на дзяржаўнай (ваеннай і грамадзянскай) службе ў Расійскай імперіі [10, арк. 80–86].

З 17 кастрычніка 1838 г. Атон Горват зноў служыў у канцылярыі рэчышкага павятавага маршалка, атрымаў 24 снежня 1840 г. чын губернскага сакратара і зволіўся 7 верасня 1841 г. па ўласным прашэнні [8, с. 86].

У 1840 г. Атон і Людвіка Горваты былі ў Рыме, дзе сустрэліся ў тым ліку з прызнанымі паэтам-рамантыкамі графам Зыгмундам Красінскім, а таксама Міхалам Чайкоўскім, які ад імя князя Адама Ежы Чартарыйскага, кіраўніка пасляпаўстанчай арыстакратычнай эміграцыі ў Парыжы, прапанаваў Атону Горвату стаць упаўнаважаным князя Чартарыйскага і паўнамоцным куратарам “Манархічнага таварыства Трэцяга Мая” на тэрыторыі Мінскай губерні [8, с. 87]. Але гэта не ўспрынялі сур’ёзна ні Атон Горват, ні арыстакратычная эміграцыя ў Парыжы [4, с. 28].

14 жніўня 1844 г. Атон Горват падпісаў вольную свайму прыгоннаму селяніну маёнтка Яўтушкавічы Фаме Ігнатавічу Міцкевічу “за верныя яго паслугі, добрыя якасці, выдатныя і ўзорныя паводзіны” [11, арк. 36]. Міцкевіч пазней набыў нерухомасць у Мазыры і запісаўся ў мяшчанскае саслоўе [11, арк. 1].

Атон Горват вырашыў зноў пайсці на дваранскую службу і 21 верасня 1844 г. быў выбраны членам Мінскага губернскага камітэта для разгляду і складання інвентароў памешчыцкіх маёнткаў, 7 сакавіка 1846 г. выбраны ганаровым наглядчыкам вучылішча Мазырскага павета, а 20 верасня 1846 г. атрымаў чын калежскага сакратара [8, с. 86–87].

На чарговых дваранскіх выбарах 23 верасня 1847 г. Атон Горват быў выбраны дваранамі Мазырскага павета на пасаду мазырскага павятавага маршалка на 3 гады і зацверджаны на гэты пасадзе мінскім губернаторам. Атон Горват нават паспей падпісацца ў дакументах як “мазырскі павятовы маршалак” [12, арк. 41]. Аднак на тых жа выбарах 27 верасня ён быў выбраны на пасаду мінскага губернскага маршалка, 19 снежня 1850 г. пераабраны дваранамі яшчэ на 3 гады, займаў пасаду мінскага губернскага маршалка да 2 кастрычніка

1853 г., а таксама за стараннасць на службе 6 снежня 1850 г. атрымаў чын калежскага асэсара [8, с. 87]. 22 лістапада 1852 г. Горват быў зацверджаны ў званні старшыні Мінскага дабрачыннага таварыства [13, арк. 131].

Вялікую ролю ў выбранні Атона Горвата на пасаду мінскага губернскага маршалка мелі яго сваяцкія сувязі – у першую чаругу яго шлюб з дачкой папярэдняга ўпływowага мінскага губернскага маршалка Льва Оштарпа. Губернскія маршалкі беларуска-літоўскіх губерняў у канцы XVIII – першай палове XIX ст. знаходзіліся ў бліzkім сваяцтве паміж сабой і з многімі павятовымі маршалкамі губерні, мелі аўтарытэт і з'яўляліся нефармальнай рэгіянальнай элітай, якая складалася звычайна з 7-8 самых упływowых дваранскіх сямей губерні [14]. Каля Леў Оштарп кіраваў губернскім дваранствам, Атон Горват зайсёды трymаўся побач са сваім цесцем [15, арк. 9].

У Мінску маршалак Атон Горват з жонкай Людвікай арандавалі апартаменты ў філіалі дома мінскага купца Далпацэ на вуліцы Койданаўскай, дзе трымалі свой дом адкрытым і кожны аўторак звычайна ладзілі шматлюдныя прыёмы для губернскага дваранства. А па чацвяргах ладзіліся прыёмы ў мінскага павятовага маршалка (1841–1856, 1859–1863) Ігната Багдашэўскага, уласніка Вязыні ў Мінскім павеце [16, с. 27–28]. Загараднай рэздэнцыяй і месцам нефармальных прыёмаў дваран для маршалка Атона Горвата стаў палац у Прылуках, якім валодала Людвіка Горват па спадчыне ад свайго бацькі Льва Оштарпа [17, арк. 33–36].

Знакаміты мастак Ян Дамельна маліваў у Мінску ў тыя часы партрэты губернскага маршалка Атона Горвата і яго жонкі Людвікі, брата Даніэля Горвата і яго жонкі Іфігеніі [18, с. 46]. У канцы 1848 г. Атон Горват, жадаючы зрабіць незабыўную памяць, папрасіў мінскасе губернскасе праўленне дазволіць яму ў сваім маёнтку Карані Рэчыцкага павета пабудаваць каталіцкую капліцу, пад падлогай якой размясціць цэлы сваіх памеральных бацькоў, на што атрымаў дазвол улад [19, арк. 1, 25].

Менавіта ў перыяд кіравання Горвата губернскім дваранствам у 1852 г. у Мінску для мясцовых дваран адбылася такая знакавая ў беларускай гісторыі падзея, як прэм’єра “Ідылій” Вінцэнта Дуніна-Марцінкевіча і Станіслава Манюшкі. Цікава, што даверанай асобай Атона Горвата шмат разоў быў Люцыян Неслухоўскі, які быў вельмі вядомым у Мінску адвакатам, пасярэднікам і, дарэчы,

бацькам беларускага паэта Яна Неслухоўскага (Янкі Лучыны) [20, арк. 2–3; 21, арк. 34]. Вядома таксама, што Сафія Аляксандраўна Горват, дачка Аляксандра Іgnatavіча Горвата і жонка графа Юзафа Юзафавіча Тышкевіча (1830–1891), рабіла фальклорныя запісы ў сваім штамбуху (датаваным 1849–1855 гг.), з якога пазней Рамуальд Зямкевіч перапісаў мелодыю і тэкст беларускамоўнай песні з-пад Мазыра “Ой, у полі жыла” [22, с. 468].

З лістапада 1853 г. Атон Горват адышоў ад актыўнай дваранскай службы і звычайна стала жыць у Прылуках ці Ліпаве. Сучаснікі адзначылі, што ў Прылуках Атон Горват трymаў узорную гаспадарку і “даў магчымасць сваім сялянам дома зарабіць гроши і пад кіраўніцтвам умелых майстроў вывучыць яшчэ розныя рамёствы” [8, с. 87].

Але Атону Горвату як аўтарытэтнаму гаспадару яшчэ давялося паўдзельнічаць у знакавых падзеях гісторыі края. 30 жніўня 1858 г. для мэт падрыхтоўкі сялянскай рэформы ў Расійскай імперыі быў створаны Мінскі губернскі камітэт па сялянскай справе, на чале якога стаў мінскі губернскі маршалак (1853–1859) Людвік Слатвінскі, а намеснікам быў абраны Атон Горват [23, с. 161]. А 17 верасня 1858 г. у Мінску мясцоваяе дваранства прымала расійскага імператара Аляксандра II, які накіроўваўся ў Вільню. Жонка Атона Горвата Людвіка, паводле ўспамінаў Эдварда Вайніловіча, алегарычна выказвалася жэстамі (паказваючы на партрэты Аляксандра I і Тадэвуша Касцюшкі), што ад расійскага імператара мясцовыя дваране чакаюць ліберальний канстытуцыі і ўвядзення аўтаноміі для края ў імперыі [24, с. 54–55].

Пасля заўчастнай смерці Людвікі Атон Горват пабраўся шлюбам з сярэднезаможнай дваранкай Міхалінай Вайніловіч, якая была маладзейшая за мужа на 39 год, і жыць у Ліпаве [8, с. 89]. Верагодна, такі шлюб больш паспрыяў яе брату – Эдварду Вайніловічу, сярэднезаможнаму маянтоўцу, які хутка набіраў аўтарытэт у Мінскай губерні, быў лідарам Мінскага таварыства сельскай гаспадаркі, а ў канцы XIX – пачатку XX ст. увогуле стаў лідарам маянтовых дваран-кансерватораў беларускіх губерняў. Па захаваным фотаздымкам вядома, што ў сваіх палацы ў Савічах Эдвард Вайніловіч павесіў партрэт Атона Горвата побач з партрэтамі сваіх продкаў у сваім кабінэце.

Атон Горват перажыў усіх сваіх братоў і памёр у сталым узросце 7 сакавіка 1894 г. у Мінску, пасля чаго сваякі пахавалі яго ў маёнт-

ку Ліпаў у фамільным некропалі [8, с. 86]. Ад абодвух шлюбаў Атон Горват дзяцей не меў.

Пасля смерці Іgnата Горвата яго сыны напачатку валодалі бацькавымі маёнткамі (з 2 958 рэвіскімі душамі) супольна, пакуль не вырашылі падзяліць спадчыну і пазней валодалі паасобку значнымі маёнткамі ў Мазырскім, Рэчыцкім і Радамысльскім паветах, але мелі прыязнія сямейных адносін і ў гаспадарчых спраўах заўсёды дзейнічалі згодна [25, арк. 8–9], што рабіла іх латыфундистамі. Іх маёнткі размяшчаліся кампактна і па-суседстве ўздоўж ніжняга цячэння Прыпяці (Нароўля, Барбару, Ельск, Галоўчыцы, Цешкава, Ломачы, Жары, Хабна, Ліпаў, Дудзічы і інш. – з цэлай процьмай прыналежных вёсак), па якой Горваты адпраўлялі сваю працу (гарэлка, скуры, смала, лес і інш.) на Украіну, а таксама гналі дарогамі сваю жывёлу ў Санкт-Пецярбург на продаж.

У 1841 г. за чатырма сынамі Іgnата Горвата сукупна налічвалася 4 632 рэвіскія душы ў Рэчыцкім павеце [26, арк. 150–152], у 1851 г. – 4 513 рэвіскіх душ [27, арк. 13–14 адв.], а ў 1862 г. – 4 031 рэвіская душа былых прыгонных сялян і 170 172 дзесяціны зямлі (заселенай і незаселенай) [28, арк. 330]. За Горватамі ў Мінскай губерні ў 1876 г. мелася 107 249 дзесяцін зямлі [29, с. 41]. У другой палове XIX ст. Горваты ўжо знаходзіліся ў сваяцтве з такімі ўплывовымі родамі губерні і края, як Валадковічы, Ваньковічы, Хамінскія, графы Красіцкія і графы Тышкевічы.

Атон Горват атрымаў ад бацькі маёнткі Ліпаў, Яўтушкавічы і Карапі ў Рэчыцкім павеце, дзе ў 1841 г. налічвалася 808 рэвіскіх душ (15 820 дзесяцін зямлі, вінакурня, 2 конныя млыны і 2 карчмы), у 1853 г. – 924 душки [27, арк. 13–14 адв.], а ў 1862 г. – 871 рэвіская душа былых прыгонных і 19 632 дзесяціны зямлі [28, арк. 330]. У 1876 г. маёнткі Ліпаў і Яўтушкавічы налічвалі разам 15820 дзесяцін зямлі [29, с. 41], а ў 1888 г. у валоданні Атона Горвата знаходзіліся разам 16 018 дзесяцін зямлі (маёнткі Ліпаў, Атолін, Прудзічча, Карапі і Яўтушкавічы) [30, арк. 85–86].

Першая жонка Атона Горвата Людвіка атрымала ў 1852 г. у спадчыну маёнтак Прылукі ў Мінскім павеце, дзе ў 1853 г. лічылася 427 рэвіскіх душ [17, арк. 26–31 адв.]. У 1872 г. маёнтак Прылукі разам з палацам быў куплены графам Эмерыкам Чапскім (1828–1896). Праз пэўны час пасля смерці Атона Горвата яго другая жонка Міхаліна (з-за адсутнасці супольных дзяцей) перадала маёнткі

мужа яго сваяку – Станіславу Аляксандравічу Горвату (1866–1930), дэпутату I Дзяржаўной Думы Расійскай імперыі ад Кіеўскай губерні.

Заключэнне

Атон Іgnатавіч Горват больш за ўсё правяў сябе ў адміністрацыйнай і гаспадарчай дзейнасці, ён не цікавіўся вясеннымі справамі, “беларушчынай” (вялікі запыт і цікавасць да ўз্দыму і пашырэння культуры на літаратурнай беларускай мове ўзніклі ў беларускім грамадстве ў самым канцы XIX ст.). Сваёй дзейнасцю і сваяцкімі сувязямі буйны землеўласнік і мінскі губернскі маршалак Атон Горват замацаваў за Горватамі статус уплывовай сям'і Мінскай губерні і Беларусі, а таксама паспрыяў сацыяльному ўзвышэнню Эдварда Вайніловіча.

Можна пагадзіцца з меркаваннем мемуарысткі Яніны Жалтоўскай: “Горваты не мелі нічога агульнага са шляхецкай традыцыяй XVIII стагоддзя і належалі да тыпу новых і ў тагачасным разуменні “сучасных людзей”. Гандлявалі гарэлкай і валамі, цана гарэлкі цікавіла іх вельмі. Па вонратцы і поглядах яны нагадвалі персанажаў Бальзака і розных “несімпатычных” герояў з рамана Крашэўскага. “Les Contes Drolatiques” былі бліжэй да іх разуму і, магчыма, нораваў, чым “Пан Тадэвуш”. Аднослі іх, натуральна, да “рэалістай”. <...> Талент да бізнесу яны спалучалі з таварыскай ганарыстасцю і разважлівасцю, пазбаўленай палёту. Яны праіснавалі пяць пакаленняў – тэрмін, прызначаны сацыёлагамі для сямей, якія жывуць у сучасным дастатку, і ў мужчынскай лініі выгаслі даволі хутка пасля знішчэння іх маёнткаў і сядзіб бальшавікамі” [7, с. 31].

У заканчэнні хочацца адзначыць, што Горваты былі перш за ўсё дбайнымі гаспадарамі, якія ўмелі ствараць эфектыўныя буйныя прыватныя гаспадаркі.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

- Нацыянальны гістарычны архіў у г. Мінску (НГАБ). – Фонд 319. Вол. 2. Спр. 746.
- НГАБ. – Фонд 1728. Вол. 1. Спр. 27.
- НГАБ. – Фонд 320. Вол. 2. Спр. 13.
- Kieniewicz, S. Dereszewicze. 1863 / S. Kieniewicz. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Lodz : Ossolineum, 1986. – 192 s.
- НГАБ. – Фонд 1636. – Вол. 1. – Спр. 191.
- НГАБ. – Фонд 320. Вол. 1. Спр. 76.
- Żoltowska, J. Inne czasy i inni ludzie / J. Żółtowska. – Londyn : Polska Fundacja Kulturalna, 1998. – 291 s.
- Мінскія губернатары, вице-губернаторы і губернскія предводители дварянства, 1793–1917 :

- біографіческий справочник / сост. Ю.Н. Снапков-
ський ; редкол.: В.І. Адамушко [и др.]. – Мінськ : Бе-
ларусь, 2016. – 396 с.
9. НГАБ. – Фонд 299. Воп. 1. Спр. 818.
 10. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 1. Спр. 170.
 11. НГАБ. – Фонд 333. Воп. 6. Спр. 1254.
 12. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 1. Спр. 266.
 13. НГАБ. – Фонд 295. Воп. 1. Спр. 1198.
 14. *Raiok, A. P.* Нефармальныя сувязі паміж
губернскім дваранствам у Беларусі ў 1795–1863 гг. /
А. Райоク // Пытальні мастацтвазнаўства, этнаграфії
і фальклорыстыкі / Ін-т мастацтвазнаўства, этна-
графії і фальклору імя К. Крапівы Нац. акад. навук
Беларусі ; навук. рэд. А.І. Лакотка. – Мінск : Права і
эканоміка, 2008. – Вып. 4. – С. 406–412.
 15. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 1. Спр. 252.
 16. *Kowalewska, Z.* Obrazki mińskie. 1850–
1963 / Z. Kowalewska. – Wilno : Józef Zawadzki,
1912. – 128 s.
 17. НГАБ. – Фонд 146. Воп. 2. Спр. 1233.
 18. *Karpowicz, T. A.* Культурнае жыццё Мінска
I-й паловы XIX стагоддзя / Т. А. Карповіч. – Мінск :
Рыфтур, 2007. – 64 с.
 19. НГАБ. – Фонд 299. Воп. 5. Спр. 185.
 20. НГАБ. – Фонд 146. Воп. 2. Спр. 3754.
 21. НГАБ. – Фонд 147. Воп. 3. Спр. 9840.
 22. *Лабачэўская, В.* Фальклорыстычны архіў
Беларускага музея імя Івана Луцкевіча: вяртанне
праз 65 гадоў / В. Лабачэўская // Homo historicus
2012. – Вільня : ЕГУ, 2012. – С. 465–486.
 23. *Szpopoł, D.* Sukcesorzy Wielkiego Księstwa.
Myśl polityczna i działalność konserwatystów polskich
na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1939 /
D. Szpopoł. – Gdańsk : Arche, 1999. – 357 s.
 24. *Wojniłłowicz, E.* Wspomnienia. 1847–1928 /
E. Wojniłłowicz. – Wilno : Józef Zawadzki, 1931. –
cz. 1. – 368 s.
 25. НГАБ. – Фонд 142. Воп. 2. Спр. 2673.
 26. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 2. Спр. 57.
 27. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 1. Спр. 291.
 28. НГАБ. – Фонд 320. Воп. 3. Спр. 135.
 29. Список землевладельцев Минской губер-
ни за 1876 год / Минский губернский статистиче-
ский комитет. – Минск : Тип. Губерн. Правления,
1877. – 187 с.
 30. НГАБ. – Фонд 1043. Воп. 1. Спр. 3.

Паступіў у рэдакцыю 05.02.2020 г.

Кантакты: balosis@yandex.ru
(Раюк Андрэй Рыгоравіч)

**Rayuk A. OTTON IGNATIEVICH GORVAT
(1809–1894): THE ADMINISTRATOR AND THE
LANDOWNER.**

The article analyses the private life, administrative and economic activities of the Minsk provincial marshal of the nobility (1847–1853) Otton I. Gorvat (1809–1894). It is noted that land wealth was the first step for the social elevation of the Gorvat family, and the establishment of kinship ties between Otton Gorvat and influential Minsk provincial marshals of the nobility brought the Gorvats to the regional elite of Minsk province and Belarus in the XIX century. The talent of the businessman allowed Otton Gorvat to create and manage effective large private farms.

Keywords: Otton Gorvat, the Gorvat family, Minsk provincial marshal of the nobility, Rechitsa county, Minsk province, The Russian Empire, economic history of Belarus, prosopography.

УДК 94(476)“1911/1914”+352(476)(091)“1911/1914”

СТРУКТУРА І ФУНКЦЫІ ПАВЯТОВЫХ ЗЕМСТВАЎ НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ (1911–1914 гг.)

A. P. Лудзіч

аспірант

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Указам ад 14 сакавіка 1911 г. у трох беларускіх губернях – Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай – уведзілася сістэма земскага самакіравання згодна з “Палажэннем аб губернскіх і павятовых земскіх установах” ад 12 чэрвеня 1890 г. На аснове вывучэння заканадаўчых актаў, матэрыялаў справаводства і архіўных даных даследуецца структурная арганізацыя і парадак функцыяновання органаў земскага самакіравання ў беларускіх паветах (1911–1914 гг.). Вызначаны перадумовы рэалізацыі земскай рэформы на тэрыторыі Беларусі. Разглядаюцца прававыя асновы арганізацыі земстваў у беларускім краі згодна з Палажэннем 1890 г. Ахарктыраванана структура і накірункі дзеяйнасці павятовых распарафных і выкананіцьных органаў – земскіх сходаў і земскіх упраў. Зроблены высновы, што павятовая земскія ўстановы па функцыях і структуры адпавядалі земствам ва ўнутраных губернях імперыі, аднак парадак фарміравання выбарных земстваў меў істотны адрозненні.

Ключавыя слова: беларускія губерні, земская рэформа ў Беларусі, сістэма земскага самакіравання, мясцовага самакіраванне, павятовая земскія сходы, павятовая земскія ўправы, земская выбарчая сістэма, земскія галосныя.

Уводзіны

Рэалізацыя земскай рэформы ў Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях у 1911 г. адкрыла сабою новы этап эвалюцыі сістэмы мясцовага самакіравання на беларускіх землях. У дарэвалюцыйны перыяд даследчыкамі К. А. Пажытновым, В. В. Іваноўскім, М. М. Кавалеўскім былі разгледжаны пытанні аб увядзенні земстваў у беларускім краі, іх функцыянованні [1], [2], [3]. У савецкі перыяд даследчыкі аблінілі ўвагай тэму земскіх органаў самакіравання. У сучаснай айчыннай гісторыяграфіі назіраецца тэндэнцыя да ўзнаймлення навуковай зацікаўленасці да дзеяйнасці земстваў. В. П. Слабажанін, аналізуячы праблему земскага самакіравання, зрабіў істотныя высновы па пытаннях правядзення земскай рэформы, узаемадносін з органамі дзяржаўнага кіравання і гарадскога самакіравання [4]. М. М. Забаўскі прааналізаваў падрыхтоўку законапраектаў у Дзяржаўнай Думе аб увядзенні земскіх установ у беларускіх губернях [5]. С. А. Талмачова апісала парадак функцыяновання як навыбарных, так і выбарных земстваў, а таксама асаблівасцей выбарчага працэсу для кандыдатаў у земскія галосныя [6]. Н. С. Маторава прааналізавала структурную арганізацыю губернскіх і павятовых земстваў на аснове заканадаўчых актаў. Даследчыца зрабіла высновы, што органы земскага самакіравання функцыяновалі ва ўмовах кантролю з боку адміністрацыі і аблежавальных законаў [7]. Даведнікі, падрыхтаваныя спецыялістамі Беларускага наўукова-даследчага інстытута дакументазнаўства і архіўной справы на аснове тагачасных заканадаўчых крыніц, даюць кароткую харктарыстыку накірункам дзеяйнасці распарафных і выкананіцьных земскіх установ [8]. Некаторыя аспекты мясцовага самакіравання знайшлі месца ў працах, прысвечаных працэсам мадэрнізацыі і сацыяльнай трансфармацыі грамадства. На думку А. Г. Каханоўскага, палітыка самадзяржаўя пасля паўстання 1863–1864 гг. “была скіравана не на інтэграцыю, а на сегрэгацыю і дыскримінацыю асобных груп насельніцтва (яўрэяў, палякаў, каталікоў)”, што значным чынам паўплывала ў тым ліку і на ажыццяўленне земскай рэформы ў беларускіх губернях [9, с. 262–263]. Мэтай дадзенага даследавання з’яўляецца вывучэнне структуры і функцый павятовых земскіх органаў на тэрыторыі Беларусі ў 1911–1914 гг.

Асноўная частка

Буржуазныя рэформы 1860–1870-х гг. у Расійскай імперыі, у тым ліку і земская рэформа, далі штуршок да развіцця капіталістычных адносін і пераходу да буржуазнага ладу жыцця. Земскае палажэнне 1864 г. з’яўлялася спрабай стварыць эффектыўную сістэму мясцовага самакіравання ў Расійскай імперыі, бо бюрократычная адміністрацыя паказала сваю няздольнасць у вырашэнні шматлікіх праблем, звязаных з мясцовымі інтарэсамі і патрэбамі. Аднак палажэнні рэформы не распаўсюджваліся на беларускія губерні па прычыне іх асаблівага палітычнага статусу ў выніку паўстання 1863–1864 гг., стракатага этнарэлігійнага насельніцтва. Гэта стала перадумовай таго, што аблежаванне пытання пра стварэнне земскіх органаў самакіравання ў Беларусі заняло працяглы час, а працэс увядзення земстваў у беларускім краі быў спрэчным і складаным пытаннем для расійскага самадзяржаўя і меў аблежавальны характар.

На аснове “Палажэння аб земскіх губернскіх і павятовых установах” ад 1 студзеня 1864 г. ствараліся выбарныя земскія ўстановы на двух узроўнях – у губерні і павеце. Аднак па Палажэнні выбарныя земскія ўстановы павінны былі з’явіцца толькі ў 33 губернях Расійскай імперыі, прычым не адначасова, а па меры падрыхтаванасці, якая вызначалася Міністэрствам унутраных спраў. Беларускія губерні ў гэты перыяд не былі ўключаныя па прычыне ваенага становішча ў краі. Вядома, што пасля паўстання 1863–1864 гг. самадзяржаўне не давярала мясцовым памешчыкам “польскага паходжання”. Парадак выбараў у земскія ўстановы вызначаўся маёмасным цэнзам, што забяспечвала перавагу памеснага дваранства [5, с. 114]. Урад адтэрмінаваў увядзенне новых органаў самакіравання, бо асперагаўся таго, што калі на выбараў землеўласнікі-каталікі занялі б большасць месцаў, то і ў земскіх установах гаспадарчае кіраванне краем будзе засяроджана выключна ў іх руках. Гэта было непажаданым для самадзяржаўя. Тым не менш іх важна адзначыць, што за стварэнне земстваў на Беларусі ў 1860–1870-я гг. сярод мясцовага дваранства не разгарнулася актыўнай барацьбы, бо вышэйшае саслоўе краю было знясілена значнымі стратамі падчас паўстання 1863–1864 гг., а астатнія дваране былі больш заклапочаныя захаваннем сваіх зямельных валоданняў, чым пытаннямі самакіравання.

Рэакцыйная палітыка імператара Аляксандра III закранула і земскую сістэму. Палажэнне ад 12 чэрвеня 1890 г. унесла значныя змены ў сістemu земскага самакіравання. Істотнае адрозненне ад Палажэння 1864 г. заключалася ў тым, што па новым законе мясцовая адміністрацыя валодала правам контролю за рашэннямі земскіх сходаў і іх мэтазгоднасцю. У тых выпадках, калі пастановы земскага сходу “не соответствуют общим государственным полззам и нуждам либо явно нарушают интересы местного населения”, губернатар мог адмяніць іх выкананне [10, с. 505–506]. Земская контррэформа пазбавіла выбарчага права духавенства. Сялянскія грамады, сельскія выбарчыя з’езды былі ліквідаваны, узрос маёмасны цэнз [1, с. 96]. Такія змены былі накіраваны на тое, каб доля дваранства ў земствах павялічылася. Змены, як указвалася ў законе, былі выкліканы “необходимасцю забеспячэння ў земскім кіраванні справядлівых інтэрсаў рускага насельніцтва ў адпаведнасці з запаветамі гісторыі”. Галосныя земскіх сходаў і чле-

ны ўпраўмаглі быць зацверджаны на пасадзе толькі з дазволу губернатора. У фінансавай сферы земствы не здзяліся забеспячэннем харчавання, былі абмежаваны ў справе земскага падаткаабкладання [4, с. 26]. Тым самым Палажэнне ад 12 чэрвеня 1890 г. з’яўлялася чарговай контррэформай з боку самадзяржаўя і адлюстроўвала недавер улады да мясцовых прадстаўнікоў. Пазітыўныя моманты новага земскага палажэння даследчык К.А. Пажытнай бачыў у павелічэнні кола пытанняў, якія вырашалі органы. Тым самым кампетэнцыя мясцовых земстваў не была звуждана, а, наадварот, пашырылася [1, с. 98].

У 1903–1911 гг. у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях функцыянавала асобая сістэма па кіраванні земскай гаспадаркай, але земскае самакіраванне тут яшчэ не ўводзілася [11, с. 1]. Важнай асаблівасцю дзеяння гэтых установ на тэрыторыі Беларусі было тое, што яны ствараліся на аснове прызначэння штату служачых, а не іх выбарнасці. Упраўленні па справах земскай гаспадаркі, якія знаходзіліся пад уплывам мясцовой адміністрацыі і Міністэрства ўнутраных спраў, былі пазбаўлены самастойнасці ў вырашэнні мясцовых патрэб, што абузовіла абмежаванасць іх кампетэнцыі ў вырашэнні гаспадарчых патрэб краю. З іншага боку, распаўсюджанне і дзеянасць на тэрыторыі Беларусі новых установ па кіраванні мясцовой гаспадаркай далі штуршок да больш актыўнага абмеркавання пытання пра ўвядзенне на тэрыторыі Беларусі самастойных і паўнавартасных органаў земскага самакіравання.

Пры складанні праекта земской рэформы ў Беларусі галоўная ўвага надавалася палітычнаму боку, эканамічны дабрабыт быў прынесены ў ахвяру мэтам забеспячэння нацыянальна-палітычнага дамінавання рускай народнасці і выкаранення польскай. У гэтым заключалася асноўная памылка, таму што земскія ўстановы па сваім характары з’яўляліся ў першую чаргу ўстановамі эканамічнымі, дзеянасць іх цалкам павінна быць накіравана на вырашэнне гаспадарчых патрэб краю. Таму для ўсебаковага развіцця беларускага краю ўрадавым колам неабходна было адмовіцца ад палітычных матываў. З іншага боку, член рады па справах земскай гаспадаркі С. М. Свяжынскі лічыў, што падзел выбаршчыкаў на нацыянальныя групы ідзе ў разрез з задачамі дзяржавы, бо гэта толькі ўзмациняе нацыянальную адасобленасць [12, с. 1].

Рэвалюцыя 1905–1907 гг. паскорыла вырашэнне земскага пытання ў заходніх

губернях. 27–30 верасня 1905 г. выбарны прадстаўнік дваранства І. К. Балінскі на нарадзе камісіі пад кіраўніцтвам віленскага генерал-губернатора А.А. Фрэзэ па пытанні ўвядзення земстваў у заходніх губернях прасіў “прызываць да дзейнасці ў земскіх установах прадстаўнікоў усіх частак зацікаўленага ў мясцовых справах насельніцтва, а не толькі буйных землеўладальнікаў” [13, с. 8]. І. К. Балінскі агучыў пазіцыю, што мясцовыя памешчыкі “выступаюць за земстваы на прынцыпах саслоўнай раёнапраінасці, з шырокай самастойнасцю і сферай дзейнасці, – за земстваы з выканайчай уладай… Мы патрабуем магчымасці працаўцаў на карысць шырокіх грамадскіх мас, але дабіваемся скасавання перашкод на шляху да выканання намі грамадзянскага дўгу” [13, с. 8–9]. Нарада, на якой прысутнічалаі прадстаўнікі ад трох губерняў (Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай) признала неабходным неадкладна стварыць земскія ўстановы па тыпу тых, што дзейнічалі ва ўнутраных губернях. Пры гэтым, па меркаванні камісіі, у земскае палажэнне было важна ўнесці змены, якія прадыктаваны мясцовымі асаблівасцямі, а гэта тычылася у першую чаргу выбарчай працэдуры.

Старшыня Савета Міністраў П. А. Стальпін дапускаў пашырэнне паўнамоцтваў земскіх установ, удасканаленне земскай сістэмы і наданне права Віленскай, Ковенскай і Гродзенскай губерням ствараць земскія органы самакіравання. У 1909 г. камісія па пытанні аб распаўсюджванні земскага палажэння на беларускія губерні прыйшла да высновы аб неабходнасці стварэння земскіх органаў самакіравання ў адпаведнасці з Палажэннем 1890 г. Аднак члены камісіі разумелі, што ўвядзенне ў беларускіх губернях без зменаў Земскага палажэння 1890 г. прывядзе да непажаданых вынікаў, бо мясцовыя земства ў такім выпадку складаліся б “выключна з асоб польскай нацыянальнасці”. Тому камісія пропанавала ўвесці ў Земскае палажэнне для беларускіх губерняў прынцып бессаслоўнасці [12, с. 1].

На нарадзе Савета па справах народнай гаспадаркі ад 6–14 кастрычніка 1909 г. быў распрацаваны законапраект на аснове Палажэння ад 12 чэрвеня 1890 г. [12, с. 1–8]. Яго мэта заключалася ў памяншэнні ролі мясцовага дваранства ў земствах і адначасова ўзмацненні кантролю мясцовай адміністрацыі за дзейнасцю земскіх установ. Тому ўрад у беларускіх губернях унёс значныя змены ў

парадак выбарчага працэсу. Замест саслоўных курый (солянскі і дваранскі) уводзіліся нацыянальныя курый – “руская” і “польская”. Да “руской” адносілася праваслаўнае беларускае насельніцтва, да “польской” – каталіцкае [5, с. 115]. Для забеспечэння перавагі ў земствах рускім памешчыкам пры размеркаванні выбаршчыкаў бралася сярэдняе арыфметычнае колькасці “рускага” і “польскага” насельніцтва і кошт іх нерухомай маёрасці ў практыкатах [6, с. 22]. Нават пры такой сістэме выбараў у Віленскай, Гродзенскай і Ковенскай губернях па прычыне сваёй шматлікасці перамагла б “польская” куроя, таму ўрад так і не адважыўся перадаць мясцовым землеўласнікам справу кіравання земскімі органамі ўлады. З гэтай прычыны земства ў названых губернях не ўводзіліся. Кандыдаты ў галосныя ад сельскіх абшчын выбіраліся на валасных сходах [14, с. 171]. Акрамя гэтага, закон забараняў ўрэзям удзельнічаць у земскім кіраванні і быць выбранымі земскімі галоснымі [3, с. 250].

Нацыянальная абмежаванні праводзіліся не толькі пры выбары галосных, але і пры замяшчэнні імі пасад, як выбарных, так і па вольным найме. Як заўважыў у тлумачальнай запісцы адзін са складальнікаў праекта, мэта рэформы заключалася ў tym, каб “падніць народ, спыніць развіццё ў краі польскага землеўладання і стварыць клас рускіх памешчыкаў”. З некаторымі зменамі, галоўная з якіх складалася ў паніжэнні ў два разы маёраснага цэнзу для выбару галосных, законапраект быў прыняты Дзяржаўнай думай [1, с. 113].

14 сакавіка 1911 г. быў прыняты ўказ аб стварэнні выбарных земскіх установ у Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай губернях згодна з Палажэннем ад 12 чэрвеня 1890 г. [14, с. 170–175]. Адміністрацыйныя ўстановы па кіраванні земскай гаспадаркай, заснаваныя па Палажэнні 1903 г., – губернскі і павятовыя камітэты і управы – тут былі ліквідаваны, а іх справы, маёрасць і капіталы перадаваліся выбарным органам земскага самакіравання – губернскім і павятовым земскім сходам (распарадчыя органы) і управам (выканайчыя органы) [8, с. 113]. Земскія органы самакіравання функцыянувалі за кошт земскіх збораў для мясцовага насельніцтва на нерухомую маёрасць: зямлю, будынкі, прамысловыя і гандлёвыя прадпрыемствы, з якіх земству адвоздзілася 1/20 доля.

Выбарчы працэс у земскія органы ўлады быў падобным да агульнарасійскага ўзору, аднак меў некаторыя асаблівасці з улікам

этнаканфесійнага складу насельніцтва беларускага краю. Выбары ў земскія сходы адбываліся кожныя тры гады. Павятовыя галосныя ў кожным павеце выбіраліся на адным земскім сходзе і на двух земскіх выбарчых з'ездах (па маё маснай прыкмете) [10, с. 497]. У кожным павеце яны падзяляліся яшчэ на два аддзелы па нацыянальным крытэрый. Правам удзелу ў выбарчых з'ездах карысталіся мужчыны з 25-гадовага ўзросту, якія пражывалі не менш за год у межах павета і валодалі адпаведнай маё масцю (не менш за 1500 руб.). Жанчыны, а таксама асобы, якія не дасягнулі 25-гадовага ўзросту, маглі ўдзельнічаць у земскім выбарчым з'ездзе праз упаўнаважаных [10, с. 498]. Колькасць сялян на выбарчых з'ездах павінна быць не больш за 1/3 часткі ўсіх галосных. Кандыдаты ў галосныя ад сялянскіх таварыстваў выбіраліся па два ад кожнага сходу. Выбраныя такім шляхам галосныя фарміравалі павятовыя земскія сходы, якія затым са свайго асяроддзя выбіралі прадстаўнікоў для работы ў губернскіх сходах. Парадак выбараў у мясцовыя органы самакіравання адпавядаў інтарэсам “рускага” землеўладальніка і, наадварот, не спрыяў поспеху “польскіх” памешчыкаў [6, с. 23].

Павятовыя земскія ўпраўленні па Палажэнні 1903 г. у большай ступені былі абмежаваны ў сваёй кампетэнцыі і функцыянаванні, бо знаходзіліся пад кантролем губернскіх. Тым самым дзейнасць такіх павятовых органаў знаходзілася ў вызначанай сістэме ў межах губерні. Аднак эфектыўнасць земскай справы залежала ад того, якой самастойнасцю будуць карыстатаца павятовыя ўстановы, ці будзе існаваць уласнае гаспадарчае кіраванне, арганізація на тых жа правілах, як і губернскае, і непадпарадкованае апошняму. З увядзеннем на тэрыторыі беларускіх губерняў Палажэння 1890 г. самастойнасць павятовых земстваў пашырылася, па прычыне чаго павет пераўтварыўся ў самастойную земска-гаспадарчу адуінку. Яны валодалі асобынімі ад губернскага бюджетамі, усімі адмысловы�і будынкамі, установамі і, галоўнае, капиталамі.

Апарат земскага самакіравання складаўся з распарадчымі і выкананічымі органаў. Распарадчым органам павятовага земства быў павятовы земскі сход, а выкананічым – павятовая земская управа. Павятовы земскі сход складаўся з галосных, якія выбіраліся павятовымі выбарчымі і валаснымі сходамі. У склад земскага сходу таксама ўваходзілі прадстаўнікі ведамства землеўпарадковання і земляробства, дэпутат ад духоўнага ведамства, гарадскі глава

і інспектар сельскай гаспадаркі, прадстаўнік аддзялення Сялянскага паземельнага банка [4, с. 20–21]. Старшынёй павятовага земскага сходу быў павятовы прадвадзіцель дваранства.

Земскія сходы склікаліся як рэгулярна, так і ў надзвычайных абставінах. Рэгулярныя сходы ў паветах склікаліся штогод не пазней 1 кастрычніка для вырашэння бягучых спраў. Але павятовыя сходы не маглі быць скліканы без адпаведнага распараджэння земскай управы і без дазволу губернатара [4, с. 21]. Надзвычайнія земскія сходы ў паветах маглі збірацца толькі з дазволу губернатара ці міністра ўнутраных спраў з дакладным абазначэннем ме́рай, неабходных для вырашэння важнейшых пытанняў [8, с. 116]. Земскія сходы разглядалі справы, прапанаваныя старшынёй і членамі сходу, а таксама па просьбах і скаргах прыватных асоб. На павятовых сходах заслушоўваліся даклады служачых павятовых упраў. Напрыклад, з журнала пасяджэння Барысаўскага земскага сходу 15–21 снежня 1911 г. можна прасачыць колькасць і склад гэтага органа: старшыня сходу, старшыня і 4 члены павятовай земскай управы, 4 прадстаўнікі дзяржаўных ведомстваў, 19 галосных – усяго 28 чалавек [15, с. 14–15]. Усяго на працягу пасяджэнняў Барысаўскага сходу было заслушана 125 дакладаў павятовай управы [15, с. 19–34]. Працягласць пасяджэнняў павятовага земскага сходу складала 10 дзён, а яго праца адкрывалася і закрывалася павятовым прадвадзіцелем дваранства [2, с. 447]. Для пачатку працы неабходна была наяўнасць не менш за палову ад колькасці галосных. Справы вырашаліся большасцю пры адкрытым галасаванні, а пры роўнасці галасоў перавагу мела думка старшыні сходу. Адзінным выключэннем выступалі выбары старшыні і членаў земскай управы, прыняцце рашэнняў аб прызначэнні да адказнасці, аб прызначэнні грашовых выплат. Па такіх справах галасаванне праходзіла закрыта [7, с. 27]. Прынятая пастановы запісваліся ў журнал за подпісам старшыні, членаў сходу і сакратара, а затым копіі пастановоў накіроўвалі губернатару. Як бачна, земскія сходы былі пазбаўлены пэўнай долі самастойнасці, бо для зацвярджэння яго пастановы неабходнай была згода з боку начальніка губерні і міністра ўнутраных спраў [7, с. 29]. З гэтага вынікае, што ўрад і адміністрацыя краю пільна сачылі за дзейнасцю павятовых органаў самакіравання, у першую чаргу ў фінансавай і гаспадарчай сферах, і не дазваляла земствам пашырыць сваю самастойнасць. Такім чынам, можна згадзіцца

з думкай, што павятовыя земствы беларускіх губерняў у пэўнай ступені з'яўляліся ўрадавымі органамі кіравання.

З матэрыялаў пасяджэнняў павятовых земскіх сходаў варта адзначыць, што яны разглядалі ўсе бакі земскай гаспадаркі ў павеце. У справе арганізацыі земскага самакіравання яны выбіралі службовых асоб павятовых упраў, вызначалі памер іх жалавання, распрацоўвалі для іх інструкцыі аб парадку дзеянняў, правяралі справаздачы ўпраў і разглядалі скаргі на земскіх служачых. Для развіцця народнай адукацыі хадайнічалі перад Міністэрствам народнай адукацыі аб асігнаванні сродкаў на жалаванне настаўнікам, падтрымку народных школ, пабудову школьніх будынкаў і г. д. [15, с. 139–153]. Земскія сходы складалі каштарысы па дарожным капітале, устанаўлівалі плату за карыстанне дарогамі, дарожнымі будынкамі і пераправамі, накіроўвалі сродкі на пабудову і рамонт грунтавых дарог, мастоў, дамбаў, на брукаванне шасэйных дарог [15, с. 25–34]. Разглядалі і зацвярджалі земскі бюджет і ўстанаўлівалі памер земскіх збораў у выглядзе збору нядоімак, платы за карыстанне дарогамі і пераправамі. У кампетэнцыі земскіх сходаў знаходзілася праверка дзеянасці і справаздач земскіх упраў, разгляд скаргаў насельніцтва на іх дзеянасць. Павятовыя сходы клапаціліся пра павелічэнне колькасці ўрачэбных участкаў у павеце і колькасці лячэбніц, барацьбу з эпідэміямі ў вёсках, выдаткоўванне грошай на медыкаменты, распрацоўку інструкцый для земскага ветэрынарнага персаналу [15, с. 168–169]. Сходы праяўлялі ініцыятыву ў правядзенні шэрагу сельскагаспадарчых мерапрыемстваў: арганізацыя паказальнай сяўбы, выкарыстанне мінеральных угнаенняў, правядзенне сельскагаспадарчых чытанняў і выстаў, закупкі парод жывёл, найманне персаналу [15, с. 274–280]. Артыкулам 63 Палажэння асаблівая ўвага сярод абавязкаў земстваў звязралася на размеркаванне ўнутры павета ўсіх дзяржаўных і губернскіх збораў, перадачу губернскаму земскому сходу звестак і прынятых рашэнняў, а таксама хадайніцтваў перад урадамі па патрэбах земскай гаспадаркі [10, с. 503].

Паколькі земскія сходы збіralіся перыядычна, то ўся бягучая, штодзённая праца выконвалася пастаяннымі органамі – павятовымі земскімі упраўамі. На павятовыя упраўы, згодна з Палажэннем, было ўскладзена “непосредственное заведование делами земского хозяйства и управления и исполнение указаний земских собораний” [10, с. 507]. Яны

з’яўляліся выкананічымі органамі ў павеце, якія падпарадкоўваліся павятовым сходам. Апошнім належала права даваць інструкцыі сваім выкананічым органам, а таксама магчымасць разглядаць скаргі на дзейнасць апошніх. На павятовых земскіх сходах тэрмінам на 3 гады выбіраліся служачыя ўпраўы.

Павятовая ўпраўа складалася са старшыні і двух членаў. Земскі сход меў права павялічыць склад упраўы да чатырох чалавек [10, с. 506]. Старшыня і члены земскай павятовай упраўы на сваіх пасадах зацвярджаліся губернатарам. Склад павятовых земскіх упраў выбіраўся з такім разлікам, каб большасць гласоў ва ўпраўе належала першай нацыянальнай куры – “не принадлежащие к числу лиц польского происхождения” [14, с. 172]. У штат павятовых упраў дадаткова ўваходзілі тэхнікі, інжынеры, павятовыя лекары і ветэрынары, аграномы, паляводы, садаводы і інш. Пры павятовых упраўах дзеянічала канцылярыя, якая дзялілася на сталы ў залежнасці ад сферы занятку: дарожны, агранамічны, урачэбны, ветэрынарны і інш. Колькасць сталоў на працягу часу мянушчы.

Земскія ўпраўы вырашалі шырокася кола задач, бо на іх ляглі шматлікія функцыі кіравання земскай гаспадаркай на мясцовым узроўні. Упраўы дзеянічалі без перапынку на працягу ўсяго тэрміну. Аднак нельга сказаць, што земскія ўпраўы былі выключна выкананічымі органамі. Земскія сходы рабілі пастановы, зыходзячы з даных, якія распрацоўваліся ўпраўамі. Абавязкі ўпраўы размяркоўваліся паміж старшынёй і членамі пасля зацвярджэння іх земскім сходам. Функцыі, адзначаныя ў арт. 97 Палажэння 1890 г., адлюстроўваюць кола паўнамоцтваў земскіх упраў. На іх ускладалася непасрэднае кіраўніцтва справамі земскай гаспадаркі і кіравання згодна з законамі і пастановамі земскіх сходаў [10, с. 507]. Павятовыя ўпраўы знаходзіліся ў падпарадкаванні да губернскай упраўы, бо ад апошніх павятовыя ўпраўы атрымлівалі інструкцыі, напрыклад, у адносінах да ўпрарадкавання шляхоў зносін, ваеннага і грамадзянскага кіравання, узаемнага земскага страхавання і г. д. [2, с. 453]. Для губернскай упраўы павятовыя ўпраўы збіralі неабходныя звесткі пра стан гаспадаркі ў рэгіёне, складалі праекты бюджету, сачылі за паступленнем земскіх збораў, з дазволу павятовага сходу вызначалі правілы справаздачнасці падначаленых служачых. З дазволу губернатора павятовыя

ўправы маглі склікаць земскія сходы, збіраць і прадстаўляць звесткі для пасяджэнняў, складалі сумы асігнаванняў, назіралі за паступленнем земскіх збораў і іх тратай, устанаўлівалі кошт на прадукты харчавання, назіралі за добраўпаратаваннем і санітарным станам павятовых гарадоў і вёсак, прымалі неабходныя меры па барацьбе з эпідэміямі, былі адказныя за ажыццяўленне воінскай павіннасці і вырашалі шматлікія іншыя задачы ў межах павету.

Важнае месца ў дзейнасці земстваў займала дарожнае будаўніцтва. Павятовыя ўправы павінны былі прыкладаць намаганні па рамонце і даглядзе за станам дарогі, прыдарожных пабудоў, па праектаванні, складанні бюджету на дарожнае будаўніцтва, заключэнні падрадаў на будаўніцтва, забеспячэнні неабходнымі інструментамі і будаўнічымі матэрыяламі, па наглядзе за суднаходствам і прыстанямі [8, с. 121]. Напрыклад, на пабудову, рамонт і абслугоўванне шляхоў зносін у Магілёўскай губерні было накіравана 10% усіх грошовых сродкаў [4, с. 88].

Павятовыя земскія ўправы выконвалі вялікі аўт'ем работы ў сферы народнай адукацыі. На ўправах ляжалі абавязкі па пытаннях будаўніцтва і ўтрымання народных школ, вучылішчаў, народных дамоў, чытальняў. Управы павінны былі выдаткоўваць сродкі на адукацыйныя патрэбы, на стыпендыі сіротам і бедным дзесяцям для навучання ў прыватных гімназіях і прагімназіях, на грашовае забеспячэнне настаўнікаў народных вучылішчаў. У медыка-санітарнай і ветэрынарнай дзейнасці павятовыя земскія ўправы вырашалі задачы па адкрыцці і ўтрыманні гарадскіх і сельскіх бальніц, фельчарскіх пунктаў і прыёмных пакояў, па падрыхтоўцы санітараў, прымалі меры па барацьбе з эпідэмічнымі захворваннямі [15, с. 168–169]. Па ініцыятыве земскіх урачоў праводзілі шматлікія з'езды па распрацоўцы мерапрыемстваў для барацьбы з п'янствам.

Агранамічны аддзел займаўся набыццём насення кармавых траў, збожжавых і тэхнічных сельскагаспадарчых культур для распаўсюджання па ільготным кошце. Управы набывалі сельскагаспадарчую тэхніку, прымалі меры па барацьбе са шкоднікамі, складалі даведачныя кошты на прадукты харчавання і фураж. Служачыя агранамічнага аддзела арганізоўвалі сельскагаспадарчыя курсы, дзе слухачам распавядалі пра спосабы паяшчэння ўраджайнасці на зямлі, пра пароды жывёл, пра нарыхтоўку дроў, торфу і інш. [4, с. 78–79].

Асаблівая ўвага з боку павятовых земскіх упраў надавалася стварэнню таварыстваў, абсталяванню складоў і пунктаў для ачысткі ліну, дапамозе ў выкарыстанні мінеральных угнаенняў, асушванні балот, закладанні садоў і інш. Земствы выдаткоўвалі грашовыя сродкі для дапамогі сіротам, састарэлым і адзінокім людзям. Земскія органы самакіравання сталі ініцыятарамі страхавання нерухомай маёmacці ад пажару, стварэння курсаў для падрыхтоўкі тэхнікаў супрацьпажарнай бяспекі, выдавалі грашовую дапамогу пагарэльцам, памер якой пакрываў звыш паловы ад кошту панесеных страт [8, с. 121].

Грашовыя сродкі выдзяляліся земствамі на “абавязковыя” і “неабавязковыя” патрэбы. Абавязковымі з'яўляліся выдаткі на дарожную, кватэрную і падводную павіннасць, а таксама ўтрыманне адміністрацыйных установаў, неабавязковыя – іншыя расходы, у тым ліку на адукацыю і медыцынскае аблугоўванне. Пра асноўныя накірункі дзейнасці земстваў складаеца ўяўленне пры аналізе расходаў павятовой земскай управы. Са спраўваздачы Мінскай павятовой земскай управы за 1912 г. вынікае, што на развіццё сферы народнай адукацыі (жалаўанне і раз'язныя настаўнікам, школьннае абсталяванне, расходы на падручнікі і бібліятэку і г. д.) земствам ішло больш за ўсё расходаў – 12566 руб. 9 кап. [16, с. 22–24]. Будаўніцтва дарог і іх дагляд для павятовых земскіх упраў было другім важным пунктам выдаткаў – 8454 руб. 10 кап. [16, с. 18–22], 6113 руб. 84 кап. было выдаткована на дзяржаўныя ўстановы [16, с. 16]. У гэту суму ўваішлі такія расходы, як утрыманне коней на станцыях, выдача раз'язных чынам паліцыі, судовым следчым і г. д. Расходы на медыцынскую частку і грамадскі нагляд (жалаўанне лекарам, кватэрныя і раз'язныя, утрыманне лякарняў і фельчарскіх пунктаў, набыццё медыкаментаў, рамонт будынкаў) Мінскай павятовой управы складалі 4882 руб. 99 кап. [16, с. 24–28]. Утрыманне апарату земскага кіравання (сутачная і раз'язныя старшыні і членам упраўы, наём і утрыманне службовых памяшканняў, утрыманне канцылярыі і іншыя гаспадарчыя расходы) і месцаў зняволення гэтай жа павятовой управы каштавала 1063 руб. 8 кап. [16, с. 18]. На ветэрынарную службу штогод земствамі было асігнавана 107 руб. 98 кап. [16, с. 28–30]. На іншыя патрэбы было выдаткована 1340 руб. 91 кап. [16, с. 30–32].

Заключэнне

Правядзенне земскай рэформы на тэрыторыі Беларусі адбылося значна пазней, чым ва ўнутраных губернях Расійскай імперыі. Згодна з Указам ад 14 сакавіка 1911 г. на тэрыторыі трох беларускіх губерняў – Віцебскай, Магілёўскай і Мінскай – была створана сістэма земскага самакіравання згодна з “Палажэннем аб губернскіх і павятовых земскіх установах” ад 1890 г. Асаблівасці фарміравання і развіцця земскіх органаў у беларускіх паветах былі абумоўлены палітычнымі, этніканфесійнымі і сацыяльна-эканамічнымі фактарамі. Павятовая земская ўстановы складаліся з двух галін: распарацьчыя функцыі выконвалі земскія сходы, выкананічныя – земскія ўправы. Функцыі і структура земскіх органаў улады ў многім адпавядалі земскім інстытутам ва ўнутраных губернях Расіі, але мелі шэраг асаблівасцей. У Беларусі земскія сходы і ўправы былі паставлены пад пільны кантроль Міністэрства ўнутраных спраў і мясцовай адміністрацыі. Парадак выбараў у земскія ўстановы беларускіх губерняў істотна адрозніваўся ад унутрырасійскіх. З улікам таго, што ў Беларусі не дапускаўся ўдзел асоб каталіцкага веравызнання ў дзеянасці земскіх установаў, мясцовая выбарчая сістэма была заснавана не на сацыяльна-маёмасных прынцыпах, а на нацыянальным цэнзе праз уядзенне “польскай” і “рускай” нацыянальной курый, што забяспечвала апошній перавагу. Новыя органы самакіравання зімаліся шматлікімі справамі ў арганізацыі народнай адукцыі, медыцынскага і ветэрынарнага абслугоўвання ва ўтрыманні мясцовых дзяржаўных установаў, у паляпшэнні шляхоў зносін, земскім страхаванні, што садзейнічала развіццю гаспадарчага стану краю. Па палітычных прычынах земскія органы кіравання не былі створаны ў Віленскай і Гродзенскай губернях. Там засталася былая сістэма кіравання мясцовой гаспадаркай.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. *Пажитнов, К. А.* Городское и земское самоуправление / К. А. Пажитнов. – Санкт-Петербург : Печатный труд, 1913. – 114 с.
2. *Ивановский, В. В.* Русское государственное право / В. В. Ивановский, орд. проф. Имп. Казанского ун-та. – Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1896. – Т. 2 : Верховная власть и ее органы. – Ч. 2 : Местные установления. – 1898. – 679 с.
3. *Ковалевский, М. М.* Земство в шести губерниях Западного края / М. М. Ковалевский – [Санкт-Петербург : б. и., 1911?]. – С. 243–259.

4. *Слобожанин, В. П.* Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В. П. Слобожанин. – Минск : Право и экономика, 2003. – 166 с.

5. *Забаўскі, М. М.* Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906–1917 гг.) / М. М. Забаўскі. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.

6. *Талмачова, С. А.* Распаўсюджанне земской рэформы ў заходніх губернях Расійскай імперыі (1903–1911 гг.) / С. А. Талмачова // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – Мінск : БДПУ. – 2010. – № 4. – С. 20–24.

7. *Моторова, Н. С.* Система земского самоуправления на территории белорусских губерний: функции и структура / Н. С. Моторова // Ученые записки ВГУ им. П. М. Машерова. – Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова. – 2016. – Т. 21. – С. 25–29.

8. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т. Е. Леонтьева. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392 с.

9. *Каханоўскі, А. Г.* Сацыяльная трансфармация беларускага грамадства (1861–1914 г.) / А. Г. Каханоўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 333 с.

10. Высочайше утвержденное положение о губернских и уездных земских учреждениях, 12 июня 1890 г., № 6927 // ПСЗРИ: Собрание 3-е : в 33 т. – Санкт-Петербург, 1893. – Т. 10. – Отд. 1. – С. 493–511.

11. Высочайше утвержденное положение об управлении земским хозяйством в губерниях Віленской, Вітебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской, 2 апреля 1903 г., № 22757 // Полное собрание законов Российской империи: Собрание 3-е : в 33 т. – Санкт-Петербург, 1905. – Т. 23. – Отд. 1. – С. 334–353.

12. Журналы Совета по делам местного хозяйства по вопросу о введении земских учреждений в западных губерниях. – [Б. м. : б. и.], 1909. – 160 с.

13. *Кон, А. А.* К вопросу о введении земства в западных губерниях. – Вильна : Губернская типография, 1911. – 23 с.

14. О распространении действия Положения о земских учреждениях на Вітебскую, Волынскую, Киевскую, Минскую, Могилевскую и Подольскую губернии, 14 марта 1911 г., № 34903 // ПСЗРИ: Собрание 3-е : в 33 т. Санкт-Петербург, 1914. – Т. 31. – Отд. 1. – С. 170–175.

15. Журналы Борисовского уездного земского собрания заседаний 15–21 декабря 1911 г. – Борисов : Типография Л. Б. Шейнмана, 1911. – 504 с.

16. Денежный отчёт Минской уездной управы по земским суммам и капиталам. – Минск : Электро-типовідня Я. А. Грінблата, 1912–1917. ...за сметный период 1913 года. – 1914. – 203 с.

Паступіў у рэдакцыю 17.02.2020 г.

Контакты: aludich@mail.ru
(Лудзіч Андрэй Раманавіч)

Ludzich A. STRUCTURE AND FUNCTIONS OF DISTRICT ZEMSTVOS IN BELARUS (1911–1914).

According to the Statute on provincial and district institutions approved on June 12, 1890 zemstvo self-government system was introduced in Vitebsk, Mogilev and Minsk provinces by the Decree of March 14, 1911. Having studied legislative acts, documentation and records, the author investigates the structural organization and functioning of the local self-government bodies in the Belarusian districts (1911–1914). The preconditions of the Zemstvo reform on the territory of Belarus are outlined. The article deals with the legal basis of zemstvos organization in the Belarusian area in accordance with

the Regulations of 1890. Besides, the structure and the activities of the District administrative and executive bodies – zemstvo assemblies and zemstvo administrations are characterized. It is concluded that the district zemstvo institutions in their functions and structure corresponded to zemstvos in the inner provinces, however the elected way of zemstvo formation in 1911–1914 had significant differences.

Keywords: Belarusian provinces, Zemstvo reform in Belarus, zemstvo self-government system, local self-government, district zemstvo assembly, district zemstvo boards, zemstvo electoral system, zemstvo elected members.

УДК 392:273.2(476.5)

**АСАБЛІВАСЦІ РАССЯЛЕННЯ I
ДЭМАГРАФІЧНА ХАРАКТАРЫСТЫКА
СТАРАВЕРАЎ ПАЎНОЧНА-ЎСХОДНЯЙ
БЕЛАРУСІ Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ
XIX – ПАЧАТКУ XX ст.**

У. Я. Аўсейчыккандыдат гістарычных навук, дацэнт
Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле прааналізаваны асаблівасці рассялення і разгеджаны дэмографічныя працэсы ў стараверскага насельніцтва паўночна-ўсходняй Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. На аснове аналізу статыстычных матэрыялаў вылучаны асноўныя месцы пражывання старавераў на тэрыторыі рэгіёна, прасочана дынаміка іх колькасці, прааналізаваны судносіны гарадскага і сельскага насельніцтва, вылучаны гарадскія цэнтры старавераў на тэрыторыі рэгіёна.

Ключавыя слова: стараверы, паўночна-ўсходняя Беларусь, рассяленне, арэал, колькасць насельніцтва, стараверская абшчына, дэмографія, этнаграфія.

Уводзіны

З сярэдзіны XVII ст. на тэрыторыі Беларусі побач з мясцовым насельніцтвам пражывае значная колькасць рускіх старавераў, якія

эмігравалі сюды ў выніку рэформаў патрыярха Нікана. За больш чым трохсотгадовы перыяд пражывання на беларускіх землях перасяленцы-стараверы не толькі развілі сваю культуру, але і папоўнілі скарбонку культурнай спадчыны беларускай зямлі, аказалі ўплыў на развіццё мясцовага насельніцтва.

На тэрыторыі Беларусі стараверскае насельніцтва рассялілася ў трох асноўных зонах: паўднёва-ўсходній, паўночна-заходній і паўночна-ўсходній. І калі ў навуковай літаратуре па першых двух яшчэ сустракаецца пэўная інфармацыя, то стараверы паўночна-ўсходніх земель Беларусі даследаваны даволі павархойна. Між іншым гэты рэгіён з'яўляецца адным з ранніх арэалаў рассялення стараверскага насельніцтва на Беларусі. Мэта дадзенага артыкула – выявіць асаблівасці рассялення і дэмографічных працэсаў у старавераў паўночна-ўсходній Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. У межах адміністрацыйна-тэрытарыяльнага падзелу другой паловы XIX – пачатку XX ст. у гэты рэгіён уваішлі наступныя тэрыторыі: беларускія землі ў складзе Віцебскай губерні, за выключэннем Дрысенскага павета (Віцебскі, Гарадоцкі, Лепельскі, Полацкі паветы); Сенненскі і Аршанскі паветы Магілёўскай губерні; Барысаўскі павет Мінскай губерні (малюнак).

Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі і сумежных тэрыторый у другой палове XIX – пачатку XX ст.

Крыніцамі даследавання з'яўляеца комплекс статыстычных даных і матэрыялаў па стараверскому насельніцтву ў вышэйпазначаных геаграфічных межах у другой палове XIX – пачатку XX ст. Асновай для працы сталі апублікаваныя даныя. Пры гэтым трэба адзначыць, што ў даследчыкаў пастаянна ўзнікалі пытанні да дакладнасці статыстычных даных па стараверскому насельніцтву як на беларускіх землях, так і на тэрыторыі суседніх краін [1, с. 99; 2, с. 271, с. 327–328; 3, с. 35]. Гэта абумоўлена складанасцю падлікаў з-за ізаляванага характару пражывання старавераў і мінімалізацыі контактаў з уладай і праваслаўнай царквой, спецыфікай міграцыйных працэсаў, а таксама з недасканаласцю саміх падлікаў.

Асноўная частка

Асаблівасці расселення. Большая частка тэрыторыі паўночна-ўсходній Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. адміністрацыйна адносілася да Віцебскай губерні. У гэты перыяд губерня з'яўлялася лідарам па колькасці старавераў сярод іншых беларускіх губерняў. У табліцы 1 прадстаўленыя даныя аб колькасці старавераў у Віцебскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Большасць старавераў Віцебскай губерні адносілася да беспапоўскага толку. У рэгіёне пражывалі федасеўцы, філіпоўцы і паморцы. На тэрыторыі беларускіх паветаў жылі і стараверы-папоўцы веткаўскага сагласа. Большая частка папоўцаў пасяляеца ў рэгіёне пасля двух выгнаніяў старавераў з Веткі і яе ваколіц, якія здзейснілі расійскія войскі ў 1735 г. і 1764 г. [4, с. 49; 5, с. 47–50; 6, с. 14–16].

Табліца 1 – Дынаміка колькасці старавераў і аднаверцаў у Віцебскай губерні (1861–1906 гг.)

Год	1861	1865	1882	1886	1893	1897	1902	1906
Колькасць старавераў (чал.)	37 027	45 830	69 180	72 863	84 675	83 022	99 081	108 955
Колькасць аднаверцаў (чал.)	3 615	3 117	3 697	4 357	5 402	*	6 888	Не прыведзена

* – па перапісе 1897 г. аднаверцы прадстаўлены разам з праваслаўнымі і асобна не вылучаны

[складзена аўтарам на аснове: 7, с. 613; 8, с. 293; 9, с. 169; 10, с. 173; 11, с. 193; 12, с. 74; 13, с. 95; 14, с. 49].

Тэрытарыяльна Віцебская губерня ўключала не толькі беларускія землі (у сучасных адміністрацыйных межах), але і сучасныя тэрыторыі Латвіі і Расіі. Як вынікае са статыстычных даных, асноўная частка старавераў Віцебскай губерні пражывала якраз не на беларускіх землях. Так, згодна з матэрыяламі перапісу 1897 г. у Віцебскай губерні налічвалася 83 022 стараверы. Пераважная большасць іх (60 642 чалавекі, што складае 73% ад агульнай колькасці) пражывала на тэрыторыі Рэжыцкага, Люцынскага і Дзвінскага паветаў (сучасная тэрыторыя Латвіі). Значная колькасць (9,5%) старавераў пражывала ў Веліжскім, Невельскім і Себежскім паветах, тэрыторыя якіх у сучасны перыяд адносіцца да Расійскай Федэрацыі. У той жа час на беларускія землі

прыходзілася толькі каля 17,5% ад агульнай колькасці старавераў Віцебскай губерні. У табліцы 2 прадстаўлены даныя аб колькасці старавераў і аднаверцаў у беларускіх паветах Віцебскай губерні (гэт. тэрыторыя якіх уваходзіць у сучасныя межы Беларусі).

Табліца 2 – Размеркаванне старавераў і аднаверцаў па беларускіх паветах Віцебскай губерні (1861–1902 гг.)

Год	Колькасць старавераў у паветах Віцебскай губерні (чал.)											
	Віцебскі		Гарадоцкі		Дрысенскі		Лепельскі		Полацкі		Усяго	
	Стараверы	Аднаверцы	Стараверы	Аднаверцы	Стараверы	Аднаверцы	Стараверы	Аднаверцы	Стараверы	Аднаверцы	Стараверы	Аднаверцы
1861	1 412	322	225	115	268	17	367	13	2 141	1 157	4 413	1 594
1862	1 823	340	-	111	209	17	622	18	2 201	827	4 855	1 313
1863	2 040	520	208	114	218	-	611	16	3 753	295	6 830	945
1864	1 975	861	386	192	181	-	685	-	3 293	605	6 520	1 658
1865	2 167	813	427	163	256	-	812	-	3 626	455	7 288	1 431
1882	3 740	807	496	372	257	-	799	-	3 591	161	8 883	1 340
1883	3 956	832	413	380	262	-	791	-	3 522	226	8 944	1 438
1884	3 860	873	507	374	213	-	847	-	3 379	239	8 806	1 486
1885	3 794	913	515	421	263	-	828	5	3 467	409	8 867	1 748
1886	3 947	1 011	507	413	262	-	741	-	3 713	252	9 170	1 676
1894	4 177	1 305	642	423	274	2	541	1	4 528	65	10 162	1 796
1897	6 622	*	734	*	373	*	844	*	5 953	*	14 526	*
1902	8 403	1 376	2 080	92	385	-	997	-	5 999	125	17 864	1 593

* – па перапісе 1897 г. аднаверцы прадстаўлены разам з праваслаўнымі і асобна не вылучаны

[складзена аўтарам на аснове: 7, с. 613; 8, с. 292–293; 9, с. 164–169; 10, с. 168–173; 12, с. 74; 13, с. 90–95]; 15, с. 202–204; 16, с. 282–283; 17, с. 166–167; 18, с. 162–167; 19, с. 162–167; 20, с. 158–163; 21, с. 85.

Як бачна з прыведзеных у табліцы 2 даных, лідарамі па колькасці старавераў у рэгіёне былі Віцебскі і Полацкі паветы. У іх пражывала звыш 80% ад усіх старавераў беларускай часткі Віцебскай губерні. Тут налічвалася каля паловы ўсіх прыхільнікаў “старой веры”. Акрамя таго, у Віцебскім павеце налічвалася значная колькасць аднаверцаў. У Гарадоцкім і Лепельскім паветах старавераў налічвалася значна меньш, чым у Віцебскім і Полацкім. Асноўная маса старавераў Лепельскага павета пражывала ў паўднёва-усходній яго частцы (Гарадчэвіцкая, Цялінская і Бачэйкаўская воласці) [22, с. 24]. У сучасны перыяд гэта тэрыторыя памежжа Лепельскага, Чашніцкага і Бешанковіцкага раёнаў. Напачатку XX ст. стараверы пражывалі ў 94 населеных пунктах Віцебскага, у 164 – Полацкага, у 26 – Гарадоцкага, у 31 – Лепельскага паветаў

[1, с. 122]. У Дрысенскім павеце, як вынікае з даных, прадстаўленых у табліцы 2, старавераў пражывала мала.

Асноўныя цэнтры стараверства беларускіх паветаў Віцебскай губерні размяшчаліся на тэрыторыі сучасных Віцебскага, Шумілінскага, Полацкага, Бешанковіцкага і Чашніцкага раёнаў. У “Памятнай кніжцы” Віцебскай губерні на 1914 г. пералічаны 4 стараверскія абшчыны ў г. Віцебску (2 беспапоўскія і 2 папоўскія аўстрыйскага сагласу). У Віцебскім павеце налічвалася 6 абшчын: у в. Грышаны і в. Падлазнікі Мішкаўскай воласці, маёнтку Сумы Бабінічскай воласці, в. Краснаполлі Жарэбіцкай воласці, маёнтку Увалокі Старасельскай воласці, Полцеўская абшчына (маёнтак Шуміліна). У Лепельскім павеце было 2 абшчыны: Балтурынская абшчына у м. Бешанковічы і федасееўская абшчына ў

в. Должыца Цялінскай воласці. Адна абшчына старапаморскага сагласу існавала ў г. Полацку. Пяць абшчын налічвалася ў Полацкім павеце: у в. Шмана і Латкова Ловажскай воласці, в. Забор'е і в. Жалудова Міхалоўшчынскай воласці, в. Вялікія Жарцы Артгайкавіцкай воласці [23, с. LI–LVI].

Важным цэнтрам стараверства на беларускіх землях быў Барысаўскі павет Мінскай губерні. Асноўная маса старавераў Барысаўскага павета праходзіла ў паўночнай яго частцы. У сучасны перыяд гэта тэрыторыя памежжа Барысаўскага, Крупскага і Чашніц-

кага раёнаў. Сярод цэнтраў стараверства ў гэтым рэгіёне з сярэдзіны XIX ст. вылучаліся засценак Бабарыкі і засценак Будзішча. У гэтых населеных пунктах існавалі і стараверскія малельні. Так, яшчэ этнограф Я. П. Тышкевіч паведамляў, што ў сярэдзіне XIX ст. стараверы Барысаўскага павета былі аб'яднаны ў дзве абшчыны з цэнтрамі ў Бабарыках і Будзішчы. Па сведчанні этнографа, акрамя старавераў Барысаўскага павета, да іх належалі стараверы суседніх Лепельскага, Сенненскага і Копыскага паветаў [24, с. 14–15].

**Табліца 3 – Дынаміка колькасці стараверскага насельніцтва Барысаўскага павета
Мінскай губерні (1858–1913 гг.)**

Год	1858	1863	1871	1875	1880	1885	1890	1894	1897	1902	1907	1913
Колькасць старавераў (чал.)	1493	1509	1242	1459	2025	2555	2802	3182	4023	4157	4516	4872

[складзена аўтарам на аснове: 25, с. 22–29; 26, с. 10; 27, с. 232; 28, с. 93; 29, с. 14; 30, с. 13; 31, с. 3; 32, с. 3; 33, с. 78; 34, с. 78; 35, с. 104; 36, с. 72].

Істотная колькасць стараверскага насельніцтва налічвалася і ў паўночных паветах Магілёўскай губерні – Сенненскім і Аршанскім.

Даныя аб колькасці старавераў у гэтых паветах прыведзены ў табліцы 4.

Табліца 4 – Дынаміка колькасці стараверскага насельніцтва Сенненскага і Аршанскага паветаў Магілёўскай губерні (1858–1913 гг.)

Год	1859	1861	1888	1893	1897	1900	1905	1910	1914
Колькасць старавераў у Сенненскім павеце (чал.)	1 064	1 071	3 111	3 433	4 605	4 383	4 983	5 117	6 019
Колькасць старавераў у Аршанскім павеце (чал.)	17	20	163	186	223	353	278	336	620

[складзена аўтарам на аснове: 37, с. 14–22; 38, с. 72–73; 39, с. 72; 40, с. 386; 41, с. 94; 42, ведамасць № 16; 43, с. 148; 44, с. XVIII; 45, с. 46].

Колькасць старавераў у Аршанскім павеце да пачатку XX ст. заставалася нязначнай. У паўночнай частцы Магілёўскай губерні асноўная маса стараверскага насельніцтва адносілася да Сенненскага павета. Большая частка старавераў Сennенскага павета праходзіла ў паўночнай яго частцы ў Астровенскай, Машканскай і Латыгаўскай воласцях (сучасная тэрыторыя Бешанковіцкага і Сennенскага раёнаў). Частка старавераў праходзіла ў заходній частцы павета (Лукомльскай, Лісічынскай

і Бобрскай воласцях) на мяжы з Барысаўскім і Лепельскім паветамі [46, с. 104].

Трэба адзначыць, што ў паветах Магілёўскай губерні, якія знаходзіліся на поўдні ад Сennенскага і Аршанскага, старавераў праходзіла мала. Амаль не налічвалася іх у Горацкім, Клімавіцкім, Мсціслаўскім паветах. Невялікая колькасць праходзіла ў Быхаўскім і Чавускім паветах. Толькі ў Магілёўскім павете праходзіла значная колькасць старавераў (972 чалавекі на 1897 г.) [37, с. 14–22; 38, с. 72–73; 39,

с. 72; 40, с. 386; 41, с. 94; 42, ведамасць № 16; 43, с. 148; 44, с. XVIII; 45, с. 46]. Такім чынам, Сенненскім і Аршанскім паветамі замыкаўся паўночна-ўсходні арэал расселення старавераў на Беларусь.

Дэмографічная характеристыка. Статыстычныя даныя, якія прадстаўлены ў табліцах 1-4, пераканаўча сведчаць аб устойлівым павелічэнні колькасці старавераў у паўночна-ўсходніх частцах Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Сур’ёзныя тэмпы росту стараверскага насельніцтва адзначаны ў беларускіх паветах Віцебскай губерні. Так, з 1861 г. па 1902 г. колькасць старавераў тут павялічылася ў чатыры разы (гл. табліцу 2). Найбольш значны рост назіраўся ў Віцебскім павеце. За гэты перыяд колькасць старавераў у ім вырасла ў шэсць разоў. Больш чым у шэсць разоў павялічылася агульная колькасць старавераў у Сенненскім і Аршанскім паветах у другой палове XIX – пачатку XX ст. (таблица 4). Амаль у 3 разы вырасла колькасць стараверскага насельніцтва ў Барысаўскім павеце (таблица 3).

Як вынікае з крыніц, павелічэнне колькасці стараверскага насельніцтва ў другой палове XIX – пачатку XX ст. на беларускіх землях абумоўлена некалькімі прычынамі. У большай ступені яно звязана з натуральным прыростам насельніцтва, які быў харектэрны як для ўсёй Расійскай імперыі [47, с. 42–43, с. 47–48], так і для беларускіх зямель. Другая палова XIX – пачатак XX ст. харектарызуецца хуткім ростам насельніцтва. Толькі за 1860–1890-я гг. насельніцтва Беларусі амаль падвойлася [48, с. 242].

На беларускіх землях павелічэнне стараверскага насельніцтва за кошт пераходу ў “раскол” мясцовага насельніцтва (пераважна праваслаўнага) не было распаўсюджанай з’явай. У той жа час далучэнне да стараверства праваслаўнага насельніцтва ў іншых частках Расійскай імперыі ў другой палове XIX ст. было досыць пашыраным [4, с. 96]. У афіцыйных публікацыях згадваліся выпадкі пераходу мясцовага беларускага насельніцтва ў стараверства, але адзначалася, што яны не мелі шырокага распаўсюджвання [49, с. 48]. Разам з тым з боку царкоўных і цывільных улад скіроўваліся заходы па далучэнні старавераў да праваслаўнай царквы. Гэта ўвасобілася ў стварэнні т.зв. аднаверской царквы. Далучэнне старавераў да праваслаўнай царквы на правах аднаверства найбольш шырокася распаўсюджанне атрымала якраз у Віленскай, Віцебскай і Ковенскай губерніах [1, с. 138–142; 4, с. 96–97]. Як сведчаць статыстычныя даныя,

колькасць аднаверцаў у рэгіёне была дастаткова значная (гл. табліцы 1-2). У другой палове XIX – пачатку XX ст. намаганнямі царкоўных і цывільных улад частка старавераў пераходзіла ў праваслаўе. Але выпадкі пераходу з “расколу” ў праваслаўе не былі масавымі, а дзеянісць місіянероў, як сведчаць крыніцы, не прыносіла жаданых вынікаў [49, с. 47].

Рост колькасці стараверскага насельніцтва абумоўлены таксама палітычным іх прававога статусу ў другой палове XIX – пачатку XX ст. Указы ад 3 мая 1883 г. “О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб” і 17 красавіка 1905 г. “Об укреплении начал веротримости” 1905 г. істотна палепшилі становішча старавераў. Немалаважнае значэнне ў росце колькасці старавераў у рэгіёне мелі заходы царскага ўраду па русіфікацыі краю, асабліва пасля паўстання 1863 г. У рэгіёне ствараліся спрыяльнія ўмовы для перасялення сюды рускіх, у тым ліку і старавераў. Разам з тым імклівае павелічэнне колькасці старавераў, асабліва ў 1860–1870-я гг. можна патлумачыць і ўдасканаленнем іх падліку. Паколькі з-за ізоляванага ладу жыцця падлік стараверскага насельніцтва быў даволі ўмоўны, то вызначыць яго дакладную колькасць у сярэдзіне XIX ст. было праблематычна.

Асноўная колькасць стараверскага насельніцтва паўночна-ўсходній Беларусі пражывала ў сельскай мясцовасці. Як вынікае з афіцыйных статыстычных даных, доля старавераў-гараджан у Віцебскай губерні ў 1862 г. складала 6%, у 1863 г. – 9,2%, у 1882 г. – 8,7%, у 1886 г. – 9,3%, у 1894 г. – 10,4%, у 1897 г. – 8,8% [7, с. 164–169; 8, с. 168–173; 10, с. 74; 13, с. 202–204; 14, с. 282–283; 19, с. 85]. А паданых на 1902 г. колькасць гарадскога насельніцтва вырасла да 18,8% [11, с. 90–95]. Пры гэтым трэба адзначыць, што доля старавераў у беларускіх гарадах губерні была невялікай. Большую частку стараверскага гарадскога насельніцтва губерні складалі стараверы Дзвінска і Рэжыцы. Стараверы ў беларускай частцы губерні пражывалі толькі ў Віцебску, Палацку і Гарадку. У той жа час яны амаль не пражывалі ў павятовых цэнтрах Лепелі і Дрысе (толькі па некаторых гадах тут налічвалася не больш за дзесяць старавераў).

Сярод гарадоў па колькасці стараверскага насельніцтва вылучаўся Віцебск. На працягу другой паловы XIX – пачатку XXI ст. у Віцебску пражывала большая частка стараверскага гарадскога насельніцтва беларускай

часткі Віцебскай губерні. У розныя гады тут пражывала ад 50% (1882 г.) да 80% (1902 г.) усяго гарадскога стараверскага насельніцтва беларускай часткі Віцебскай губерні. Так, у 1862 г. у г. Віцебску налічвалася 207 старавераў, у 1863 г. – 405, у 1882 г. – 404, у 1886 г. – 583, у 1894 г. – 684. А даныя перапісу 1897 г. засведчылі аб 1 465 стараверах у Віцебску. У 1902 г. у горадзе налічваўся 1 881 старавер, што склада калія 22,4% ад усёй колькасці старавераў Віцебскага павета. Другім горадам па колькасці старавераў быў Полацк. Тут у 1862 г. налічвалася 80 старавераў, у 1863 г. – 214, у 1882 – 356, у 1894 – 254, у 1897 г. – 350, у 1902 г. – 395. Такім чынам, на 1902 г. у Полацку пражывала каля 6,6% ад усёй колькасці старавераў Полацкага павета. Колькасць жа старавераў у Гарадку не была вялікай. У 1882 г. у горадзе налічвалася 43 чалавекі, у 1886 – 51, у 1894 г. – 41, у 1897 г. – 30, у 1902 г. – 84 [9, с. 164–169; 10, с. 168–173; 12, с. 74; 13, с. 90–95; 15, с. 202–204; 16, с. 282–283; 21, с. 85].

Асноўная маса старавераў Барысаўскага павета – таксама сельскія жыхары. Толькі ў горадзе Барысаве пражывала некаторая іх колькасць. Так, у 1858 г. у Барысаве налічвалася 39 старавераў, у 1863 г. – 49, у 1887 г. – 128, у 1897 г. – 178, у 1912 г. – 232 [25, с. 10; 26, с. 10; 50, с. 262; 24, с. 78; 51, с. 108].

У Сенненскім і Аршанскім паветах доля гарадскога стараверскага насельніцтва была зусім нязначнай. Нягледзячы на тое што Сенненскі павет быў адным з лідараў па колькасці старавераў у паўночна-ўсходній частцы Беларусі, доля гарадскога насельніцтва была ў павеце невялікай. Як сведчаць статыстычныя даныя, у 1860-х – пачатку 1890-х гг. стараверы ў г. Сянно ўвогуле не пражывалі. Толькі ў сярэдзіне 1890-х гг. яны фіксуюцца ў горадзе. Так, у 1897 г. іх налічвалася 38 чалавек, 1900 г. – 19, у 1905 г. – 20, у 1910 г. – 20, у 1914 г. – 29. Колькасць старавераў у Орши таксама была невялікай. У 1888 г. тут пражывала 14 старавераў, у 1893 г. – 13, у 1897 г. – 45, у 1900 г. – 37, у 1905 г. – 20, у 1910 г. – 19, у 1914 г. – 54 [38, с. 72–73; 39, с. 386; 40, с. 386; 41, с. 94; 42, с. 164; 43, с. 148; 44, с. XVIII; 45, с. 46].

Такім чынам, сярод гарадскіх цэнтраў паўночна-ўсходній Беларусі, дзе налічвалася значная колькасць старавераў, былі Віцебск, Полацк і Барысаў. Аднак, як сведчаць крыніцы, удзельная вага старавераў у структуры іх гарадскога насельніцтва была невялікай.

У другой палове XIX – пачатку XX ст. пе-раважная частка старавераў паўночна-ўсходній Беларусі пражывала ў сельскай мясцовасці і працавала на зямлі. Але значная колькасць старавераў была занята адыходнымі промысламі. Асаблівасцямі міграцыйных працэсаў у старавераў рэгіёна ў адзначаны перыяд, абу-моўленых спецыфікай гаспадарчай дзейнасці, можна патлумачыць і некаторую дыспрапорцыю гендарнага складу насельніцтва. Як сведчаць крыніцы, гендарны склад старавераў рэгіёна быў стабільным (з невялікай перавагай жаночага насельніцтва). Аднак па асобных гадах можна назіраць пэўную дыспрапорцыю ў колькасці мужчынскага і жаночага насельніцтва ў гарадах рэгіёна. Так, у 1886 г. у Віцебску налічвалася 583 стараверы, з іх 321 мужчына і 262 жанчыны. А ў 1902 г. даныя сведчаньць аб 395 стараверах у Полацку, з якіх 231 мужчына і 164 жанчыны [10, с. 168–173; 13, с. 93].

Заключэнне

Такім чынам, у другой палове XIX – пачатку XX ст. у паўночна-ўсходній частцы Беларусі пражывала значная колькасць стараверскага насельніцтва. Рэгіён з'яўляўся адным з важнейшых месцаў кампактнага пражывання старавераў на беларускіх землях. У межах рэгіёна стараверы пражывалі ў Полацкім, Віцебскім, Гарадоцкім, Сенненскім і Аршанскім паветах, а таксама ва ўсходній частцы Лепельскага і паўночных землях Барысаўскага паветаў. У другой палове XIX – пачатку XX ст. назіраецца ўстойлівае павелічэнне стараверскага насельніцтва на тэрыторыі рэгіёна, што было абумоўлена ў першую чаргу натуральным ростам насельніцтва, а таксама паліпшэннем прававога статусу старавераў. Пераважная большасць стараверскага насельніцтва рэгіёна пражывала ў сельскай мясцовасці, доля гараджан сярод старавераў была невялікай. Асноўнымі гарадскімі цэнтрамі паўночна-ўсходній часткі Беларусі, дзе налічвалася значная колькасць старавераў, былі Віцебск, Полацк і Барысаў.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

- Гарбацкі, А. А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А. А. Гарбацкі. – Брэст : БрДУ, 1999. – 202 с.
- Поташенко, Г. Староверие в Литве: Вторая половина XVII – начало XIX вв. Исследования, документы, материалы / Г. Поташенко. – Вильнюс : Aidai, 2006. – 543 с.
- Заварина, А. А. Русское население восточной Латвии во второй половине XIX – начале XX века : Историко-этнографический очерк / А. А. Заварина. – Рига : Зинатне, 1986. – 246 с.

4. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
5. **Волков, В. И.** Сведения о начале, распространении и разделении раскола и о расколе в Витебской губернии / В. И. Волков. – Витебск : Тип. губ. правл., 1866. – 21 + 85 с.
6. **Сементовский, А.** Этнографический обзор Витебской губернии / А. Сементовский. – СПб. : Тип. М. Хана, 1872. – 69 с.
7. Памятная книжка Витебской губернии на 1863 год. – Витебск: Тип. губ. правл., [б. г.]. – [1], 7, 642, 57 с.
8. Памятная книжка Витебской губернии на 1867 год. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1867. – VIII, 319, 118 с.
9. Памятная книжка Витебской губернии на 1884 год. – Витебск : Тип. губ. правл., 1884. – V, 329 с.
10. Памятная книжка Витебской губернии на 1888 год. – Витебск : Губ. тип., 1888. – V, 195, 118, XIV, 150, XIV с.
11. Памятная книжка Витебской губернии на 1895 год. – Витебск : Губ. тип., 1895. – [2], IV, VII, 31, 248, 59, XIV с.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. Стат. комитета М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. т-ва “Народная польза”. – [Вып.] 5 : Витебская губерния. – Тетрадь 3. – 1903. – [4], XIV, 283 с.
13. Памятная книжка Витебской губернии на 1904 год. – Витебск : Губ. типо-лит., 1903. – VIII, 32, 256, 119, 19 с.
14. Статистические сведения по Западно-Русскому краю // Литовские епархиальные ведомости. – 1908. – 1 января. – № 1. Приложение к “Вестнику Виленского православного Св.-Духовского братства”. Календарь на 1908 високосный год. – С. 49–62.
15. Памятная книжка Витебской губернии на 1864 год. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1864. – VIII, 415 с.
16. Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1865. – VIII, 376, 128, 7 с.
17. Памятная книжка Витебской губернии на 1866 год. – СПб. : Тип. К. Вульфа, 1866. – VIII, 218, 144 с.
18. Памятная книжка Витебской губернии на 1885 год. – Витебск : Тип. губ. правл., 1885. – [2], IV, 375, 124, XX с.
19. Памятная книжка Витебской губернии на 1886 год. – Витебск : Тип. губ. правл., 1886. – [2], V, 171, 107, 63, XIX с.
20. Памятная книжка Витебской губернии на 1887 год. – Витебск : Тип. губ. правл., 1887. – [2], V, 174, [1], 107, 88, XXII с.
21. Памятная книжка Витебской губернии на 1898 год. – Витебск : Губ. тип., 1898. – [2], IV, 43, 138, 343 с.
22. **Горбачевский, И. Д.** Лепельский уезд Витебской губернии / И. Д. Горбачевский. – Витебск : Губ. тип., 1895. – 38 с.
23. Памятная книжка Витебской губернии на 1914 год. – Витебск : Губ. тип., 1914. – [2], VI, 280, LXX, 42 с.
24. *Tyszkiewicz, E.* Opisanie powiatu Borysowskiego pod względem statystycznym, geognostycznym, historycznym, gospodarczym, przemysłowo-handlowym i lekarskim. Z dodatkiem wiadomości: o obyczajach, śpiewach, przysłowiacach i ubiorach ludu, gusłach, zabobonach i t.d. / E. Tyszkiewicz. – Wilno : Drukarnia Ant. Marcinowskiego, 1847. – 489, IV s.
25. Памятная книжка Минской губернии на 1860 год. – Минск : Тип. губ. правл., 1859. – 155, 112 с.
26. Памятная книжка Минской губернии на 1865 год. – Минск : Губ. тип., 1864. – 234, 57 с.
27. Памятная книжка Минской губернии на 1873 год. – Минск : Губ. тип., 1872. – 293 с.
28. Обзор Минской губернии за 1875 год. – Минск : Губ. тип., 1876. – 160, [82] с. : табл.
29. Обзор Минской губернии за 1880 год. – Минск : Губ. тип., 1881. – [2], 38, [79] с. : табл.
30. Обзор Минской губернии за 1885 год. – Минск : Губ. тип., 1886. – [4], 30, [61] с. : табл.
31. Памятная книжка Минской губернии на 1892 год. – Минск : Губ. тип., 1891. – XLIV, 196, 168 с.
32. Памятная книжка Минской губернии на 1896 год. – Минск : Тип.-лит. Х. Дворжеца и Б. Соломонова, 1895. – XLIV, 294, 88, 26 с.
33. Первая всесобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитета М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. С.-Петербургской тюрьмы. – [Вып.] 22 : Минская губерния. – 1904. – [4], XVI, 243 с.
34. Памятная книжка Минской губернии на 1904 год. – Минск : Тип.-лит. Б. И. Соломонова, 1903. – 221, 157, 68 с.
35. Памятная книжка Минской губернии на 1909 год. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1908. – 208, 192 с.
36. Памятная книжка Минской губернии на 1915 год. – Минск : Губ. тип., 1914. – 232, 185, III с.
37. Памятная книжка Могилевской губернии на 1861 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1861. – 18, 34, 106, 115, 144, 52, 8 с.
38. Памятная книжка Могилевской губернии на 1863 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1862. – 236, 106, XI с.
39. Памятная книжка Могилевской губернии на 1890 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1890. – 464 с.
40. Памятная книжка Могилевской губернии на 1895 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1890. – 467, LII с.
41. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / Изд. Центр. Стат. комитета М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Тип. Спб. акц. общ. “Слово”. – [Вып.] 23 : Могилевская губерния. – 1903. – [4], XVI, 276 с.
42. Памятная книжка Могилевской губернии на 1902 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1902. – XI, XXXVIII, 342, 104, 48 ведомостей, XXXVI с.

43. Памятная книжка Могилевской губернии на 1907 год. – Могилев : Тип. губ. правл., 1906. – 302, 151, V с.
44. Памятная книжка Могилевской губернии на 1912 год. – Могилев : Губ. тип., 1911. – 236, LXXXVI, 48 с.
45. Памятная книжка Могилевской губернии на 1916 год. – Могилев : Губ. тип., 1916. – XVI, 256, X, 69, 72 с.
46. *Аникиевич, К. Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии / К. Т. Аникиевич. – Могилев : Могил. губ. стат. ком., 1907. – 148 с.
47. *Рашин, А. Г.* Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / А. Г. Рашин. – Москва : Гос. стат. изд.-во, 1956. – 352 с.
48. *Пірожнік, І. І.* Насельніцтва Беларусі і дэмографічныя працэсы / І. І. Пірожнік // Беларусь на мяжы тысячагоддзяў. – Мінск : БелЭн, 2000. – С. 242–251.
49. Обзор Витебской губернии за 1896 г. – Витебск : Губ. тип.-лит., 1897. – 127, 106 с.
50. Памятная книжка Минской губернии на 1889 год. – Минск : Губ. тип., 1888. – 349, III с.
51. Памятная книжка Минской губернии на 1914 год. – Минск : Губ. тип., 1913. – 240, 189, III с.

Auseichyk U. SETTLEMENT AND DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF OLD BELIEVERS OF NORTHERN-EASTERN BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES.

In the article the features of settlement and demographic processes of Old Believers of the northern-eastern Belarus in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century are considered. On the basis of the analysis of statistical materials the main places of Old Believers' residence on the territory of the region have been revealed, the dynamics of their number in separate administrative units has been traced, the correlation of urban and rural population has been analysed, the urban centres of Old Believers on the territory of the region have been pointed out.

Keywords: Old Believers, northern-eastern Belarus, settlement, area, population number, Old Believers community, demography, ethnology.

Паступіў у рэдакцыю 19.06.2020 г.
Кантактны: uladz39@tut.by
(Аўсейчык Уладзімір Яўгенавіч)

УДК 94(576)“1914/1918”

ПРАВОСЛАВНОЕ ВОЕННОЕ ДУХОВЕНСТВО И ПРОПОВЕДЬ ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН В РОССИЙСКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Э. В. Старостенко

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье рассматривается политика православного военного духовенства в отношении так называемых “рационалистических сект” в годы Первой мировой войны. Показаны особенности работы военных священников с солдатами из числа евангельских христиан и противодействие распространению их учений среди православных военнослужащих. Приводятся результаты проверки, проведенной в 1916 г. на фронтах российской армии военным духовенством, которая позволяет оценить масштабы религиозной пропаганды “рационалистических сект”.

Ключевые слова: Первая мировая война, православное военное духовенство, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, российская армия, евангельские христиане, баптисты, религиозная пропаганда, идеологическое обслуживание армии.

Введение

Православная церковь занимала ведущее место в конфессиональной структуре Российской империи. Она имела привилегированное положение в государстве, являясь неотъемлемой частью государственной системы. Отношение к другим конфессиям в государстве не было равнозначным. Существовало деление на “терпимые” и “нетерпимые” конфессии. К нетерпимым в начале XX в. относили в том числе баптистов, штундистов, адвентистов и прочих. Часто в источниках того периода их называют “рационалистические секты”, “сектанты”, в отношении протестантских учений – “евангельские христиане”. В данной статье применяется терминология изучаемого периода, а также собирательное наименование ряда протестантских учений – евангельские христиане. Начавшаяся Первая мировая война, беспрецедентная по своим масштабам для того времени, требовала одновременно как сплочения общества, так и воспрепятствования силам, которые могли бы этому сплоче-

нию помешать. А деятельность военных священников была, помимо прочего, направлена на поддержание терпимости среди солдат, а также противодействие распространению религиозных учений, которые в Российской империи считались “вредными”.

Основная часть

Хотя большинство солдат российской армии было православного вероисповедания, в ней также служили представители других конфессий и религиозных учений. Так как военное духовенство преимущественно было представлено служителями Православной церкви, оно должно было препятствовать возникновению религиозных споров в солдатской среде, способствовать сближению и установлению “единодушия” среди солдат разного вероисповедания. В циркуляре протопресвитера Г. И. Шавельского военному духовенству (3 ноября 1914 г.) отмечалась объединяющая роль войны для граждан России: “Утихли раздоры, прекратились распри, примирились партии, смолкла и религиозная вражда между гражданами одной земли” [1, л. 5]. Для сохранения и поддержания порядка военным священникам было рекомендовано избегать религиозных споров и обличений других религий, следить, чтобы в полковых и госпитальных библиотеках не хранилась литература, направленная против католицизма, протестантизма и иных вероисповеданий. Будучи представителями Православной церкви, священникам следовало укреплять ее позиции не обличением других религий, а служением для всех солдат вне зависимости от их конфессиональной принадлежности.

Поэтому военное духовенство не препятствовало посещению богослужений инонверцами, совершало отпевания и погребения (в случае отсутствия пастыря-единоверца), снабжало солдат литературой. Например, на страницах Минских епархиальных ведомостей была опубликована заметка об отпевании православными священниками воинов вне зависимости от их вероисповедания: “При похороне погребении нет ни католика, ни лютеранина, ни православного. Все молятся вместе, все жаждут взаимной духовной поддержки. Как-то так само сложилось, что по общему желанию сплошь и рядом приходится отпевать по православному обряду и воинов-инонверцев – армян, католиков и лютеран. И такая терпимость полевого батюшки, считающегося в данном случае с порывом души, а не с бук-

вой правила, прочно привязывает к нему не только православных воинов, но и иноверцев” [2, с. 172–173].

Вместе с тем на представителей отдельных религиозных учений военное духовенство вынуждено было обращать особое внимание. В частности, специальные распоряжения военные священники получили в отношении “рационалистических сект”, к которым в начале XX в. относили баптистов, штундистов, адвентистов, меннонитов, молокан, пашковцев, толстовцев, духоворов [3, с. 228–246]. И до войны государство относилось к ним настороженно, а быстрый рост числа их общин вызывал беспокойство Православной церкви. В евангелических общинах Церковь видела серьезного конкурента, а потому стремилась помешать их распространению. С началом войны противодействие проповеди “рационалистических сект” приобрело особое значение для священников, служащих в российской армии. Такое внимание было связано со свойственной многим из этих учений антимилитаристской этикой и пацифизмом, которые приводили к отказу брать в руки оружие и сражаться, нежеланию приносить присягу. Было даже разрешено корректировать текст присяги для “сектантов” путем исключения из него части с характерным для нее торжественным обещанием [4, л. 13].

В центре внимания военного духовенства оказались баптисты. В официальных документах и периодической печати времен войны их нередко обвиняли в симпатиях к Германии. Так, в циркуляре протопресвитера от 29 июля 1915 г. сообщалось о пропаганде баптистов в местах ведения военных действий, вплоть до передовой и даже окопов. Их деятельность напрямую связывалась с Германией, распространением вредных политических идей: “Главные деятели по распространению ся... в своей пропагандистской деятельности не ограничивались одними религиозными целями, но внушали... вредные идеи политического характера, порицая не только установления Православной церкви, но и все исконные устои русской жизни и восхваляя в то же время порядки немецкого государственного, религиозного и общественного строя” [1, л. 21]. Распространение баптизма в воинской среде отожествлялось с “проповедью германизма”, которой православным военным священникам следовало дать отпор.

Главный священник Юго-Западного фронта, В. Грифцов, также позволил себе адре-

совать подчиненному духовенству отдельный циркуляр, посвященный религиозной пропаганде в солдатской среде. 11 января 1915 г. он сообщал благочинным Юго-Западного фронта об усиленной деятельности “сектантов-баптистов” и других “евангелических христиан” в госпиталях и лазаретах: раздаче ими религиозной литературы, ведению бесед с ранеными и больными, вплоть до призывов к смене религии. Протоиерей писал, что современное “сектантство” имеет противогосударственную и антимилитаристическую направленность и, будучи одним из опаснейших видов пропаганды, может оказать вредное влияние на солдат. Поэтому главный священник предлагал госпитальному духовенству Юго-Западного фронта наблюдать за деятельностью лиц, посещающих раненых воинов. Интерес представляют слова В. Грифцова о недопустимости распространения религиозной литературы и проведения бесед евангельскими христианами: “Объяснять воинам, что те, кто будет говорить с ними о другой вере, неправославной, – неблагонадежные люди, желающие обратить других в немецкую веру, предатели своего отечества, стремящиеся вместе со своими единомышленниками погубить Россию” [5, л. 10]. Главный священник предупреждал госпитальное духовенство о возможном распространении вместе с “сектантскими” учениями революционной пропаганды.

Противодействие “сектантской” пропаганде выразилось в проведении бесед религиозного содержания. В беседах военное духовенство старалось объяснять солдатам опасность, которую представляли “рационалистические секты”, а также убеждать в сохранении приверженности православной вере. Священники следили за воинскими чинами из числа евангельских христиан и других “нетерпимых” учений, не допускали ведения ими бесед на религиозные темы. О попытках склонения в “сектантство” военное духовенство сообщало начальству воинских частей и учреждений. Об особенностях работы с евангельскими христианами сообщалось в отчетах военного духовенства. Так, служащий благочинным 1-й бригады кавалерийского запаса протоиерей И. Кобяков сообщал протопресвитеру в рапорте от 25 января 1916 г. о работе в “иноверном kraю” (Северный фронт). Отношения с “сектантами” из нижних чинов выстраивались при взаимном уважении, с отдельными лицами проводились беседы, о наиболее упорных сообщалось начальству с целью воспрепятствования от-

крытої пропаганде [6, л. 36]. Благочинный киевских военно-неподвижных церквей 29 апреля 1916 г. писал о корректном отношении к иноверцам и сектантам, а также о проведении бесед при возникающих проблемах. Так, когда в 6-м госпитале пациент-баптист начал вести пропаганду, был вызван военный священник, который провел с больными беседу: “В беседе своей дал понятие о штундизме с его заблуждениями и учением его о войне и поручил ... сделать несколько бесед, направленных к вразумлению заблудшего и к уяснению православными ложности этого учения” [6, лл. 54–54об.]. Благочинный военно-местных церквей Закавказского края П. Смирнов сообщал, что, несмотря на работу духовенства, “секты свили себе прочное гнездо” (май 1917 г.). Он объяснял ситуацию притоком в армию во время войны значительного числа представителей различных учений [7, л. 49].

В периодике часто публиковались материалы, направленные против “сектантов”. Так, на страницах “Вестника военного и морского духовенства”, печатного органа ведомства протопресвитера военного и морского духовенства, можно встретить такие слова: “Настоящая война имеет и то благодетельное значение, что она вскрыла внутреннюю подоплеку нашего рационалистического сектантства и мягкотелого толстовства. Она показала, что штундизм, баптизм, методизм и прочие “измы”, пышным цветом расцветшие в последнее время на русской земле, являются не столько религиозными доктринаами, сколько политическим делом наших врагов – немцев, насаждающих у нас сектантство” [8, с. 105]. А, например, в статье “Штундизм и немцы”, опубликованной в 1916 г., содержалось прямое обвинение русских штундистов в связи с Германией и попытках распространения немецкой культуры: “Теперь весьма ярко выразилась связь и преемственность между баптизмом в России и настоящей войной. Пангерманизм, выдвигая идею всемирного господства или гегемонии народа, прежде всего имел в виду соседнюю Россию, которую он желал превратить в колонию Германии. Одним из орудий вовлечения России в пангерманизм, бескровного захвата ее, является штундизм... Штундизм не есть одна только система вероучения, он главным образом имеет свою целью внедрить в сознание русского народа “дух немецкий”, способствовать разрушению здравого национального течения и тем ослабить Россию” [9, с. 374]. Анализ номеров Вестника военного

и морского духовенства за 1914–1917 гг. показал, что большее внимание вопросам “сектантства” уделялось с 1916 г. В этом же году в номерах стали помещать информацию о возможности приобретения специальной литературы, посвященной вопросам “рационалистического сектантства”. Показательно, что после Февральской революции и преобразования “Вестника” в “Церковно-общественную мысль: прогрессивный орган военного и морского духовенства” статьи подобного содержания публиковать прекратили, их место заняли материалы, посвященные свободе совести, атеизму, “безрелигиозной России”. Хотя стоит указать на тот факт, что в № 10 “Церковно-общественной мысли” был опубликован ответ на критику В. Г. Павлова (баптистский миссионер, активный деятель Союза баптистов России), напечатанную в журнале “Слово истины” в адрес протопресвитера военного и морского духовенства. В статье протопресвитера обвиняли в “донесе на баптистов” (обвинении последних в симпатиях к Германии). Сообщалось, что протопресвитер просил В. Гурко принять ряд ограничительных мер против представителей данного вероучения. Ответ на критику был подготовлен членом Духовного правления, протоиереем Д. Богословым. В ответе сообщалось, что протопресвитер не обвиняет всех баптистов огульно, однако указываются сведения о выступлениях ряда баптистов России в поддержку Германии. А потому, по мнению автора заметки, действия протопресвитера в отношении баптистов оправданы и соответствуют исполнению им своего служебного долга [10, с. 16].

Несмотря на то что военные священники обычно сообщали о незначительной религиозной пропаганде в армии, в Синод поступали сообщения о религиозной пропаганде со стороны баптистов (порой даже в окопах). 8 июля 1916 г. директор департамента духовных дел сообщал протопресвитеру, что в департамент поступают сведения (из периодической печати и писем солдат) о жалобах православных военнослужащих на пропаганду баптистов, “согретавших” некоторых из их товарищей. Директор департамента просил предоставить сведения о деятельности баптистов и родственных им вероучений, к которым в документе отнесены “евангельские христиане и адвентисты”. Опасность проповеди баптизма в документе объяснялась характерным для нее антимилитаризмом, уклонением приверженцев этого учения от применения оружия к вра-

гам. На этом основании главным священником Северного, Западного, Юго-Западного фронтов и Кавказской армии (Румынский фронт к тому времени еще не был открыт) было поручено собрать информацию о деятельности баптистов среди солдат.

Рассмотрим отчеты главных священников.

По данным главного священника Северного фронта И. Покровского, на 12 августа 1916 г. (к этому времени фронт существовал уже год) в его канцелярию не поступало сообщений о пропаганде “сектантства с антимилитаристским направлением” [4, л. 5]. Этот факт, по мнению главного священника, подтверждает незначительность пропаганды, или отсутствие реакции на нее со стороны солдат. Кроме того, при посещении полков (а за период службы в должности главного священника он посетил до 40 полков на передовой) ни командиры, ни нижние чины не сообщали ему об антимилитаристской пропаганде. Интересно, что И. Покровский считал невозможным распространение подобных идей на передовой: проповедь войны как греха в армиях фронта воспринималась как “проявление малодушия, трусости, либо измены” [4, л. 5 об.]. Приводят случай в 49-м Сибирском стрелковом полку, где солдат-баптист отказался от оружия и объявил, что Христос запретил ему убивать, но это не произвело впечатления на остальные чины полка, и они хорошо показали себя в бою.

Большая свобода действий для “сектантов” на Северном фронте наблюдалась в тыловых учреждениях, особенно в госпиталях. Главный священник сообщал, что здесь наблюдается пропаганда “рационалистических учений”. Причины этому он называет две: много свободного времени у нижних чинов и слабая дисциплина. В запасных частях, наоборот, проповедь евангельских христиан не находится отклика среди солдат ввиду их крайней занятости.

Главный священник армий Западного фронта К. Богородицкий 28 июля 1916 г. поручил штабным священникам предоставить сведения о религиозной пропаганде, ее характере, результатах и в целом об отношении представителей “рационалистических сект” к военным событиям и исполнению воинского долга [11, л. 348]. Из отчета от 25 ноября 1916 г. следует, что деятельность евангельских христиан не носила масштабного характера и не была организована [12, с. 54]. Последовате-

ли учений были рассеяны по частям и действовали по отдельности. Практически отсутствие их открытой и организованной пропаганды в войсках Западного фронта объяснялось контролем со стороны православных военных священников и военного начальства.

Помимо прочего, главный священник армий Западного фронта сообщал, что даже если в армиях фронта есть подобная пропаганда, то больших успехов она не имеет: за время войны на фронте был зафиксирован только один случай совращения нижнего чина в “сектантство”, который произошел, когда солдат оказался на лечении в Киеве и попал под влияние местного священника-баптиста (ноябрь 1916 г.) [4, л. 9 об.]. В целом же, по убеждению К. Богородицкого, патриотическое воодушевление, охватившее Россию в условиях военного времени, рас пространилось и на представителей “рационалистических сект”.

Можно также привести данные, собранные в 10-й армии при подготовке рапорта главного священника Западного фронта. Проверка показала, что во многих полках этой армии “сектантов” нет, а те, что есть, не ведут агитационную деятельность [11, лл. 349, 355, 372, 377, 379]. Сообщалось об отдельных случаях отставания “сектантами” своих религиозных убеждений. Например, в 16-й пехотной бригаде (бригада обычно состояла из нескольких полков, в числе от 2000 до 8000 человек) было зафиксировано лишь несколько случаев неповиновения: в 8-м батальоне один рядовой, именовавший себя “субботником” (адвентист), категорически отказался брать в руки винтовку, за что Минским военно-окружным судом приговорен к каторжным работам на 8 лет; в 265-м батальоне “евангельский христианин” отказался от принятия присяги (согласился после беседы со священником), а “штундист” отказывался от выполнения воинских обязанностей вопреки уговорам священника и применению телесных наказаний (позже подчинился) [13, с. 101–102].

Главный священник Юго-Западного фронта В. Грифцов в рапорте от 30 августа 1916 г. сообщал, что в поступающих от благочинных отчетах не встречается информации о “сектантской” пропаганде. Вместе с тем в октябре 1916 г. архиепископ Херсонский и Одесский Назарий писал об усиленной пропаганде антимилитаристских идей со стороны “сектантов” в тыловых частях и учреждениях [4, л. 7–7 об.]. Кроме того, архиепископ сообщал, что к нему поступали сведения от офице-

ров и солдат о пропаганде прямо на позициях.

Подобный отчет предоставил главный священник Кавказской армии Г. Кремянский. В рапорте от 10 февраля 1917 г. он сообщал об отсутствии пропаганды “сектантства” в войсках фронта за весь период войны. Среди нижних чинов не наблюдалось случаев уклонения от ношения оружия, принесения присяги, уклонения от воинского долга. При этом главный священник сообщал, что в Кавказской армии в принципе мало “сектантов-рационалистов” – от двух до пяти человек на один полк, а в Кубанских пластунских бригадах таковые и вовсе отсутствуют. Г. Кремянский утверждал, что эти солдаты не сочувствуют переживаемым военным событиям и их нежелание держать оружие и сражаться приводит к просьбам о переводе в нестроевые части. Командиры же удовлетворяют эти просьбы, желая избавиться от “нежелательного и вредного элемента” [4, л. 12]. Что касается больших городов Закавказья (Тифлис, Баку, Батуми), то баптисты и евангельские христиане привлекали на свои собрания пребывающих в городах солдат, чтобы таким образом осуществлять религиозную пропаганду. Кроме того, на их средства был открыт лазарет для больных и раненых воинов, где распространялась религиозная литература и действовали “сектанты”. В этих обстоятельствах было принято решение о запрете нижним чинам посещать собрания баптистов, а после – о закрытии молитвенных домов баптистов и основанного ими лазарета. После этого их деятельность была сведена на нет. Завершая отчет, Г. Кремянский высказал предположение, что религия является лишь ширмой, а главная задача “сектантов” – антигосударственная деятельность.

Заключение

Мы видим, что по отчетам главных священников религиозная пропаганда со стороны евангельских христиан не была значительной. Сообщалось о единичных случаях “совращения” в другую религию, а также о дискуссиях, возникающих между военными священниками и представителями “нетерпимых” конфессий. Несмотря на это, борьбе с распространением “рационалистических учений” отводилось важное место в деятельности православного военного духовенства на протяжении всей войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 10776.
2. *Старostenко, Э. В.* Отражение деятельности православного военного духовенства в годы Первой мировой войны в периодической печати Российской империи / Э. В. Старостенко // Раманаўскія чытанні – XI : зб. арт. Міжнар. навук. канф., Магілёў, 26–27 ліст. 2015 г. / Магілёў. дзярж. ун-т ; гал. рэд. Я. Р. Рыер. – Магілёў, 2016. – С. 171–173.
3. *Федоров, В. А.* Русская православная церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В. А. Федоров. – М. : Рус. панорама, 2003. – 480 с.
4. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 10005.
5. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 9451.
6. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 10569.
7. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 10194.
8. *Сегенюк, А.* Война и христианство / А. Сегенюк // Вестн. военного и морского духовенства. – 1916. – № 4. – С. 104–110.
9. *Мельницкий, Г.* Штундизм и немцы / Г. Мельницкий // Вестник военного и морского духовенства. – 1916. – № 11–12. – С. 373–374.
10. *Боголюбов, Ф.* Горькая правда о баптистах / Ф. Боголюбов // Церковно-общественная мысль: прогрессивный орган военного и морского духовенства. – 1917. – № 10. – С. 13–17.
11. Российский государственный исторический архив. – Фонд 806. Оп. 5. Д. 9762.
12. *Старostenko, Э. В.* Взаимодействие православных военных священников с солдатами иных вероисповеданий в российской армии в годы Первой мировой войны (на материалах Беларуси) / Э. В. Старостенко // Религия и общество – 12 : сборник научных статей / под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев, 2018. – С. 53–55.
13. *Старostenko, Э. В.* Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны : монография / Э. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. – 200 с.

Поступила в редакцию 30.04.2021 г.

Контакты: EleonoraStarostenko@mail.ru
(Старостенко Элеонора Викторовна)

Starostenko E. ORTHODOX MILITARY CLERGY AND THE SERMON OF THE GOSPEL CHRISTIANS IN THE RUSSIAN ARMY DURING THE FIRST WORLD WAR.

The article examines the policy of the Orthodox military clergy in relation to the so-called “rationalistic sects” during the First World War. The features of the work of military priests with

the evangelical Christian soldiers and their opposition to the spread of their teachings among the Orthodox military personnel are revealed. The results of the inspection carried out by the military clergy in the front line of the Russian army in 1916 are presented to assess the scale of the religious propaganda of "rationalistic sects".

Keywords: World War I, Orthodox military clergy, department of protopresbyter of military and naval clergy, Russian army, evangelical Christians, Baptists, religious propaganda, ideological service of the army.

УДК 002.2(051):61

ВОЗНИКОВЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (на примере журнала “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения”)

A. A. Каплиев

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт истории Национальной академии
наук Беларусь

В статье проанализированы предпосылки, причины и условия возникновения белорусской советской медицинской периодической печати. Охарактеризованы основные факторы, предопределившие формирование первого белорусского советского медицинского журнала “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения” в 1919 г. На основе контент-анализа выделена проблематика издания, а также его характерные особенности как источника по истории становления советской системы здравоохранения в Беларусь и противоэпидемической борьбы в начальный период польско-советской войны 1919–1921 гг.

Ключевые слова: Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения, Гомельская губерния, медицина, здравоохранение, эпидемии.

Введение

Изучение отраслевой истории зачастую требует от исследователя обращения к специализированным типам источников, ярким представителем которых является профессиональная периодика. В настоящий момент одной из наиболее актуальных для изучения и одновременно малоисследованных в рамках исторической науки отраслей является здравоохранение. В период зарождения белорусской государственности на советской основе в сложнейших условиях ведения боевых действий польско-советской войны и эпидемической вспышки паразитарных тифов, холеры и других заболеваний одновременно шло построение принципиально новой советской системы здравоохранения, имевшей на территории Беларусь свои отличительные особенности, изучение которых представляет как общественный, так и научный интерес и обладает значительным потенциалом для концептуализации и применения в современных условиях.

Одним из значимых явлений периода становления советской системы здравоохранения на территории Беларусь стало возникновение советской медицинской периодической печати. Сегодня полноценная характеристика развития советского здравоохранения на территории Беларусь невозможна без изучения специализированных советских медицинских журналов, которые издавались в конце 1910-х – начале 1920-х гг. и ранее фактически не подвергались подробному анализу [1; 2]. Настоящая статья посвящена характеристике первого подобного издания – журнала “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения”, выходившего в июле 1919 г. [3, с. 116].

Основная часть

Регулярное издание медицинской периодики на территории Беларусь началось во второй половине XIX в., что было связано с развитием местных медицинских обществ, которые в условиях отсутствия земств и земской медицины стали главным двигателем позитивных изменений в организации здравоохранения Северо-Западного края Российской империи. В целях обмена опытом и в качестве площадки для обсуждения наиболее насущных вопросов здравоохранения проводились регулярные заседания членов медицинских обществ, а также съезды врачей белорусских губерний Российской империи, материалы которых легли в основу периодически издаваемых “Протоколов” и “Трудов” обществ врачей Минской, Могилевской и Гродненской губерний. Эти издания положили начало развитию специальной медицинской периодической печати на территории Беларусь, наиболее ярким представителем которой в дореволюционный период стал журнал “Минские врачебные известия” (1910–1915 гг.) [4, л. 1].

Однако в годы Первой мировой войны белорусские врачебные журналы уступили место медицинской периодике крупных благотворительных институтов (Красный Крест, Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов) [1, с. 569]. Следует подчеркнуть, что журнал “Известия комитета Западного фронта Всероссийского союза городов” с 1917 г. издавался в Гомеле, что позволило приобрести опыт издания крупного медицинского журнала не только в губернских центрах, но и в уездном городе. Революционные преобразования, охватившие территорию Беларусь в 1917 г., для Гомельщины были усложнены приближением фронта Первой миро-

вой войны, а затем германской оккупацией. Во время германской оккупации здравоохранение фактически не развивалось, а существовавшие местные распорядительные медицинские органы только осуществляли посреднические функции между немецким оккупационным руководством и сохранившимися медицинскими учреждениями для обеспечения последних лекарствами из запасов немецких складов [5, с. 24].

После окончания Первой мировой войны и возвращения большевиками контроля над территорией Беларуси огромная территория новообразованной в начале 1919 г. Гомельской губернии, которая включала в том числе Гомельщину, Могилевщину, часть Витебщины и занимала 80 тыс. км² с населением почти 3 млн человек, была передана в состав РСФСР [6, с. 205]. Соответственно, медицинская сеть Гомельской губернии начала подчиняться центральному руководящему медицинскому органу РСФСР – Народному комиссариату здравоохранения (НКЗ). Данный орган осуществлял общее руководство здравоохранением Советской России и реализовывал программу переустройства медицинского обслуживания на принципах квалифицированности, общедоступности и бесплатности [7, л. 37].

На местном уровне, в том числе и на территории Гомельской губернии, для управления медицинской предполагалось создание губернских отделов здравоохранения (губздравов), которым подчинялись уездные отделы здравоохранения, непосредственно координировавшие работу медицинских учреждений. Гомельский губернский отдел здравоохранения начал работу 27 апреля 1919 г. под руководством бывшего члена коллегии Могилевского отдела здравоохранения Л. Сенкевича [8, л. 49].

Однако развертывание местных органов здравоохранения и реализация советских принципов построения медицины осложнились катастрофическим санитарным положением. Период между окончанием Первой мировой войны (1914–1918 гг.) и началом польско-советской войны (1919–1921 гг.) отмечался нарастанием опасных тенденций в медико-санитарном положении на территории Беларуси, что прежде всего выразилось в быстром распространении инфекционных болезней. Рост численности городского населения за счет беженцев, военнослужащих и военнопленных в условиях антисанитарии и разрушения жилищного фонда способствовал

распространению в Гомеле и губернии тифа, холеры, малярии и других эпидемических заболеваний [9, с. 4].

Вместе с тем новый статус центра губернии помог Гомелю аккумулировать значительные ресурсы и стать серьезным оплотом здравоохранения и борьбы с инфекциями. Однако координировать усилия между рассредоточенными по огромной губернии уездными отделами здравоохранения, больницами, амбулаториями и участковыми врачами в условиях продолжения боевых действий и приближения линии фронта польско-советской войны становилось все труднее. Эффективным средством коммуникации мог стать региональный медицинский печатный орган, который бы совмещал функции информационного бюллетеня и площадки для обмена опытом между врачами разных местностей. Совокупность приведенных факторов обусловила начало издания в Гомеле первого на территории Беларуси советского медицинского журнала – “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения” в июле 1919 г.

Обложка журнала “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения” за июль 1919 г. Из фондов Национальной библиотеки Беларуси

Следует отметить, что после Октябрьского переворота 1917 г. значительная часть врачебной общественности, а также основные медицинские периодические издания России (“Врачебное дело”, “Общественный врач”) не поддержали революцию и заняли критическую позицию по отношению к новой власти [2, с. 7; 10–11]. Большевики, которые понимали и хорошо умели использовать всю мощь

печатного слова, осознавали необходимость противодействия негативному влиянию, чтобы привлечь врачебную общественность на свою сторону. В условиях продолжения боевых действий и распространения эпидемий врачи являлись ценным кадровым ресурсом, лояльность и доверие которого, однако, нужно было еще завоевать. Фактически советской медицине требовались новые печатные органы, которые использовались бы в идеологической борьбе против сторонников старых порядков в здравоохранении, а также в целях пропаганды и насаждения новой модели медицинской организации. Первым таким изданием в мае 1918 г. стали «Известия советской медицины» – орган Совета врачебных коллегий при Совете Народных Комиссаров РСФСР (позднее – «Известия Народного комиссариата здравоохранения» НКЗ РСФСР), по образцу которых были построены «Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения» [2, с. 11].

Редакция журнала состояла из сотрудников Гомельского губздрава и, соответственно, размещалась в его помещении. Непосредственный выпуск журнала осуществлялся во 2-й Советской типографии г. Гомеля. Редакция планировала долгосрочную работу и с этой целью предложила уездным отделам здравоохранения присыпать статьи, отчеты и другую корреспонденцию для публикации. Однако в условиях продолжения польско-советской войны и тяжелейшего материального положения местного здравоохранения наладить регулярный выпуск «Известий гомельского губернского отдела здравоохранения» не удалось, ввиду чего был издан лишь один номер. Подобные обстоятельства были характерны для белорусской медицинской периодики, и в дальнейшем издававшиеся в начале 1920-х гг. региональные периодические издания – «Бобруйские медицинские известия», «Санитарно-статистический бюллетень Витуторздравоотделения» – также выходили довольно ограниченное время, а первым относительно стабильным в плане периодичности белорусским советским медицинским журналом стал орган Народного комиссариата здравоохранения БССР «Беларуская мэдычная думка», выходивший с 1924 по 1929 г. [10, с. 3].

По замыслу составителей журнал «Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения» должен был состоять из 6 основных «отделов»: официального, научного, докладов, хроники, профессиональных со-

общений и объявлений. Анализируя данную структуру журнала, следует отметить, что она почти полностью копировала «Известия советской медицины», но была упрощена, учитывая региональный характер издания. Однако заявленная структура не была соблюдена даже в первом выпущенном номере. Контент-анализ дает основания выделить лишь 3 логических раздела журнала.

Первый раздел, «Действия и распоряжения правительства», занимал примерно треть номера. В этом разделе содержались декреты советского правительства, которые касались наиболее насущных вопросов здравоохранения, а также непосредственной деятельности быта медиков. Например, было напечатано постановление о 50%-ной прибавке к зарплате персонала лечебно-санитарных учреждений, инструкция о порядке выдачи денежной помощи семьям медицинских работников, погибших при борьбе с эпидемиями [11, с. 3; 12, с. 7]. Содержание данного раздела отражает тяжелое состояние здравоохранения на территории Советского государства, а также усилия по борьбе с эпидемиями в период их вспышки в 1919 г. Вместе с тем следует отметить, что в качестве источника размещенные в этом разделе сведения не являются уникальными, так как печатались и в других медицинских журналах наряду со сборниками приказов и постановлений советского правительства. В частности, большинство постановлений, напечатанных в обозреваемом журнале, были помещены в июльском номере «Известий Народного комиссариата здравоохранения».

Значительно более интересным для историка является второй раздел «Известий Гомельского губернского отдела здравоохранения» – «Общий отдел». Раздел включает четыре статьи, первая из которых «Новая губерния и наши задачи» за авторством руководителя Гомельского губернского отдела здравоохранения Л. Сенкевича является «программной» и характеризует общее состояние организации здравоохранения в Гомельской губернии в контексте образования новой территориально-административной единицы. Так, Л. Сенкевич сообщает, что реальная работа губздрава началась со съезда представителей уездных отделов здравоохранения 18 мая 1919 г. Следует отметить, что, по всей вероятности, в аппарате Гомельского губернского отдела здравоохранения преобладали выходцы из соответствующей структуры бывшей Могилевской губернии (себя и своих сорат-

ников по губздраву Л. Сенкевич в статье называет “могилевцы” [13, с. 11]. В остальном сообщение сочетало черты идеологической заметки про общие преимущества советского строя и социальной справедливости новой системы здравоохранения (перераспределение возможностей медицинской помощи в пользу пролетариата и крестьян) с короткими пересказами и трактовками основных положений большевистского видения организации здравоохранения (национализация медицинских учреждений и аптек, борьба с “социальными” болезнями и пр.) [13, с. 11–12].

Значительно более информативной и показательной является следующая статья раздела “Положение лечебной медицины в Гомельской губернии”, за авторством врача Д. Кагана. Статья без прикрас иллюстрирует реальное положение медицины в начальный период становления советской системы здравоохранения. Автор сделал вывод о том, что состояние медицины на территории Гомельской губернии на момент установления советской власти характеризовалось как “разрушенное”, а край находился в худшем положении, чем большинство других регионов Советской России, так как пострадал от германской оккупации, что выразилось в ограблении аптечных складов и уничтожении значительного количества лечебных учреждений. В частности, Д. Каган сообщает, что в период оккупации немецкое командование объявило запасы госпитального оборудования и медикаментов, принадлежавших Всероссийскому земскому Союзу и Всероссийскому союзу городов, военной добычей и вывезло в Германию [14, с. 13]. Любопытна и характеристика крайне несовершенной системы управления здравоохранением в условиях большой площади Гомельской губернии, что приводило к спонтанному возникновению “лишних” городских органов управления здравоохранением в дополнение к уездным отделам здравоохранения [14, с. 12–13]. Также беспристрастно были описаны непосредственные условия, в которых оказывалась медицинская помощь населению Гомельской губернии в период начального формирования системы управления здравоохранением, для чего Д. Каган процитировал доклад одного из местных врачей: “Вместо больницы – закуренная копотью ночлежка, темная днем и неосвещаемая за отсутствием осветительного материала ночью, хлеб в обрез плохо печеный, выпрошенный в долг по крайне высоким ценам, невозможностьказать необходимое оперативное

пособие из-за отсутствия перевязочного материала и инструментов” [14, с. 13]. Подводя итоги своему сообщению, Д. Каган выделил среди основных факторов, замедлявших развитие здравоохранения в Гомельской губернии, нерегулярный характер финансирования, отсутствие лекарственных средств, нехватку медицинского персонала из-за тотальной мобилизации в армию.

Третья статья раздела “К вопросу об организации противохолерных мероприятий в губернии на 1919–1920 гг.” имела теоретический характер и принадлежала авторству известного врача, заведующего санитарно-эпидемическим подотделом Гомельского губернского отдела здравоохранения, будущего создателя одной из первых на пространстве советских республик санитарных станций в Гомеле (1922 г.) К. Кононовича. Автор показал основные факторы развития холеры, которая, наряду с другими инфекционными заболеваниями, распространялась из-за голода, антисанитарии и отсутствия элементарной личной гигиены населения, вызванных общим низким благосостоянием в условиях продолжения боевых действий. К. Кононович реально оценивал небольшие возможности молодого советского здравоохранения в области полноценной общегосударственной программы борьбы с инфекциями, поэтому предлагал не отказываться от наработок “старой” (земской) медицинской организации и придерживаться трех основных принципов:

- 1) принять за основу существовавший врачебно-санитарный строй и постепенно его совершенствовать;
- 2) представить больше инициативы работникам на местах, ограничившись лишь общими указаниями для регламентации их деятельности;
- 3) избегать создания затратных в финансовом отношении лечебных учреждений, ограничившись организацией только наиболее необходимых для текущего момента (холерные бараки, транспортные средства для перевозки зараженных холерой) [15, с. 16].

Кроме того, автор выделял особую роль санитарно-просветительской работы с населением, для совершенствования которой предлагалось использовать популярные среди населения периодические издания, а саму пропаганду профилактических мероприятий и здорового образа жизни вести, используя принципы “политической агитации” [15, с. 17].

Последнее сообщение раздела не являлось статьей, а представляло собой отчет о деятельности Гомельского губздрава на 1 июля 1919 г. Отчет позволяет представить общую структуру регионального управления советского здравоохранения в начальный период его существования на примере Гомельского губернского отдела здравоохранения. Кроме 11 отраслевых подотделов, следует выделить существование в структуре губздрава Чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемиями, которая имела фактически неограниченные полномочия. Именно жесткая политика чрезвычайных противоэпидемических комиссий, направленная на объединение всех возможностей и ресурсов гражданской и военной медицины в целях борьбы с эпидемиями, позволила остановить вспышку инфекций к началу 1920-х гг. в Гомельской губернии и других регионах. Следует выделить и приведенные в отчете статистические данные о движении заболеваний по Гомельской губернии в мае – июне 1919 г., которые показывают значительный прирост заболеваемости инфекционными болезнями, особенно сыпным и брюшным тифом [16, с. 30–31].

Последний раздел журнала – “Хроника” только усиливает общую противоэпидемическую направленность журнала. В частности, раздел содержит объявления о локальных противохолерных мероприятиях, прививках и других мерах по борьбе с эпидемиями. Анализ сведений раздела также дает понимание основных шагов по выходу из кадрового кризиса здравоохранения, который был обусловлен массовым призывом врачей в армию в условиях продолжения польско-советской войны. Проблему “вакантных мест” участковых и административных врачебных должностей решали четырьмя основными мерами:

- 1) привлечение к службе по трудовой повинности “свободных” (от призыва) врачей;
- 2) сокращение штатов медицинских учреждений;
- 3) привлечение врачей, которые не подлежали трудовой повинности, к участию в различных комиссиях, чтобы освободить от этого врачей трудоспособного возраста;
- 4) привлечение врачебных кадров путем их перевода из густонаселенных центров страны в Гомельскую губернию [17, с. 32].

Последняя страница журнала информировала, что первый номер “Известий Гомельского губернского отдела здравоохранения” по “...независящим [от редакции] причинам выходит со значительным опозданием и в со-

кращенном размере”, а следующие выпуски будут выходить в начале каждого месяца. Однако военное лихолетье и разруха обусловили невозможность продолжения издания “Известий Гомельского губернского отдела здравоохранения”, и сегодня единственный номер этого журнала является библиографической редкостью. Вместе с тем традиция издания специализированных медицинских журналов на территории Беларуси продолжилась. Так, в 1921–1923 гг. в Бобруйске усилиями местного отдела здравоохранения и филиала профессионального союза советских медиков “Всемедикосантруд” издавался журнал “Бобруйские медицинские известия”, а в Витебске в 1924 г. выходил журнал “Санитарно-статистический бюллетень Витуторздравоотделения”. С 1924 г. было также положено начало изданию печатного органа Народного комиссариата здравоохранения БССР – журнала “Беларуская мэдычна думка” [10, с. 2].

Заключение

Обобщая опыт издания первого белорусского советского медицинского журнала, следует выделить его следующие функции в качестве профессионального периодического органа: 1) информирование медработников о последних распоряжениях центральных и местных властей, которые касались здравоохранения; 2) публикация отчетов и протоколов заседаний руководящих органов здравоохранения; 3) профессиональное образование врачей и обмен опытом посредством печати методических советов; 4) площадка для обсуждения наиболее насущных вопросов здравоохранения, обратная связь с медицинскими учреждениями и отдельными врачами, а также формирование сети корреспондентов для получения объективной информации о реальном состоянии медицины на местах.

Анализируя содержание журнала, следует выделить высокую транспарентность размещенных в нем материалов. Очевидные проблемы, с которым столкнулось местное здравоохранение на заре становления советской системы, поданы открыто и без прикрас, что исчезнет со страниц медицинской периодики во второй половине 1920-х – 1930-е гг. Содержание журнала позволяет увидеть основные проблемы становления советской системы глазами медработников, которые организовывали лечебную помощь населению в условиях нехватки кадров, материальных ресурсов и других организационных сложностей управле-

ния охраной здоровья в масштабах огромной губернии. Однако, несмотря на многочисленные бытовые трудности и приближение линии фронта польско-советской войны, основной проблемой, которая проходит практически через все сообщения журнала, являлось распространение инфекционных заболеваний и поиск путей борьбы с ними. Эпидемия инфекционных болезней продолжалась на территории Советской Беларуси на всем протяжении и даже после окончания польско-советской войны, однако журнал “Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения” дает уникальные сведения о причинах и условиях начала эпидемической вспышки, а также повседневной работе системы здравоохранения по ее содержанию в 1919 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Вейнберг, С.* Список медицинских журналов с 1792 г. по 1936 г. / С. Вейнберг // Большая медицинская энциклопедия : в 35 т. – Москва : Государственное словарно-энциклопедическое издательство “Советская энциклопедия”, 1928–1936. – Т. 17. – 1936. – С. 562–576.
2. *Мирский, М. Б.* Роль партийно-советской и периодической медицинской печати в теории и практике здравоохранения в первые годы Советской власти (1917–1920 гг.) : автореф. дис. канд. мед. наук / М. Б. Мирский. – Москва, 1964. – 22 с.
3. Периодическая печать СССР 1917–1949 : библиографический указатель. – Москва : Издательство Всесоюзной книжной палаты, 1963. – 864 с.
4. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 502. Оп. 1. Д. 43.
5. *Тищенко, Е. М.* Здравоохранение Беларуси в XIX–XX вв. / Е. М. Тищенко. – Гродно, 2003. – 269 с.
6. Советское строительство в Гомельской губернии : [сборник к III съезду Советов Гомельской губернии]. – Гомель : Государственное издательство, Гомельское отделение, [1920?]. – 223 с.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 64. Оп. 1. Д. 137.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области. – Фонд 1. Оп. 1. Д. 12.
9. Борьба с сыпным тифом // Вечерняя газета. – 1918. – № 7 (25 декабря).
10. *Абаев, Ю. К.* Журнал “Здравоохранение” : люди, годы, события / Ю. К. Абаев // Здравоохранение. – 2014. – № 9. – С. 2–7.
11. Постановление о 50% прибавке к содержанию персонала лечебно-санитарных заведений : 16 мая 1919 г. // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 3.
12. Инструкция о порядке выдачи пособий по декрету Совнаркома от 10-го апреля семьям медицинских работников, погибших на эпидемии : 10 апреля 1919 г. // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 7.
13. *Сенкевич, Л.* Новая губерния и наши задачи / Л. Сенкевич // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 11–12.
14. *Каган, Д.* Положение лечебной медицины в Гомельской губернии / Д. Каган // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 12–15.
15. *Кононович, К.* К вопросу об организации противохолерных мероприятий в губернии на 1919–1920 гг. / К. Кононович // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 15–17.
16. Отчет о деятельности Гомельского Губернского Отдела Народного Здравоохранения на 1 июля // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 17–31.
17. Хроника // Известия Гомельского губернского отдела здравоохранения. – 1919. – № 1. – С. 32–33.

Поступила в редакцию 19.05.2020 г.

Контакты: kapliyev@history.by
(Каплиев Алексей Александрович)

Kapliyev A. THE EMERGENCE OF THE BELARUSIAN SOVIET MEDICAL PERIODICAL PRESS (AS EXEMPLIFIED IN THE JOURNAL “PROCEEDINGS OF GOMEL PROVINCIAL HEALTHCARE DEPARTMENT”).

The article analyses the background, causes and conditions of the emergence of the Belarusian Soviet medical periodicals. It describes the main factors that predetermined the formation of the first Belarusian Soviet medical journal “Proceedings of Gomel Provincial Healthcare Department” in 1919. On the basis of the content analysis the issues of the periodical, as well as its characteristics as a source on the history of the Soviet healthcare system in Belarus and anti-epidemic struggle during the initial period of the Polish-Soviet War of 1919–1921 are highlighted.

Keywords: “Proceedings of Gomel Provincial Healthcare Department”, Gomel province, medicine, healthcare, epidemics.

УДК 94(47):355.476

ОРГАНИЗАЦІЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧЕ- КРЕСТЬЯНСКОЙ МІЛІЦІИ БЕЛАРУСІ В НАЧАЛЕ 1920-Х ГГ.

B. M. Кривчиков

кандидат исторических наук, доцент
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы

В начале 1920-х гг. формирование милиции Беларуси как одно из направлений осуществлялось в виде образования воинских частей. Была сформирована Милицейская бригада из шести трехротных батальонов. Это было обусловлено довольно сложной криминогенной обстановкой в республике, всплеском бандитизма. Бороться с ними предполагалось военными методами, в тесном взаимодействии с Красной Армией, в том числе и с ее структурами снабжения. В статье освещено становление обеспечения милиции Беларуси продовольствием на базе Красной Армии через местные окружные и губернские органы снабжения в 1920–1923 гг. На основе архивных документов показана динамика проблем в поставках как количества продовольствия, так и его качества. Проанализирована ситуация с продовольственным обеспечением милиции после перехода ее на систему местного финансирования.

Ключевые слова: Рабоче-крестьянская милиция, Беларусь, продовольственное обеспечение, Красная Армия, провиантские и приварочные продукты, фуражное довольствие.

Введение

С июля 1920 г., сразу после освобождения г. Минска от польских войск стали формироваться подразделения Рабоче-крестьянской милиции совместно с частями охраны под эгидой Наркомата внутренних дел. Формирование Наркомата внутренних дел происходило в сложных экономических условиях (многие предприятия Беларуси после окончания Гражданской войны лежали в руинах).

Одной из самых сложных проблем была организация всестороннего материального обеспечения наркомата. Состояние продовольственного обеспечения Рабоче-крестьянской милиции в 1920-х гг. красноречиво показывает уровень обеспечения материальными средствами в целом войск и милиции НКВД в условиях сильно ограниченных ресурсов молодой республики.

Вопросами материального обеспечения Рабоче-крестьянской милиции НКВД

занимался отдел снабжения. В положении “О советской рабоче-крестьянской милиции”, утвержденном 10 июня 1920 г. ВЦИК и СНК РСФСР, определялось, что снабжение милиции продовольствием и всеми видами довольствия (фуражом, снаряжением, вооружением, обмундированием и т. д.) производилось по правилам, устанавливавшимся для военнослужащих Красной Армии. Удовлетворение работников милиции всеми видами довольствия, за исключением денежного, производилось на общих основаниях с гарнизонными воинскими частями.

Постановление СТО “О снабжении милиции продовольствием, фуражом и предметами первой необходимости” от 11 июня 1920 г. гласило, что порядок удовлетворения милиции различным довольствием устанавливался местными окружными и губернскими органами снабжения Красной Армии по соглашению с Главным управлением милиции и его местными органами.

Подразделения и войска НКВД остро нуждались в материальных и денежных средствах. Состояние дел красноречиво иллюстрирует Протокол заседания Коллегии НКВД Беларуси от 28 сентября 1920 г. Из десяти рассмотренных на нем вопросов четыре касались обеспечения милиции денежным довольствием, продовольствием, вооружением и обмундированием [1, с. 14]. Такое положение дел ускорило создание в структуре НКВД Беларуси собственной службы обеспечения. 21 ноября 1920 г. Коллегия НКВД Беларуси заслушала доклад начальника Главмилиции республики С. Мертенса “Об утверждении сметов и штатов Милиции”. И уже 30 ноября 1920 г. приказом № 20 начальника Главмилиции был создан отдел снабжения со штатом в 35 человек. Отдел занимался получением от высших продовольственных и заготовительных органов всех видов довольствия, обмундирования, снаряжения и вооружения, хранил полученное на складах, заведовал транспортом Главного управления Милиции.

Названные документы создавали правовую базу для работы отдела снабжения, который стал предшественником полноценной тыловой службы современной милиции Беларуси. Однако в условиях разрушенной послевоенной экономики ожидать нормального материально-технического обеспечения от отдела снабжения, причем, созданного непрофессионалами, каковыми являлись не только сотрудники отдела снабжения, но и других

подразделений и служб органов внутренних дел Беларуси, не приходилось. А одной из проблематичных сфер деятельности являлось обеспечение продовольствием.

Основная часть

Согласно постановлению СТО от 1 июня 1920 г. все милиционеры, командный состав должны были снабжаться от Наркомата обороны тыловым красноармейским пайком наравне с войсковыми частями. Количество личного состава, а также лошадей, которых необходимо было довольствовать, уточняли не по документам, а путем проведения переписи. Для точного учета количества едоков и лошадей на Западном фронте (например, на 31 января 1921 г.) назначалась и проводилась однодневная перепись. Причем те части, учреждения, где не была проведена перепись, лишились права на получение продовольствия [2, лл. 8, 20].

Продовольствие представители отдела снабжения получали в магазинах (на продовольственных складах) Управления военно-продовольственного снабжения частей Красной Армии (далее – Упродбель). Все про-виантские и приварочные продукты сдавались в столовые, где и должны были довольствоваться все члены Милиции. Хлеб же и чайное довольствие (сахар, чай и т. п.) выдавались на руки. Во всех городах Беларуси немедленно создавались столовые Милиции, а в г. Минске открыли две столовые. Чинам милиции, имевшим место службы не в городах, про-виант и приварочный паек выдавали на руки, по мере их поступления [1, с. 14].

Нередко милиции выдавались продукты плохого качества (как, например, мерзлый картофель, тухлый хлеб и т. д.). В таких случаях приглашались представители Инспекторского отдела и при наличии испорченных продуктов составлялись акты, а полученное возвращалось в продорганы с требованием замены негодных более годными к употреблению, т. к. некондиционные продукты влияли на уровень приготовления пищи. В письме от

начальника Главмилиции Беларуси начальнику отдела снабжения 6 декабря 1920 г. можно прочитать: “В 1-й столовой Главмилиции все время замечается, что пища приготавливается на недоброкачественных продуктах (картофель, бураки, капуста и т. д.) и не приемка подобных продуктов дает возможность добить лучшее и столовая сумеет готовить более приличную пищу, которая служит единственным питанием для многих милиционеров” [3, л. 9].

Ситуация с обеспечением продуктами милиции была сложная, впрочем, как и по остальным видам довольствия. Об этом четко написал начальник Главмилиции республики С. Мертенс 24 октября 1920 г. в Военревком Беларуси: “В настоящий момент вопрос о снабжении милиции чрезвычайно сложный. Милиционеры не получают пока ни хлеба, ни пищи, ни одежды, ни обуви. Такой раздетый, босый и голодный милиционер мало доброго обещает... Нет вообще теплой одежды. А зима впереди. Предлагаю произвести обязательный сбор теплой одежды и обуви на территории уездов у местного населения” [4, лл. 7–8].

Продовольственное обеспечение милиции пытались улучшить в августе 1921 г. Ввиду снятия в границах Беларуси с полевых войск Красной Армии функции борьбы с бандитизмом на милицию возложили задачи охраны внутреннего порядка и пресечения возможности проявления бандитизма. Руководство НКВД Беларуси просило включить Милицию республики в плановое снабжение Наркомата обороны, т. е. по порядку обеспечения продовольствием приравнять в правах к войскам ВЧК. Это предложение поддержано не было. В первую очередь продовольствием остались снабжаться лечебные заведения и войска ВЧК. Что же касается милиции, то она продолжала удовлетворяться наравне со всеми остальными воинскими частями [5, лл. 11–12].

Однако “наравне” не получалось. Например, только за май 1921 г. милиция Беларуси недополучила около 9 400 кг продовольствия (таблица 1).

Таблица 1 – Ведомость продуктов, недополученных милицией Беларуси за май 1921 г.
[5, л. 4].

	Сельдь	Масло	Табак	Чай	Крупы	Сахар	Мука	Сушеные овощи	Соль	Подсолочная мука	Мыло	Спички
Недополучено (пуд, фунт)	257п. 12ф.	17п. 19ф.	37п. 26ф.	3п. 8ф.	57п.	10п. 25ф.	37п. 5ф.	132п. 13ф.	1п. 4ф.	17п. 18ф.	17ф.	1085 кор.
Недополучено (кг)	4215	286	617	52	934	174	608	2167	18	285	7	1085 кор.

Продовольствие получалось из Упродбела по чековым требованиям. Приходовалось – по талону чекового требования. Зачастую продукты получались сомнительного качества, не оговоренные в нормах довольствия. Поэтому обычной практикой считалось после получения продуктов комиссионно их обследовать на предмет соответствия заявленному в талоне чекового требования или возможности употребления в пищу (как человеку, так и лошадьми). Так, комиссия хозчасти Главмилиции, согласно акту от 10 апреля 1921 г., взвешивала на продовольственном складе 4 бочки сельдей, полученных из Упродбела по талону чекового требования № 30/32, весом 45 п. 25 ф. брутто. При вскрытии оказалось, что 2 бочки с сельдями и 2 бочки с ряпушкой (пресноводная рыба, похожая на сельдь) вполне пригодны к употреблению. Согласно акту от 18 апреля 1921 г. эта же комиссия определяла качество муки поповки и муки ячневой, полученной из продмагазина Упродбела. Муку поповку признали годной к употреблению, но только как корм для лошадей, а муку ячневую – “вполне пригодной для употребления” личным составом [6, лл. 6, 14].

Таблица 2 – Получение продовольствия в столовые из продмагазинов Упродбела в период с 1.01 по 1.10.1922 г. [7, л. 163].

Наименование продовольствия	Причиталось	Отпущено	Недополучено	Недополучено, %
Хлеб	23207 п. 12 ф.	23164 п. 16 ф.	42 п. 36 ф.	
	380152 кг	379450 кг	702 кг	0,2
Крупа	3545 п. 33 ф.	3493 п. 16 ф.	52 п. 17 ф.	
	58084 кг	57226 кг	858 кг	1,5
Мясо-рыба	4478 п. 12 ф.	3555 п. 33 ф.	922 п. 19 ф.	
	73358 кг	58248 кг	15110 кг	20,6
Жир	915 п. 13 ф.	679 п. 1 ф.	236 п. 19 ф.	
	14994 кг	11123 кг	3871 кг	25,8
Сахар	846 п. 27 ф.	702 п. 23 ф.	144 п. 4 ф.	
	13871 кг	11510 кг	2361 кг	17
Соль	637 п. 19 ф.	565 п. 30 ф.	71 п. 29 ф.	
	10444 кг	9269 кг	1175 кг	12
Табак	402 п. 36 ф.	45 п. 21 ф.	357 п. 15 ф.	
	6602 кг	747 кг	5855 кг	88,7
Спички	45538 кор.	41840 кор.	3698 кор.	9
Мыло	208 п. 19 ф.	62 п. 14 ф.	146 п. 5 ф.	
	3416 кг	1022 кг	2394 кг	70
Кофе	78 п. 28 ф.	61 п. 26 ф.	17 п. 2 ф.	
	1290 кг	1010 кг	280 кг	21,7
Подболотная мука	549 п. 21 ф.	395 п. 5 ф.	154 п. 16 ф.	
	9003 кг	6472 кг	2531 кг	29
Овощи	7052 п. 29 ф.	3516 п. 36 ф.	3535 п. 33 ф.	
	117167 кг	57616 кг	59551 кг	51
Всего:	688381 кг	593693 кг	94688 кг	13,8

За 10 месяцев 1922 г. из 688 т продовольствия недовыдали почти 95 т, что составило 13,8% от плана. Объем не являлся критическим. Однако если посмотреть на структуру поставок продовольствия, то видно, что прак-

С середины 1921 г., несмотря на многочисленные сложности с обеспечением органов милиции всеми видами довольствия, все же становится возможным более-менее плановое снабжение. СНК РСФСР в июне 1921 г. постановил распространить права военной кооперации на «внеплановое обслуживание» не только Красной Армии, но и милиции, что было призвано хоть как-то улучшить ее материальное положение. Был определен порядок снабжения милиции всеми видами довольствия: денежным – по смете НКВД (по тарифным ставкам), вещевым – из снабженческих органов БССР через Главмилицию РСФСР, продовольственным – из органов Главснабпродарма (по нормам Красной Армии). На основании доклада Председателя ВЦИК М. Калинина “Об улучшении быта милиции” 30 сентября 1921 г. СТО принял решение о выделении всем сотрудникам твердого продовольственного пайка [1, с. 24].

Несмотря на предпринимавшиеся меры, продовольствие в милицейские столовые отпускалось из продмагазинов Упродбела нерегулярно и в неполном объеме (таблица 2).

тически в полном объеме получались хлеб и крупы, а вот значительно не хватало мяса, рыбы, жиров, соли, сахара и овощей. Из-за этого пища в столовых была скучная и зачастую однообразная.

С августа 1922 г. изменился источник получения продовольствия. Вместо уездных продкомов пайки стал выдавать Наркомат продовольствия. С 1 сентября 1922 г. Народный комиссариат продовольствия БССР (далее – Наркомбель) на основании распоряжения центра снял с государственного снабжения милицию по следующим товарам: сахар, соль, табак и мыло. Теперь на каждого довольствующегося выдавали в месяц: муки ржаной – 40 ф. (18,15 кг), жиров – 2 ф. (0,91 кг), мяса-рыбы – 10 ф. (4,54 кг), крупы – 7,5 ф. (3,41 кг), овощей (картофеля) – 30 ф. (13,61 кг).

С 1 ноября 1922 г., в связи с переходом на местное финансирование, была увеличена месячная дача муки на 20 ф. и составила в месяц 60 ф. (27,22 кг). Но зато была снята милиция со снабжения картофелем, причем некоторые части не успели получить причитавшийся картофель с 1 августа по 1 ноября 1922 г. по годовому наряду, выданному Наркомбелом за неимением картофеля в местных заготконторах [7, лл. 164, 332].

В 1923 г. ситуация с обеспечением продуктами кардинально не изменилась. Единственное – продукты получались своевременно и полностью согласно нормам. Однако стали практиковаться замены одних продуктов другими. Вместо мяса отпускалась солонина 10 ф. (4,54 кг). Как жиры выдавалось масло конопляное. Если коснуться качества продовольствия, то качество муки и крупы было удовлетворительное, солонина поставлялась преимущественно тощая, малопитательная. Масло конопляное было “горькое и мутное”. При употреблении солонины были случаи желудочных заболеваний. Даже при таких условиях вместо мяса и жиров, согласно нормам замены, выдавали крупу. Вместо 1 п. мяса выдавалось 1 п. 30 ф. крупы и вместо 1 п. постного масла – 2 п. 20 ф. крупы. Эквивалент замены мяса крупой не соответствовал условиям жизни и труда милиционеров и абсолютно негативно оценивался в частях [7, л. 333].

На продовольственно-фуражном довольствии состояли лошади. Норма фуража, согласно приказу РВСР от 9 сентября 1922 г. № 2115, была следующая: овса – 13 ф. (5,9 кг), сена – 15 ф. (6,81 кг), подстилочной соломы – 4 ф. (1,82 кг) на лошадь в сутки. Однако реально в Беларуси овес отпускался нерегулярно, причем зачастую по 4,5 ф. (2 кг) на лошадь. Централизованные поставки сена и соломы тоже были нерегулярные. Поэтому частям милиции приходилось изыскивать сено и солому на стороне, что не всегда получалось. Это отражалось

на качестве содержания лошадей. Например, за период с 1 января по 1 ноября 1922 г. из 149 лошадей, состоявших на довольствии в частях милиции, пало 7 голов [7, лл. 74–76].

Опробовались различные меры по стабилизации продовольственного обеспечения милиции. В качестве одной из мер, например, был взят в аренду совхоз “Тростенец”. Благодаря этому в 1923 г., к 6-летию милиции, сотрудникам Главмилиции и уголовного розыска было выдано 80 пудов капусты; Милицейской школе – 30 пудов капусты, 30 пудов картофеля и 1 пуд пшеничной муки; Мингормилиции – 4 пуда пшеничной муки [1, с. 41].

В последующем, вплоть до конца 1920-х гг., продовольственное обеспечение милиции оставалось проблематичным. Переход на местное финансирование и снабжение не позволил организовать его в полном объеме.

Заключение

В начале 1920-х гг. милиция Беларуси, как составная часть военной группировки государства, обеспечивалась различными материальными средствами в общей системе материального снабжения через снабженческие структуры Красной Армии. Несмотря на руководящие документы, предписывавшие обеспечивать подразделения милиции “наравне со всеми воинскими частями”, снабжение ее проходило по остаточному принципу. Это в полной мере относится и к продовольственному обеспечению. Продовольствие получалось в магазинах Упродбела. Личный состав милиции довольствовался в столовых, куда сдавались все провиантские и приварочные продукты. Хлеб и чайное довольствие выдавались на руки. Милиционерам, имевшим место службы не в городах, провиант и приварочный паек выдавали на руки. Анализ архивных документов и опубликованных источников свидетельствует о том, что продовольственное обеспечение милиции, при постоянном контроле центральных и местных органов власти республики, было проблематичным. Продовольствие поставлялось в урезанных объемах. Зачастую продукты получались сомнительного качества, не оговоренные в нормах довольствия. Переход на местное финансирование ситуацию с обеспечением продуктами кардинально не изменил. Продукты стали получать более-менее своевременно, полностью и согласно нормам. Однако стали широко практиковаться замены одних продуктов другими, причем не в лучшую сторону.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Юрьев, С. В.** Служба финансов и тыла МВД Беларуси: история и современность 1920–2010. 90-летию посвящается / С. В. Юрьев. – Минск : Рифтур, 2010. – 344 с.
2. Приказы Главного управления РК Милиции РСФСР, управления Военно-продовольственного снабжения частей Красной Армии БССР, штатные расписания Главмилиции БССР // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 35. Оп. 1. Д. 264.
3. Инструкция Главмилиции БССР от 9.12.1920 г. о правах и обязанностях начальников городских, районных и уездных милиций, переписка с Минской губернской милицией о выдаче продуктов сотрудникам милиции // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 35. Оп. 1. Д. 111.
4. Переписка с Военревкомом, Наркомпродом БССР, уездными милициями о мерах по улучшению обеспечения сотрудников органов милиции продовольствием и одеждой // НАРБ. – Фонд 35. Оп. 1. Д. 117.
5. Переписка с Реввоенсоветом БССР, Главмилицией РСФСР о необходимости регулярного снабжения продовольствием сотрудников Главмилиции // НАРБ. – Фонд 35. Оп. 1. Д. 280.
6. Акты обследования складов Главмилиции БССР // НАРБ. – Фонд 35. Оп. 1. Д. 279.
7. Отчеты отделов НКВД, Главного управления коммунального хозяйства, уисполнкомов БССР и циркуляры Минского уисполнкома // НАРБ. – Фонд 34. Оп. 1. Д. 340.

Поступила в редакцию 03.04.2020 г.

Контакты: k.vlad68@mail.ru
(Кривчиков Владислав Михайлович)

Kravchikov V. FOOD SUPPLY OF THE WORKER-PEASANT RED MILITIA OF BELARUS IN THE EARLY 1920s.

In the early 1920s the organization of the Belarusian militia (police) was carried out in the course of the formation of military units. A militia brigade of six three-company battalions was created because of a rather complicated criminal situation in the republic, a surge of banditry. It was supposed to use military methods in close cooperation with the Red Army, including its supply structures. The article highlights the provision of food to the militia of Belarus through local district and provincial supply agencies of the Red Army in 1920–1923. On the basis of the archival documents, the dynamics of food supply considering its quantity and quality is shown. The situation with the food supply of the militia after its transition to the local financing system is analysed.

Keywords: Worker-Peasant Red Militia, Belarus, food supply, Red Army, provisions, fodder allowance.

УДК 947

**АСАБЛІВАСЦІ САЦЫЯЛЬНАГА
СТАТУСУ СТАХАНАЎЦАЎ БССР
(1935–1941 гг.)**

A. A. Субоцін

кандыдат гісторычных навук, дацэнт
Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт

Дадзены артыкул прысвачаны проблеме сацыяльнага статусу стаханаўцаў БССР у гады другой і трэцій пяцігодак. Аўтар паказае, што стаханаўцы зтмалі самую высокую пазіцыю сярод грамадскіх актыўістаў і передавікоў. Стаханаўцы вызначаліся пропагандай у якасці “знатных людзей” з працоўнага асяроддзя і як новыя героі, здольныя карэнным чынам змяніць грамадства. Пры гэтым быў сфарміраваны герайзм распубліканскага ўзроўню, калі для мясцовых працоўных ствараліся вобразы вытворчых герояў на прыкладзе лепішых стаханаўцаў БССР.

Ключавыя слова: стаханаўскі рух, стаханаўцы, БССР, сацыяльны статус, герайзм.

Уводзіны

Адным з ключавых феноменаў савецкага грамадства, безумоўна, з'яўляецца стаханаўскі рух, што разгарнуўся ў СССР з 1935 г. і стаў вышэйшим праяўленнем працоўнага энтузіязму ва ўмовах фарсіраванай індустрыйлізацыі і калектывізацыі. Актуальнасць вывучэння стаханаўскага руху заключаецца ў tym, што ён заклаў традыцыі шанавання найлепшых прадстаўнікоў вытворчай і невытворчай сфер, а таксама сфарміраваў станоўчыя прыклады для пераймання ў павышэнні прадукцыйнасці працы. Акрамя відавочных эканамічных вынікаў ў выглядзе ўкарарэння новых метадаў працы, павышэння яе прадукцыйнасці і рацыянальнага выкарыстання тэхнікі стаханаўскі рух меў і шэраг сацыяльных аспектаў, сярод якіх вылучаецца такое пытанне, як фарміраванне ў асяроддзі працоўных асобнай сацыяльнай групы – стаханаўцаў. Характарыстыка дадзеных перадавікоў не толькі абумоўлена высокімі паказчыкамі працы: стаханаўцы мелі свае адметныя сацыяльныя рысы і выступалі ў якасці прывілеяванай катэгорыі грамадства, на прыкладзе якой савецкай пропагандай фарміраваўся ідэальны вобраз працоўнага чалавека.

Праблема сацыяльнага становішча стаханаўцаў СССР даследавалася пераважна ў замежнай гісторыяграфіі. Гісторык Заходній Еўропы і ЗША даводзілі ідэю, што ўдзель-

нікі стаханаўскага руху з'яўляліся новай працоўнай элітай, якая выступала ў якасці апоры савецкай улады і дазволіла канчаткова сфарміраваць сталінскую палітычную і эканамічную мадэль. Адзначаныя высновы мы можам назіраць, напрыклад, у працах такіх вядомых гісторыкі, як Л. Сігельбаум, Р. Маер, Ш. Фіппатрык, М. Баклі [1; 2; 3; 4]. Сярод расійскіх даследчыкаў праблематыка сацыяльнага статусу стаханаўцаў пачала разглядацца ў постсавецкай гісторыяграфіі. Так, у сваёй манаграфіі гісторыкі С. П. Постнікаў і М. А. Фельдман у адносінах да стаханаўцаў ужывалі тэрмін “рабочая арыстакратыя” і вызначалі яе як вузкую пропагандысцкую-сімвалічную групу рабочых, паходжанне якой было звязана больш з палітычнымі фактарамі, чым з эканамічнымі [5]. М. Г. Кедроў прааналізаваў механизмы ідэтычнасці стаханаўцаў сельскай гаспадаркі Паўночнай Расіі і вызначыў апошніх як асобную сацыяльную катэгорыю, якая ў структуры грамадства знаходзілася на адным узроўні з калгаснай адміністрацыяй [6]. У беларускай гісторыяграфіі праблема сацыяльнага статусу стаханаўцаў БССР не знайшла свайго падбязданага адлюстравання і ўскосна ўпаміналася ў асобных працах, прысвяченых сацыяльна-еканамічнаму развіццю БССР у гады другі і трэці пяцігодак.

Мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне асаблівасцей сацыяльнага становішча ўдзельнікаў стаханаўскага руху ў БССР у другой палове 1930-х – пачатку 1940-х гг.

Асноўная частка

Само азначэнне “стаханавец” з'явілася ў саюзных перыядычных выданнях у верасні 1935 г., амаль адразу пасля ўсталявання вядомага ржкорда А. Стаканава на шахце “Цэнтральная-Ірміна”. Стаханаўцамі сталі называць новых перадавікоў, якія па яго прыкладзе не толькі значна перавыканалі нормы, але і ўдасканалілі працэс арганізацыі вытворчасці і выкарыстання тэхнічных магчымасцей абсталівания, заклаўшы аснову для перабудовы працы прадпрыемстваў у цэльым.

У БССР упершыню прымяненне азначэння “стаханавец” у адносінах да перадавікоў мы знаходзім у рэспубліканскіх газетах “Звязда” і “Рабочий” у пачатку каstryчніка 1935 г. Так, сярод першых стаханаўцамі названыя рабочыя Мінскага станкабудаўнічага завода імя Варашылава С. Харнас і А. Хаткоўскі, якія за кошт удасканалення тэхнікі выпрацоўкі дэталяў машын выконвалі месячныя нормы

на 190% і 200% адпаведна, а таксама токары Аршанска га станкабудаўнічага завода “Красны борец” Шыбко і Жванскі, што давалі выпрацоўку прадукцыі да 150% [7, с. 1; 8, с. 3]. Сярод жанчын першай стаханаўкай была названа 18-гадовая работніца Мінскай швейнай фабрыкі імя Крупскай Н. Сурдава. Яна, дзякуючы павелічэнню хуткасці свайго рабочага апарата, дабілася выканання адной вытворчай аперациі за 100 секунд пры норме 164 секунды, што дазволіла ў цэлым выконваць дзённую норму на 140% [9, с. 3]. Далей, з разгортваннем стаханаўскага руху, прымяненне статусу “стаханавец” набывае шырокас распаўсюджванне ва ўсіх галінах прамысловасці і сельскай гаспадаркі, а яго носятікамі становішча тысячы рабочых і калгаснікаў рэспублікі, якія паказалі самыя высокія вынікі працы.

Рабочы ці калгаснік, атрымаўшы статус стаханаўца, пераходзіў на самую прыярытэтную пазіцыю ў шэррагу працоўных і грамадскіх актыўістаў. Напрыклад, па вызначэнні Цэнтральнага савета прафесійных саюзаў Беларусі, сярод перадавікоў вытворчасці вылучаліся тро катэгорыі рабочых: ніжэйшую ступень займалі працоўныя, якія ўдзельнічалі ў сацыялістычным спаборніцтве, на сярэднім узроўні знаходзіліся ўдарнікі, і ў вышэйшую группу перадавікоў уваходзілі стаханаўцы [10, арк. 105]. Такая класіфікацыя перадавікоў вытворчасці знайшла ў выніку сваё адлюстраванне ў статыстычных матэрыялах прадпрыемстваў. Так, на Віцебскім штакачінна-шпотачным камбінаце ў справаздачы па сацыялістычным спаборніцтве за 1938 г. была дакладна вызначана колькасць рабочых па катэгорыях стаханаўцаў, ўдарнікаў і тых працоўных, што прымалі ўдзел у спаборніцтве [11, арк. 7].

На тое, што стаханаўцы ў шэррагу перадавікоў былі на ступень вышэйшыя за ўдарнікаў, паказвае і працэс зацічэння працоўных у группу ўдзельнікаў стаханаўскага руху. Напрыклад, мясцовыя партыйныя органы восенню 1935 г. палічылі памылковымі дзеянні адміністрацыі Мінскай скургалантарыйнай фабрыкі імя Куйбышава, якая прысвойвала статус стаханаўцаў тым рабочым, што давалі звычайнае для ўдарнікаў перавыкананне нормаў [12, с. 2].

Суадносіны паміж становішчамі ўдарнікаў і стаханаўцаў прыводзілі ў некаторых выпадках да выкарыстання першых у якасці падсобных рабочых у дапамогу ўдзельнікам стаханаўскага руху. Да стаханаўца Ю. Цэйтліна з Бабруйскага фанернага завода імя

Кірава, для прыкладу, адміністрацыя прымацавала ў якасці падсобной работніцы найлепшую ўдарніцу прадпрыемства Полазаву [13, с. 18].

Сацыяльны статус стаханаўцаў меў ідэалагічную афарбоўку: савецкая дзяржава ставіла задачу падкрэсліць высокі прэстыж у грамадстве тых працоўных, што ўдзельнічалі ў стаханаўскім руху. Таму вельмі часта на афіцыйным узроўні і ў друку яны называліся “знатнымі людзьмі”. Напрыклад, спіс “знатных людзей” на ўзроўні рэспублікі быў складзены СНК БССР па выніках 1935 г., куды ўвайшлі піянеры стаханаўскага руху ў Беларусі: Г. і З. Скабло, С. Розенберг, М. Турэцкі, З. Мілюкоўскі, М. Гуртоўнік, А. Глушакоў, К. Ратнер, Д. Папкова і інш. [14, с. 23–24]. У газеце “Звязда” за красавік 1936 г. найлепшыя стаханаўцы лясной прамысловасці Беларусі Шэўко, Туфар, Міцкевіч былі названы “знатнымі людзьмі сплаву” [15, с. 4]. У адносінах да стаханаўцаў сельскай гаспадаркі ў грамадстве былі вызначаны такія статусы, як “знатная даярка”, “знатны свінтар”, “знатная цялятніца” і іншыя [16, с. 108–109].

Азначэнне “знатныя людзі” прымянялася ў адносінах да перадавікоў вытворчасці яшчэ да разгортвання стаханаўскага руху і разглядалася ў якасці пачэснага і ганаровага статусу, якога можна было дасягнуць дзякуючы вынікам самаадданай працы, прафесійнаму майстэрству і актыўнаму ўдзелу ў грамадскай вытворчасці, што ставілася ў прошвагу знаці дарэвалюцыйнага часу, якая займала прывілеванае становішча ў грамадстве, як правіла, за кошт высакароднага паходжання. Статус “знатных людзей” таксама вызначаў стаханаўцаў як працоўных, якія мелі высокі грамадскі прэстыж за прайяўлены энтузіазм у пэўных галінах вытворчасці. Аднак у адрозненіе ад папярэдніх па часе перадавікоў стаханаўцы вылучаліся ў грамадстве ў якасці працоўнай эліты, што знайшло сваё адлюстраванне ў імкненні дзяржавы сфарміраваць на іх прыкладзе людзей з узорнымі прафесійнымі і маральными якасцямі, забяспечыць іх звышвысокімі заробкамі, аказваць самыя якасныя матэрыяльныя паслугі і павысіць узровень іх культурнага развіцця.

Удзел у стаханаўскім руху адкрываў перад нікому не вядомымі раней рабочымі і калгаснікамі перспектыву стаць знакамітымі людзьмі не толькі ў рэспубліцы, але і ва ўсім СССР. Разгортванне руху было адзначана з боку дзяржавы працэсам “тэраізацыі” яго

ўдзельнікаў, калі атрыманыя працоўнымі на аснове высокіх вытворчых дасягненняў статусы “стаханаўцаў” ці “знатных людзей” становіліся ў прапагандзе тоеснымі статусу герояў. Гераізм стаханаўцаў прадстаўляўся як здзяйсненне працоўных подзвігаў, што былі накіраваны на рэвалюцыйнае пераўтварэнне эканомікі і перавод яе на інтэнсіўныя тэмпы развіцця. Пры гэтым вялікая роля адводзілася практычнай значнасці такіх подзвігаў, бо яны паказвалі, як стаханаўцы праз свою штодзённую самаадданую працу здзяйснялі важныя задачы індустрыйльнага будаўніцтва і калектывізацыі. У сувязі з гэтым першы сакратар ЦК КП(б)Б М. Ф. Гікала падчас прыёму ў яго 17 снежня 1935 г. стаханавак-ільнотрапальщыц звярнуўся да іх з наступнымі словамі: “В резултате вы нас учите, как нужно без особых разговоров, без шума сделать маленькое и одновременно великое дело. И мы прямо скажем людям: берите пример со стахановцев-льноводов, стахановцев промышленности, вот с этих передовых людей, как нужно без шума, не на словах, а на деле выполнять указания нашего великого вождя товарища Сталина” [17, арк. 28].

Як вынік стаханаўцы, акрамя таго што выступалі ў якасці найлепшых працоўных, уваходзілі ў асобную герайчную катэгорыю людзей, аб’яднаных паміж сабой здзяйсненнем подзвігаў, накіраваных на ўзмацненне палітычнага і эканамічнага становішча рэспублікі і ССРУ у цэлым. Гераічны вобраз стаханаўцаў разглядаўся ў грамадстве ў тым самым кантэксле, што і вобразы герояў Грамадзянскай вайны, герояў-лётчыкаў, “папанінцаў”, “чалюскінцаў” і іншых. Нездарма стаханаўцы надзяляліся, напрыклад, ганаровым правам ад імя ўсіх працоўных выступаць з урачыстым словамі наконт здзяйснення подзвігаў героямі авіяцыі ці напісаць ім ліст. Такі ліст, адрасаваны лётчыкам В. П. Чкалаву, Г. Ф. Байдукову і А. В. Белякову у сувязі з іх беспасадачным пералётам праз Атлантычны акіян у ліпені 1937 г., ад імя рабочых гарбарнага завода “Бальшавік” напісаў стаханавец Л. Левін. У лісце адзначалася: “Ваша адвага і герайзм натхнялі нас, рабочых, стаханаўцаў, на працоўныя подзвігі. Вы ў паветры, а мы ля станкоў змагаемся за адну і ту ю справу – за пабудову камуністычнага грамадства ў нашай прыгожай сацыялістычнай краіне” [18, с. 1]. Праз падобныя прапагандысцкія акцыі адбывалася пацвярджэнне працоўнага энтузіазму стаханаўцаў як найвышэйшага прыкладу гра-

мадской актыўнасці і паказвалася яго сувязь з іншымі праявамі герайчных паводзін людзей.

Гераічныя вобразы стаханаўцаў фарміраваліся гаспадарнікамі і мясцовымі кіраўнікамі ўжо на ўзроўні прадпрыемства, калгаса, горада ці асобна ўзятага раёна, чым паказваліся магчымасці таго, што ў любым працоўным калектыве героем можа стаць кожны рабочы ці калгаснік, калі ён пакажа высокія тэмпы выпрацоўкі і новыя падыходы да арганізацыі вытворчай дзейнасці. Тыя ўдзельнікі стаханаўскага руху, што паказвалі найбольш выдатныя вынікі ў працэсе вытворчасці, выпрацоўвалі рэкордныя паказыкі ці з’яўляліся яго ініцыятарамі, пераходзілі ў катэгорыю герояў рэспубліканскага ці саюзнага ўзроўню і становіліся галоўнымі прыкладамі для ўсіх працоўных. Сярод імёнаў стаханаўцаў у БССР можна назваць такія, як Ю. Цэйтлін, Р. Рушко, І. Гунько, С. Розенберг, браты Г. і З. Скабло, Л. Левін, А. Лучкоўскі, С. Харнас, Д. Папкова, С. Быкоўская, А. Семянідава, М. Дзяжурная, П. Пярцова, М. Рагоўская, М. Цыгельніцкая і інш. Некаторыя з іх за высокія працоўныя рэкорды атрымалі ўсесаюзную вядомасць. Так, напрыклад, вытворчыя дасягненні Р. Рушко былі вызначаны ў якасці ўзору працы ў лесапільнай вытворчасці на пасяджэнні Снежаньскага Пленума ЦК УКП(б) 1935 г. [19, арк. 10].

На сферміраванасць статусу рэспубліканскіх герояў паказвае той факт, што рабочых, якія, напрыклад, вызначыліся ў кандытарскай вытворчасці, часта называлі гунькоўцамі па імені перадавіка І. Гунько [20, с. 43], а выдатнікаў працы ў лесапіленні адпаведна – рушкоўцамі – ад імені стаханаўца Р. Рушко [21, с. 3]. Так у БССР складваўся своеасаблівы герайзм рэспубліканскага ўзроўню, дзе ў рамках агульнасаюзнага руху стаханаўцаў, які ўзяў свою назну ад яго пачынальніка А. Стаханава, узнікалі свае аналагічныя статусы перадавікоў.

Пад уздзеяннем працэсу развіцця стаханаўскага руху адбываліся значныя змены ў сацыяльным становішчы тых жанчын, якія прымалі ў ім актыўны ўдзел. Гэтыя жанчыны, стаўшы стаханаўкамі, уваходзілі ў прывілеваную катэгорыю працоўных, а іх гендарны статус у грамадстве быў адзначаны новымі сацыяльнымі раліямі герояў вытворчай сферы, якія былі замацаваны да гэтага пераважна за мужчынамі. Менавіта ў ходзе стаханаўскай кампаніі многія жанчыны атрымалі магчымасць стаць па выніках сваёй выдатнай працы знакамітымі герайнімі, імёны якіх, як мы

зайважылі вышэй, сталі вядомыя не толькі ў БССР, але і ў цэлым у Савецкім Саюзе.

Нягледзячы на тое што ў дзяржаўнай пра-
пагандзе статус стаханаўцаў разглядаўся як пач-
эсны і ганаровы і атаясамліваўся з высокім са-
цыяльным становішчам, у працэсе разгортван-
ня стаханаўскага руху назіраліся выпадкі, калі
рабочыя ці калгаснікі на аснове перавыкананых
норм і ўдасканаленай працы зацічваліся ў ста-
ханаўцы, але не атрымлівалі ні маральны, ні
матэрыяльны падтрымкі з боку гаспадарнікаў.
Частка кіраўнікоў прадпрыемстваў фармальна
адносілася да стаханаўцаў, напрыклад, акружала
іх пашанай толькі падчас пэўных святаў, гра-
мадскіх і палітычных мерапрыемстваў. Стаха-
наўцы ў гэтым выпадку выкарыстоўваліся ад-
міністрацыяй у якасці прывядзення станоўчых
прыкладаў працы сваіх вытворчых адзінак для
справаздачы ў дзяржаўныя органы. У астатні ж
час сацыяльнае становішча перадавікоў нічым
не адрознівалася ад астатніх працоўных. На-
прыклад, на Віцебскім цагельным заводзе № 1
імя найлепшага стаханаўца Кубышава кіраўні-
цтва прадпрыемства і прафкам выкарыстоўвалі
падчас урачыстасцей, узгадвалі ва ўсіх пры-
вітальных тэлеграмах, запрашалі ў прэзідёумы
розных сходаў і канферэнцый, але пры гэтым
не аказвалі яму такой пашаны ў звычайныя дні,
ніякім чынам не дапамагалі гэтаму рабочаму
у арганізацыі яго працы і быту [22, арк. 130].
На шэррагу іншых прадпрыемстваў Віцебска на
працягу лета 1936 г. таксама склалася падоб-
ная сітуацыя: гаспадарчыя кіраўнікі ў пагоні за
вялікай колькасцю ўдзельнікаў стаханаўскага
руху, акружоючы ў свой час усялякай грамад-
ской пашанай і матэрыяльнай падтрымкай яго
ініцыятараў, паступова забываліся на іх, і ста-
ханаўцы аказваліся па сваім становішчы на
адным узроўні са звычайнімі рабочымі [23,
арк. 183]. Толькі ва ўрачыстыя дні ўспаміна-
ла пра сваіх стаханаўцаў адміністрацыя Мін-
скага дрэваапрацоўчага завода імя Молатава,
у звычайныя ж дні за першую палову 1937 г.
перадавікам не садзейнічалі як у арганізацыі
працы, так і ў вырашэнні бытавых пытанняў
[24, с. 3]. У выніку статус стаханаўцаў у таких
сітуацыях адыгрываў пэўную адмоўную ролю
для яго носьбітаў і ператвараўся ў складнік па-
казных бакоў жыцця тагачаснага грамадства.
Увогуле, пры праяўленні выпадкаў фармалізму
і кампанейшчыны ў разгортванні стаханаўскага
руху, дзе ставілася задача колькаснага росту
яго ўдзельнікаў, а не рэальнага павышэння пра-
дукцыйнасці працы, статус стаханаўцаў, што
прыпісваўся частцы працоўных, не адпавядаў

сваёй сутнасці і тым больш не мог быць акру-
жаны грамадской пашанай або падтрымлівацца
матэрыяльна.

Асаблівасцю сацыяльнага статусу стаха-
наўцаў была яго прывязка да вытворчых да-
сягненняў: у тым выпадку, калі рабочы ці кал-
гаснік не перавыконваў нормы ці не прымяняў
у сваёй працы новыя вытворчыя метады, ён
страчваў гэтыя высокія статус, а разам з ім прэ-
стыж у працоўным калектыве і матэрыяльную
падтрымку. Так, напрыклад, статус стаханаўца
страціў адзін з найлепшых рабочых Віцеб-
скага лесазавода С. Капышка, які ў жніўні
1936 г. замест ранейшых рэкордных 538 m^3
лесаматэрыялаў стаў апрацоўваць толькі
 75 m^3 [25, с. 3]. Падобны ж выпадак адбыўся
у красавіку 1937 г. на Мінскай кандытарскай
фабрыцы “Камунарка”, дзе стаханаўцам пе-
растаяў лічыцца рабочы Гайд, што ўзначальваў
асобную брыгаду. Адзначаная брыгада раней
пастаянна выконвала нормы на 200%, але з-за
вытворчых збояў стала даваць не больш за
70% плана [24, с. 3].

Заключэнне

Такім чынам, разгортванне стаханаўска-
га руху было адзначана зменамі ў сацыяльных
працэсах, звязаных з узнікненнем у грамадстве
асобнай катэгорыі – стаханаўцаў. Яны займалі
самую высокую сацыяльную пазіцыю сярод гра-
мадскіх актыўістаў і перадавікоў вытворчасці.
Стаханаўцы вызначаліся савецкай прапагандай
у якасці “знатных людзей” з працоўнага ася-
роддзя, якія атрымалі высокі статус па выніках
актыўнай вытворчай дзейнасці. Развіццё стаха-
наўскага руху супрадавалася моцным уздымам
працэсу “гераізацыі” яго ўдзельнікаў, дзе самі
стаханаўцы характарызуваліся як людзі, здоль-
ныя сваёй працай зрабіць хуткія рэвалюцыйныя
змены ў эканоміцы і ў цэлым у грамадстве. Пры
гэтым асобна вылучаўся герайзм рэспублікан-
скага ўзроўню, калі ў БССР была сфарміравана
свая катэгорыя герояў, якія служылі прыкладам
для мясцовых працоўных. Разам з тым на фоне
значнага росту колькасці стаханаўцаў іх статус з
цягам часу пачынае насіць фармальныя характеристары,
а сапраўдную грамадскую пашану і матэрыяльную
падтрымку захоўваюць за сабой толькі са-
мія вядомыя перадавікі рэспублікі.

СПІС ВЫКАРЫСТАНЫХ КРЫНІЦ

1. Siegelbaum, L. H. Stakhanovism and the politics of productivity in the USSR, 1935–1941 / L. H. Siegelbaum. – Cambridge : Cambridge University Press, 1988. – 326 p.

2. *Maier, R.* Die Stachanov – Bewegung. 1935–1938. Der Stahanovismus als tragendes und verschärfendes Moment der Stalinisierung der sovjetischen Gesellschaft / R. Maier. – Stuttgart : Franz Steiner, 1990. – 441 s.
3. *Фицпатрик, Ш.* Срывают маски!: идентичность и самозванство в России XX века / Ш. Фицпатрик. – М. : РОССПЭН : Фонд “Президент”, центр Б. Н. Ельцина”, 2011. – 375 с.
4. *Buckley, M.* Mobilizing Soviet Peasants: heroines and heroes of Stalin’s fields / M. Buckley. – Lanham, Md : Rowmanand Littlefield, 2006. – 367 р.
5. *Постников, С. П.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1914 гг. / С. П. Постников, М. А. Фельдман. – М. : РОССПЭН, 2009. – 367 с.
6. *Кедров, Н. Г.* Лапти социализма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. – М. : Полит. энцикл., 2013. – 280 с.
7. Стахановский метод работы – всем предприятиям республики // Рабочий. – 1935. – 5 окт. – С. 1.
8. *P. Д.* Стаханаўцы завода імя Варашылава / Р. Д. // Звязда. – 1935. – 6 кастр. – С. 3.
9. *Клепко, М.* Стахановка швейного дела / М. Клепко // Рабочий. – 1935. – 5 окт. – С. 3.
10. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 265. Воп. 1. Спр. 4183.
11. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). – Фонд 96. Воп. 5. Спр. 8.
12. *Роберман, Р.* Балшавіцкая праверка пачалася толькі зараз / Р. Роберман // Звязда. – 1935. – 26 кастр. – С. 2.
13. У калоне перадавікоў: стаханаўцы Барысава фанернага завода імя Кірава : [зб. арт.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
14. Народна-гаспадарчы план 1936 стаханаўскага года // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 1–2. – С. 15–85.
15. Першамайская падарункі стаханаўцам лесасплаву і іх дзецям // Звязда. – 1936. – 24 крас. – С. 4.
16. *Кудзінаў, С.* Стаханаўскі рух у мяса-малочных саўгасах БССР / С. Кудзінаў // Сацыялістычнае будаўніцтва. – 1936. – № 1–2. – С. 107–110.
17. НАРБ. – Фонд 4п. Воп. 1. Спр. 9021.
18. *Левін, Л.* Вы ў паветры, а мы ля станкоў / Л. Левін // Звязда. – 1937. – 24 ліп. – С. 1.
19. Расійскі дзяржаўны архіў сацыяль-на-палітычнай гісторыі. – Ф. 17. Воп. 2. Спр. 551.
20. Стаханаўцы “Камунаркі” : [зб.]. – Мінск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1936. – 64 с.
21. *Чыкун, П.* Рыгор Рушко і яго таварыши / П. Чыкун // Звязда. – 1935. – 9 снеж. – С. 3.
22. НАРБ. – Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4238.
23. ДАВВ. – Ф. 102. Воп. 1. Спр. 364.
24. Зменшаны лік стаханаўцаў // Звязда. – 1937. – 15 крас. – С. 3.
25. Адміністрацыя перастала бачыць стаханаўцаў // Звязда. – 1936. – 24 жн. – С. 3.

Паступіў у рэдакцыю 16.06.2020 г.

Кантакты: subotsin@mail.ru
(Субоцін Аляксандар Аляксандравіч)

Subotsin A.A. SOCIAL STATUS OF THE STAKHANOVITES IN THE BSSR (1935–1941).

The article is devoted to the problem of social status of the Stakhanovites in the BSSR during the second and third five-year plans. The author shows that the Stakhanovites held the highest position among social activists and front-line workers. The Soviet propaganda defined the Stakhanovites as the “noblemen” of the working class and as new heroes able to change the society fundamentally. As a result, heroism at the republican level was formed, when for local workers the images of the heroes were created as the best Stakhanovites of the BSSR.

Keywords: the Stakhanov movement, the Stakhanovites, the BSSR, social status, heroism.

УДК 94(476)“1943/1944”

**О МЕРАХ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ
ВЛАСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ
БЕЗОПАСНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
ТЕРРИТОРИИ БССР,
ОСВОБОЖДЕННОЙ ОСЕНЬЮ 1943 г. –
ВЕСНОЙ 1944 г.**

T. В. Опиок

кандидат исторических наук, доцент
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье на основе документальных, в том числе архивных, материалов проанализированы основные направления и особенности мероприятий партийных и советских органов власти освобожденной осенью 1943 г. – весной 1944 г. территории Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей БССР по обеспечению безопасности населения в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: безопасность, линия фронта, прифронтовая полоса, эвакуация, режимная зона, разминирование, группы самозащиты, местные органы власти.

Введение

Освобождение территории БССР, начавшееся осенью 1943 г., завершилось только во время операции “Багратион” летом 1944 г. Осенью 1943 г. – весной 1944 г. была освобождена лишь часть территории Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей. Так, в Витебской области к 20-м числам апреля 1944 г. полностью были освобождены только три района: Суражский, Меховский, Городокский. В пяти районах были освобождены лишь некоторые сельские советы: в Дубровинском – 10 из 19; Лиозненском – 15 из 20; Россонском – 6 из 16; в Полоцком – 3 из 19; Сиротинском – 4 из 15. Населенные пункты трех освобожденных сельсоветов Витебского района находились на линии фронта [1, с. 70–71].

В Гомельской области к 15–20 апреля 1944 г. были освобождены 12 районов: Буда-Кошелевский, Ветковский, Гомельский, Добрушский, Журавичский, Кормянский, Лоевский, Речицкий, Светиловичский, Уваровичский и Чечерский.

В Полесской области восстановительные работы проводились в пяти освобожденных районах, входящих ныне в Гомельскую область: Брагинском, Василевичском, Комаринском, Наровлянском и Хойникском [2].

Возвращение к мирной жизни в условиях продолжавшейся Великой Отечественной

войны для жителей Могилевской области началось с конца сентября 1943 г. К 20-м числам декабря 1943 г. были освобождены полностью или частично только 14 районов области. В целом до успешного завершения операции “Багратион” восстановительные работы на всей территории области были невозможны, поскольку 13 районов области были полностью освобождены только летом 1944 г. [3, л. 1–35].

Основная часть

В условиях продолжавшейся войны и меняющейся линии фронта существовала постоянная угроза жизни и здоровью населения, имуществу граждан. На освобожденной территории оставалось большое количество минных полей, трофейного и отечественного вооружения, боеприпасов. В Гомельской области особенно большое количество минных полей было обнаружено на бывших рубежах обороны противника в Гомельском, Лоевском, Ветковском, Чечерском, Кормянском, Уваровичском районах [4]. Населенные пункты прифронтовой полосы подвергались постоянным артиллерийским обстрелам. Так, секретарь Горецкого райкома партии Юшкевич на совещании секретарей районных партийных организаций и председателей райисполкомов Могилевской области 20 декабря 1943 г. отмечал: “В настоящее время почти каждый день горят наши села на линии фронта” [3, л. 31].

В течение всего исследуемого периода население освобожденных сел и городов БССР страдало от налетов вражеской авиации. Постоянным авиаударам, например, подвергался фактически прифронтовой г. Гомель, что вынуждало население соблюдать действовавшие в городе правила светомаскировки, а власти применять меры административной ответственности к их нарушителям [4].

В сложившихся условиях непременным условием возвращения населения к мирной повседневной жизни, восстановления разрушенной за годы оккупации экономики и социальной сферы и предметом постоянного внимания во всех освобожденных районах БССР для местных органов власти была безопасность населения. В условиях меняющейся линии фронта обеспечение безопасности населения требовало целенаправленных и систематических усилий на всей освобождавшейся в исследуемый период территории. Одной из первоочередных мер по обеспечению безопасности гражданского населения стало отселение из прифронтовой полосы. При этом местные органы власти коор-

динировали свои действия с военным командованием, а также органами НКВД.

В процессе осуществления эвакуационных мероприятий решалось несколько взаимосвязанных задач. Прежде всего важно было обезопасить мирное население от угроз для здоровья и жизни, связанных с близостью линии фронта, а весной 1944 г. – и в связи с подготовкой к операции “Багратион”. Кроме того, в условиях распространяющейся на освобожденной территории эпидемии сыпного и брюшного тифа, малярии и других инфекционных заболеваний существовала необходимость максимально оградить военнослужащих Красной Армии от угрозы их распространения в войсках. Безусловно, отсутствие в прифронтовой полосе местных жителей затрудняло действия агентуры противника, а также способствовало большей результативности действий военных властей, органов НКВД и милиции в борьбе с преступностью, дезертирством, мародерством, бандитизмом.

Целенаправленные эвакуационные мероприятия осуществлялись в два этапа в феврале – июне 1944 г. с соблюдением мер безопасности и скрытности, поскольку отселение из прифронтовой зоны не должно было в канун операции “Багратион” насторожить противника. Кроме того, местным органам власти настоятельно рекомендовалось “разъяснить населению, что граждане, самовольно возвратившиеся в отселенную зону, будут задерживаться военными властями и предаваться суду военного трибунала” [5, с. 51].

Эвакуация населения требовала не только своевременных, четких и последовательных организационных усилий, но и серьезных затрат, связанных с перевозкой и обеспечением населения в новых местах проживания. Эвакуированных и отселенных, а также вышедших самостоятельно из прифронтовой полосы жителей частично освобожденных районов необходимо было размещать, трудоустраивать, обеспечивать предметами первой необходимости. Этими вопросами занимались в том числе оперативные группы партийно-советского актива, в состав которых входили и работники НКГБ и НКВД. Так, в “Докладной записке Дриссенского РК КП(б)Б в Витебский обком КП(б)Б о деятельности оперативной группы партийно-советского актива на освобожденной территории района” от 7 марта 1944 г. сообщалось, что “Из вышедших 286 чел. из фашистского тыла мирного населения 111 чел. трудоустроенных отправлено на разные работы (ж.д. и на разные работы в Беляево), 20 чел. призвано в ряды Красной Армии,

11 чел. сирот направлено в детский приемник, 72 нетрудоспособных и семейных направлено на временное местожительство в Меховский район, а остальная часть населения живет на территории Россонского района. Все население полностью обеспечено мылом, по 400 г., солью, по 400 г., спичками, а также частично обеспечены обувью и одеждой из полученных фондов Красного Креста, выдано денежное пособие в среднем от 30-50 руб. на семью” [1, с. 67].

Отметим также, что отселение гражданского населения из прифронтовой полосы невозможно было без координации усилий местных властей и командования, расположенных на соответствующем участке фронта воинских частей Красной армии. В связи с изменениями линии фронта и подготовкой операции “Багратион” оно продолжалось в течение всего исследуемого периода и было сопряжено со многими проблемами и трудностями. Так, уполномоченный Городокского райисполкома по Селещенскому сельсовету Витебской области П. В. Москалев в информации о ходе отселения гражданского населения из 25-километровой прифронтовой полосы 26 мая 1944 г. сообщал, что отселение не окончено “ввиду поздней подачи в/ч транспорта: в/ч 43-й армии приступили к вывозке с 15.5.1944 г., а в/ч 4-й армии приступили к вывозке с 16 мая 1944 г. Транспорта недостаточно в количественном отношении, и особенно мало конного транспорта, а автотранспорт по причине плохой дороги (дождь 18 и 19.5.1944 г.) используется с малой нагрузкой и грузоподъемностью, часто не доходит до указанного местназначения, вследствие чего люди с их вещами и продуктами находятся сутками под открытым небом” [1, с. 102].

При организации эвакуационных мероприятий учитывался масштаб разрушений и людских потерь в конкретных населенных пунктах. Часто из прифронтовой полосы эвакуировалось население целых сельских советов, как это было в январе 1944 г. в Мало-Ситнянском сельсовете Полоцкого района Витебской области. В этом же районе на территории Арлейского сельского совета население не отселялось только в четырех колхозах. Отметим, что в некоторых сельсоветах Полоцкого района, например, в Васильевском сельском совете, после освобождения отселения вовсе не проводилось, поскольку там “не сохранилось ни одного населенного пункта”, а оставшиеся 400 прежних жителей проживали в колхозах Арлейского сельского совета [1, с. 42].

В целях “создания необходимых условий для борьбы с вражеской агентурой (парашю-

тистами, диверсантами, шпионами) и враждебными элементами” в прифронтовой полосе создавались режимные зоны. Такая 50-километровая прифронтовая режимная зона, например, была установлена решением исполкома Витебского областного совета от 4 декабря 1943 г. В соответствии с ним передвижение граждан, жителей режимной зоны, из одного населенного пункта в другой без справок сельских или районных советов, подтверждающих причины передвижения, запрещалось. Также запрещалось передвижение граждан с 10 часов вечера до 6 часов утра “пешим порядком, гужевым и автомобильным транспортом как в населенных пунктах, так и вне их по дорогам, тропам, лесным массивам, просекам без специально выданных военными комендантами, а при отсутствии их – территориальными органами НКВД, пропусков”. Въезд в режимную зону разрешался только по пропускам, выдаваемым органами НКВД и командировочным удостоверениям партийно-хозяйственных органов и хозяйственных организаций [1, с. 26].

Способствовало созданию необходимых условий для обеспечения безопасности в освобожденных районах и восстановление паспортной системы. При этом отметим, что, поскольку паспортная система была восстановлена только в городах, районных центрах, рабочих поселках, МТС и совхозах, население, проживающее в сельской местности, до 15 февраля 1944 г. должно было пройти перерегистрацию, чтобы не затруднять и не усложнять охрану тыла, армии, фронта и не давать возможности “свободного проникновения враждебных элементов в тыл действующих частей Красной Армии” [1, с. 49–50].

Безусловно, к мерам по обеспечению безопасности населения следует отнести и проводившиеся на освобожденной территории работы по разминированию. Первичное разминирование освобождаемых населенных пунктов и путей движения частей и соединений Красной Армии по мере освобождения территории Беларуси осуществляли военные саперы. Так, в Гомеле и Гомельской области, Мозыре и Полесской области эту работу проводила 1-я гвардейская отдельная инженерная ордена Красного Знамени бригада специального назначения под командованием гвардии полковника М. Ф. Иоффе [2].

Органы власти освобожденных районов также принимали непосредственное участие в организации работ по разминированию. Так, решением Витебского облисполкома от 4 января 1944 г. председателям исполкомов райсове-

тов освобожденных районов предписывалось “организовать в каждом районе подготовку групп разминеров из числа колхозников и рабочих”. При исполкомах райсоветов предусматривалось создание групп разминеров в количестве 5–10 человек “с оплатой таковых из средств неотложных нужд, отпущенных району”. Председатели районных советов депутатов трудящихся должны были утвердить инструкторов групп и установить зарплату инструкторам в сумме 700 рублей и разминерам по 450 рублей в месяц. Кроме того, в соответствии с решением, облторготдел обязывался “зять на снабжение инструкторов по нормам райактива, разминеров – по группе рабочих” [1, с. 40].

Постановлением Государственного Комитета Обороны от 19 февраля 1944 г. (№ 5216) “О привлечении организаций Осоавиахима к работам по разминированию и сбору трофеиного и отечественного имущества в районах, освобожденных от немецкой оккупации” работа по окончательному разминированию и очистке от трофеиного и отечественного вооружения, боеприпасов и имущества районов, освобожденных от оккупации, и оказанию помощи трофеиным частям Красной Армии и местным советским органам была возложена на структуры Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству СССР. Постановление, среди прочего, предписывало создать команды добровольцев-разминеров из лиц не моложе 15 лет обоего пола.

На областных курсах Осоавиахима под руководством специалистов общества и офицеров инженерных частей Красной Армии стали спешно готовить инструкторов, в райцентрах – бойцов-разминеров. Обучение длилось не более двух недель. С риском для жизни было связано участие подростков в командах бойцов-разминеров. Вот как вспоминал службу в такой команде ветеран Великой Отечественной войны, житель городского поселка Дрибин Могилевской области А. К. Демьянов: “Разминирование мы вели по квадратам. Инструктор размечал палками участок. Становились по пять человек. Шли медленно, без разговоров. Железным шупом под небольшим углом осторожно прокалывали землю через каждые 15–20 сантиметров. Мины глубоко не прячут. Если шест натыкался на твердый предмет, это место тщательно осматривали. … Страшно на разминировании не было. Наоборот, даже интересно. Пацаны, одним словом. … Как-то для потехи взялись палить по минам из винтовок. В меткости со-

ревновались. Лейтенант узнал, ругался. Все время есть хотелось. Были на подножном корме – суп из щавеля, картошка. Ночевали в землянках. Одеты-обуты во что попало. Я ботинки носил от разных пар. Домой явился – мать руками разверла. А распустили нас, когда один паренек – он из деревни Шаблавы был – подорвался” [6, с. 176].

К середине апреля 1944 г. в 32 освобожденных районах Гомельской, Полесской, Могилёвской и Витебской областей удалось подготовить 106 инструкторов и 1516 бойцов-разминеров, из них наибольшее количество в Гомельской области – 54 инструктора и 699 бойцов. В Полесской области подготовку прошли 22 инструктора и 67 бойцов. Из подготовленных инструкторов и бойцов были созданы 32 районные команды, из них наибольшее количество – в Гомельской (15) и Полесской (7) областях. Кроме того, до начала весеннего сева 1944 г. краткосрочные курсы по разминированию прошли все трактористы освобожденных районов [2]. Отметим, что и после принятия постановления ГКО военные саперы по-прежнему привлекались к разминированию. При этом при проведении разминирования военное командование согласовывало свои действия с органами власти освобожденных районов. Так, в “Информации Управления начальника инженерных войск 1-го Прибалтийского фронта председателю Суражского райисполкома о ходе разминирования территории района” от 21 мая 1944 г. сообщается, что 202-й и 203-й отряды разминирования 1-го Прибалтийского фронта, “используя в работе разминеров, подготовленных вами из местного населения”, работают на разминировании северо-восточной и северо-западной части района и по плану должны завершить эту работу в июне месяце. А разминирование части района на левом берегу реки Западная Двина председатель Суражского райисполкома должен был согласовывать с командованием 3-го Белорусского фронта [1, с. 98].

Всего к июлю 1944 г. в освобожденных районах четырех областей БССР было разминировано и сдано органам местной власти 29533 кв. км площади, собрано, обезврежено и уничтожено 563496 взрывоопасных единиц. Однако разминирование освобожденной территории БССР на первом этапе (до операции “Багратион”) было далеко от завершения. Так, в Могилевской области и через год после завершения Великой Отечественной войны в мае 1946 г. из 37 минных полей площадью 24 ты-

сячи га было полностью разминировано только два поля с незначительной площадью, не были начаты работы по разминированию выявленных в 1945 г. новых минных полей в Быховском, Дрибинском и Славгородском районах [7, л. 75].

В освобожденных районах БССР создавались группы самозащиты, звенья охраны порядка, проводилась работа по подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне. В соответствии с постановлением ЧНК СССР от 04. 07. 1941 г. и ЧНК БССР от 13.01. 1944 г. “О всеобщей обязательной подготовке населения к противовоздушной обороне” на освобожденной территории вводилась всеобщая обязательная подготовка к противовоздушной и противохимической обороне всего взрослого населения в возрасте от 16 до 60 лет. Несовершеннолетние в возрасте от 8 до 16 лет обучались пользованию средствами индивидуальной защиты от воздушных нападений. На заседании Витебского облисполкома 7 февраля 1944 г. было принято решение: “Обучение производить: рабочих и служащих – по месту работы, учащихся – по месту обучения, остальных граждан – по месту жительства. <...> Установить, что граждане обоего пола – женщины в возрасте от 18 до 50 лет и мужчины в возрасте от 19 до 60 лет – привлекаются к участию в группах самозащиты МПВО на предприятиях, учреждениях, колхозах, жилых домах в обязательном порядке. <...> Освобождаются: временно утратившие работоспособность, инвалиды труда и войны, беременные женщины за 35 дней до родов и в течение 28 дней после родов, женщины, имеющие детей до 8 лет. <...> Там, где местные условия не позволяют комплектовать типовые группы самозащиты (особенно в сельской местности), организовать из населения подразделения с задачами звена охраны порядка и наблюдения, а также постоянно действующие посты ВНОС”. Окончание подготовки населения к ПВХО и завершение создания групп самозащиты по всем освобожденным районам следовало завершить до 1 мая 1944 г. [1, с. 47–49].

На протяжении всего исследуемого периода в условиях неоднократно меняющейся линии фронта органы местной власти, в первую очередь – НКВД, проводили работу по выявлению “вражеской агентуры – парашютистов, диверсантов, шпионов и враждебных элементов”. Ими также осуществлялось и организовывалось выявление и уничтожение отдельных групп противника на вновь освобожден-

ной территории. Работа эта продолжалась и во время проведения операции “Багратион”. Непосредственно этой работой занимались отделы по борьбе с бандитизмом и истребительные батальоны НКВД. Принимали участие в операциях по уничтожению скрывающихся в лесах групп немецких солдат и офицеров и партизаны. Активную помощь, особенно по выявлению действовавших в тылу Красной армии групп противника, оказывало местное население. В записке начальника УНКВД Витебской области подполковника госбезопасности П. Е. Крысанова в Витебский обком КП(б) “Об итогах ликвидации остатков разрозненных мелких групп и одиночек немецких солдат и офицеров за период с 27 июня по 25 июля 1944 г.” сообщается, что в основном выявление и уничтожение скрывающихся по лесам и занимающихся бандитизмом одиночек и групп противника завершено [1, с. 153].

Необходимо отметить, что советские и партийные органы проводили целенаправленную и систематическую работу по организации и обеспечению эффективной деятельности по соблюдению законности и правопорядка на территории освобожденных осенью 1943 г. – весной 1944 г. районов. Содержание, особенности и результативность этой работы в условиях продолжавшейся войны – тема отдельного исследования. Отметим лишь, что обеспечение законных прав и безопасности граждан, сохранности их имущества во многом зависело от эффективной работы органов милиции, суда и прокуратуры, которые были восстановлены во всех освобожденных районах в кратчайшие сроки.

Заключение

В целом, несмотря на колоссальные потери и связанные с ними трудности возвращения к мирной повседневной жизни на освобожденной осенью 1943 г. – весной 1944 г. части территории Витебской, Могилевской, Гомельской и Полесской областей, местными партийными и советскими органами власти в координации с военным командованием, органами милиции и НКВД были предприняты значительные усилия по обеспечению безопасности населения. Однако в условиях продолжавшейся Великой Отечественной войны можно говорить лишь о первом этапе этой работы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Витебщина освобожденная : октябрь 1943 – декабрь 1945 : док. и материалы / сост.: Н. В. Воронова [и др.]. – Витебск : Витеб. обл. тип., 2019. – 584 с.

2. После освобождения: из истории разминирования территории Гомельской и Полесской областей в 1943–1946 гг. [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: zen.yandex.ru...razminirovaniia...polesskoi...19431946....

3. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Фонд 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–35. Протокол № 1 совещания секретарей райкомов КП(б) и председателей райисполкомов освобожденных районов Могилевской области 20-го декабря 1943 года.

4. Беларусь – от освобождения к независимости (к 75-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. – [Электронный ресурс]. – 2020. – Режим доступа: zhitkovichi.gov.by/uploads/files/Oblastnoj

5. Сугако, Л. А. Положение в прифронтовой зоне освобождённых районов БССР накануне операции “Багратион”: некоторые военные, гуманистические и экономические аспекты / Л. А. Сугако // Освобождение Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков в свете современной исторической науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Тула, 27–28 мая 2014 г. / Тульский гос. пед. ун-т ; редкол.: К. А. Подрезов [и др.]. – Тула, 2014. – С. 46–54.

6. Опиок, Т. В. О повседневной жизни в освобожденных районах Могилевской области осенью 1943–1945 гг. / Т. В. Опиок // Белорусы и Беларусь в системе координат Россия, Запад, славянский мир: вопросы идентичности, историко-культурных связей и международных отношений: материалы Международной научно-практической конференции / науч. ред., сост. Э. Г. Вартаньян, О. В. Матвеев. – Краснодар : Традиция, 2017. – С. 175–185.

7. ГАОМО. – Фонд 9. Оп. 1. Д. 76. Л. 75–76. Протокол № 188 заседания бюро Могилевского обкома КП(б) Белоруссии “О ходе работ по разминированию рубежей на территории области”. г. Могилев. 24 мая 1946 года.

Поступила в редакцию 01.10.2020 г.

Контакты: Opiok @msu.by
(Опиок Тамара Владимировна)

Opiok T. MEASURES TAKEN BY LOCAL AUTHORITIES TO ENSURE THE SECURITY OF THE POPULATION IN THE LIBERATED TERRITORIES OF THE BSSR IN AUTUMN OF 1943 – SPRING OF 1944.

Considering documents and archival materials the author analyses the main areas and peculiarities of the activities of the Party and Soviet authorities in the territories of Vitebsk, Mogilev, Gomel and Polessie regions of the BSSR liberated in the autumn of 1943 and spring of 1944. The activities aimed at ensuring the security of the population during the ongoing Great Patriotic War are depicted.

Keywords: security, front territory, front-line territory, evacuation, security zone, demining, self-defence groups, local authorities.

**ЭВАЛЮЦЫЯ АРХІТЭКТУРНА-
ПЛАНІРОВАЧНАЙ СТРУКТУРЫ
МІНСКА (1945–1965 гг.)**

A. B. Курдо

магістр гітарычных навук, аспірант
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

У артыкуле разглядаюцца пытанні вырашэння жыллёвай праблемы і інфраструктурнага будаўніцтва Мінска ў 1945–1965 гг. Выведены паляпізні, унесены ў жыллёвы фонд горада. Паказаны пераўтварэнні ў сістэме магістральна-вулічнай сеткі горада як вынік удасканалення інфраструктурна-камунікацыйнай сістэмы сталіцы. Падрабязна разглядаюцца пытані развіція інжынернай гаспадаркі горада як важнай часткі інфраструктурнага добраўпарадкавання гарадской прасторы.

Ключавыя слова: Мінск, жыллёвае пытанне, магістральна-вулічная сетка, інфраструктура.

Уводзіны

Развіццё горадабудаўніцтва Мінска ў пасляваенні перыяд адбываўся ў складаных умовах моцнага разбурэння не толькі самага горада (фотадымак 1), але і яго сацыяльнай і эканамічнай сфер, недахопу жылля і інфраструктуры, няпростай дэмографічнай сітуацыі. Адной з найбольш прыярытэтных задач для БССР пасляваеннага перыяду стала аднаўленне Мінска. Новы этап горадабудаўнічага працэсу сталіцы пачаўся з 1945 г. Гэта было абумоўлена тым, што менавіта з гэтага часу адбываецца інтэнсіўны рост урбаністычных працэсаў у сферах жыллёвага будаўніцтва, развіція транспартнай сеткі і сацыяльна-культурнай прасторы сталіцы. У гэты перыяд пачынаецца перагляд горадабудаўнічых прынцыпаў да больш сучасных пасляваенных умоў. Менавіта гэты вопыт перыяду трансфармацыі гарадской прасторы можа быць выкарыстаны і ў нашы дні.

Фотадымак 1. Панарама вуліцы Савецкай, 1945 г.

Трэба ўлічваць і тое, што даволі значная частка сучасных жылых раёнаў, транспортных і жыллёвых камунікацый была закладзена і пабудавана менавіта ў 1945–1965 гг. Такім чынам, улічваючы прынцыпы, на якіх быў адноўлены і пабудаваны Мінск у пасляваенны час, мы атрымліваем магчымасць больш эфектыўна ўдасканальваць сучасны гарадскі выгляд сталі-

цы. Усё гэта дазваляе з упэўненасцю сцвярджаць, што даследаванне горадабудаўнічых працэсаў пасляваеннага часу мае не толькі тэарэтычную, але і практычную значнасць.

Храналагічныя рамкі даследавання былі абрания з улікам наступных прычин: з заканчэннем актыўных баявых дзеянняў у 1945 г. вызваліліся рэсурсы і сродкі для аднаўлення ў тым ліку і гарадской інфраструктуры, што, у сваю чаргу, стала штуршком да больш актыў-

ных будаўнічых работ у гарадской прасторы Мінска. Верхняя храналагічная мяжа даследавання абумоўлена завяршеннем рэалізацыі сямігадовага плана развіцця народнай гаспадаркі СССР (1959–1965).

Асноўная частка

Задачы, пастаўленыя перад горадабудаўнікамі рашэннямі ХХ і ХХІ з’ездаў КПСС, пастановай ЦК КПСС і Саветам Міністраў СССР па пытаннях паскоранага развіцця жыллёвага і культурна-бытавога будаўніцтва, выклікалі неабходнасць удакладнення далейшых перспектыв развіцця гарадоў рэспублікі. Аналіз развіцця асноўных горадаўтваральных фактараў у народнай гаспадарцы паказаў, што павінны быць перагледжаны як дэмографічная гіпотэза першага пасляваенага праекта планіроўкі, так і прынцыпы тэрытарыяльнага развіцця гарадоў.

У інтарэсах хутчэйшага вырашэння жыллёвай проблемы ставілася задача максімальна захаваць існуючыя жылы фонды, а новае жыллёвое будаўніцтва ў бліжэйшыя 7–10 гадоў размяшчаць у асноўным на свабодных тэрыторыях. У сувязі з гэтым у новых праектах планіроўкі больш ўвагі надавалася выяўленню ўсіх тэрытарыяльных пытанняў і больш рацыональнаму іх выкарыстанню. Характэрная асаблівасць гэтых праектаў заключалася ў самім падыходзе да вырашэння асноўной горадабудаўнічай задачы: у адрозненне ад папярэдніх праектных распрацовак горад і яго наваколле разглядаліся як адзінай планіровачнай прасторы.

У новым варыянце генеральнага плана Мінска, распрацаваным у 1958 г., разліковая колькасць насельніцтва была павялічана да 750-800 тыс. чалавек, і былі ўнесены новыя прапановы ў сістэму яго расселення.

Праектная тэрыторыя Мінска павялічылася да 13,5 тыс. га [1]. Тут забаранялася будаўніцтва жылых дамоў сядзібнага тыпу; для індывидуальнай забудовы выдзялялася тэрыторыя толькі ў прыгараднай зоне. Меркавалася значна развіць найбольш зручна размешчаныя ў адносінах да горада прыгарадныя населенныя пункты. Такім чынам, у развіцці Мінска складваліся рысы, якія характарызуюць пераход ад кампактнай да пасобнай структуры горада [2, с. 16–19].

У прыгарадных жылых комплексах плавалася расселяць прыкладна 50-60 тыс. гарадскога насельніцтва, забяспечыўшы асноўную яго частку працай па месцы жыжарства. Прыгарадныя раёны на 10-15 тыс. жыхароў праектаваліся ў 10–12 км ад мяжы

асноўнага ядра горада, паблізу прыгарадных чыгуначных станцыяў (Калодзішчы, Калядзічы і інш.). Яны звязваліся з Мінскам чыгуначным і аўтобусным транспартам.

У прыгараднай зоне, паблізу запраектаваных жылых комплексаў, прадугледжваліся тэрытарыяльныя рэзервы для прамысловых і буйных складскіх аб'ектаў. У асноўным масіве горада дапускалася будаўніцтва прамысловых прадпрыемстваў, якія ўваходзілі ў группу абслугоўвання (хлебазаводы, малаказаводы і да т. п.). З асноўнага кампактнага ядра горада меркавалася вывесці ў прыгарадную зону і некаторыя камунальныя прылады (у прыватнасці, ачышчальныя збудаванні каналізацыі, якія апынуліся ў межах забудовы). Гэта стварала перадумовы для асвяення пад забудову вялікіх тэрыторый і расселення паблізу буйных прамысловых раёнаў 50-60 тыс. жыхароў, што значна палягчала вырашэнне праблемы ўнутрыгарадскіх пасажырскіх перевозак.

Пасля вывучэння выкарыстання гарадскіх тэрыторый рознымі ведамствамі і арганізацыямі выяўлены ўчасткі і зручныя для жыллёвага і культурна-бытавога будаўніцтва.

Жылая зона горада вырашалася жылымі мікрараёнамі. Мікрараёны плошчай 20-40 га, замест ранейшых ўзбуйненых кварталаў плошчай 9-12 га, дазволілі больш рацыональнай арганізоўваць культурна-бытавое абслугоўванне насельніцтва. Аднак гэты прагрэсіўныя планіровачныя прынцыпы быў недастатковыя выразна выяўлены ў праекце (у прыватнасці, пры выдзяленні жылых раёнаў, арганізацыі транспартнага руху і размяшчэнні грамадскіх цэнтраў і садоў). У наступным дэталёвым праектаванні гэтыя праблемы атрымалі больш поўнае выражэнне [3].

За два дзесяцігоддзі актыўнай горадабудаўнічай дзейнасці на аснове комплексных праектна-планіровачных матэрыялаў, па сутнасці, быў створаны новы, сучасны вялікі горад. З вызначаным функцыянальным занаваннем горадскай тэрыторыі, з выразным па сваіх архітэктурных якасцях і просторавым развіцці галоўным грамадскім сталічным цэнтрам, з грамадскімі цэнтрамі ў новых гарадскіх раёнах, з развітымі сістэмамі цэнтралізаванага водазабеспячэння, каналізацыі, энергазабеспячэння, гарадскога транспарту, магутнасць якіх у параўнанні з даваеннымі перыядам дазволіла значна павысіць узровень абслугоўвання.

Да пачатку 1966 г. колькасць насельніцтва ў горадзе павялічылася ў 3 разы ў параўнанні

з узроўнем 1939 г. і ў 5 разоў у параўнанні з узроўнем 1945 г. Мінск ператварыўся ў цэнтр машына- і прыборабудавання агульнасаознага значэння, прадукцыю якога можна было сустрэць у самых аддаленых раёнах СССР і ў многіх замежных краінах.

Узрасло значэнне Мінска як навуковага і культурнага цэнтра краіны. Да таго моманту ўжо была адноўлена і значна паширана сетка вышэйшых і сярэдні-спецыяльных навучальных установ, навукова-даследчых інстытутаў Акадэміі навук БССР, міністэрства і ведамстваў рэспубліканскага і агульнасаознага значэння. У 1965 г. у 13 вышэйших навучальных установах і 24 тэхнікумах і спецыяльных сярэдніх прафесійных навучальных установах горада навучалася каля 90 тыс. юнакоў і дзяўчат.

Апярэджаючы рост колькасці насельніцтва, бурна развіваўся і паляпшаўся жылы фонд горада [4]. Да пачатку 1966 г. жылая плошча ў горадзе павялічылася больш чым у 4 разы ў параўнанні з 1940 г., узрасла удзельная вага новых шматпавярховых, цалкам добраўпарадкаваных дамоў.

Вялікую ролю ў горадабудаўнічым развіцці населеных пунктаў у гэтыя гады выканалі планы размяшчэння бягучага жыллёвага і культурна-бытавога будаўніцтва, распрацаўненныя на бліжэйшыя гады. Добрым прыкладам службы план размяшчэння новага будаўніцтва ў Мінску на 1959–1965 гг. Так, на гэту сямігодку каля 50% усяго аб’ёму новага жыллёвага будаўніцтва ў горадзе, гэта значыць 1 млн м² жылой плошчы, засяроджалася на свабодных тэрыторыях буйнымі масівамі па вуліцах Арлоўскай, Валгаградскай, Розы Люксембург, у раёне Магілёўскай шашы (ципер праспект Партызанскі) і інш. [5, с. 70–74]. Свабодныя тэрыторыі ў межах горада абіраліся з улікам выкарыстання наяўных і будучых інжынерных сетак, транспартных камунікацый і максімальна дапушчальнага набліжэння забудовы да месцаў прыкладання працы. На ўсіх этапах пасляваеннага развіцця горада пры размяшчэнні жыллёвага будаўніцтва ў аснову быў пакладзены прынцып канцэнтрацыі будаўніцтва ў тых раёнах Мінска, якія мелі найбольш важнае значэнне на дадзеным этапе [6, с. 150].

Значнае месца ў пасляваенныя гады занялі работы па новай забудове старых раёнаў горада з малапавярховымі, трухлявымі дамамі, якія суседнічалі з цэнтральнымі часткамі населеных пунктаў. Рэканструкцыя гэтых раёнаў

была абумоўлена многімі горадабудаўнічымі задачамі – неабходнасцю карэнным чынам палепшыць бытавыя і санітарныя ўмовы людзей, якія пражываюць у старых дамах, удасканаліць планіровочную структуру сталіцы, стварыць магістральную сетку, якая магла б адпавядаць сучасным патрабаванням, а таксама змяніць архітэктурнае ablічча гэтых раёнаў. Такім чынам, значныя рэканструкцыйныя мерапрыемствы былі праведзены ў раёне плошчы Якуба Коласа, вуліцы Якуба Коласа, Рэспубліканскай вуліцы, Юбілейнай плошчы, Паркавай магістралі і інш. [7]. Рэканструкцыя праводзілася і ў іншых раёнах горада, дзе малапавярховая і перш за ўсё сядзібная забудова вельмі блізка знаходзілася каля важных у горадабудаўнічых адносінах вузлоў (каля аэрапорта па вул. Чкалava, каля асноўных ўздаў у горад і інш.). Аб’ём зносу ў такіх раёнах ў адносінах да новага будаўніцтва не перавышаў 6,5% (у паказчыках жылой плошчы).

Была ўпарадкавана шчыльнасць жылой забудовы. У кварталах з новымі шматпавярховыми жылымі дамамі шчыльнасць забудовы склада 23–24%, а шчыльнасць жылога фонду на 1 га квартала вызначылася ў 4300–5000 м² [8]. У раёнах з нізкай шчыльнасцю жылога фонду яна была некалькі павышана ў выніку будаўніцтва шматпавярховых жылых дамоў, а ў кварталах з высокай шчыльнасцю забудовы зніжана шляхам частковага зносу малакаштоўных, тэхнічна зношаных будынкаў. Пры гэтым вызваленая тэрыторыі не забудоўваліся.

Значныя работы былі праведзены па рэканструкцыі і добраўпарадкаванні магістралі сеткі цэнтра, усіх радыяльных магістралей грамадскага значэння, а таксама па будаўніцтве і развіцці сеткі вуліц у новых жылых і прымысловых раёнах. Былі пашираны і добраўпарадкаваны Ленінскі праспект (у наш час праспект Незалежнасці), Магілёўская шаша (ципер праспект Партызанскі), вуліцы Маякоўскага і Якуба Коласа. Была пабудавана новая магістраль ад Даўгабродской вуліцы да Магілёўскай шашы, якая звязала асноўны масіў гарадской забудовы з буйным паўднёва-уходнім раёнам.

Для разгрузкі Ленінскага праспекта (у наш час праспект Незалежнасці) ад транспартнага і грузавога руху была створана абходная магістраль па вуліцах Змітрака Бядулі, Першамайскай, Ульянаўскай; скончана будаўніцтва адрезка асноўной унутрыгарадской кальцавой магістралі на участку вуліц

Даўгабродскай, Варвашэні, Старавіленскага тракту з выходам да Камсамольскага возера. Работы па рэканструкцыі асноўных гарадскіх

і раённых магістраляў, вуліц жылых раёнаў істотна палепшылі ўмовы ўнутрыгарадскіх камунікацый (фотадзымак 2).

Фотадзымак 2. Від на Цэнтральную (цяпер – Каstryчніцкую) плошчу Мінска, сярэдзіна 1960-х гг.

Да 1964 г. было скончана будаўніцтва кальцавой аўтамабільнай дарогі вакол горада. Усе яе перасячэнні з радыяльнімі магістральнымі выхадамі з горада вырашаны на розных узроўнях з транспартнымі развязкамі тыпу “канюшынавы ліст”. У 1965 г. агульная даўжыня вулічнай сеткі склада калі 110 км. У параўнанні з даваеннымі станам агульная працягласць вуліцы павялічылася больш чым у 3 разы. Усе асноўныя агульнагарадскія і раённыя магістралі, значная частка жылых вуліц атрымалі ўдасканалену пакрыцці праездаў і ходнікаў [9, с. 41–77].

Рэканструкцыя і развіццё магістральнай сеткі горада супрадаваліся будаўніцтвам пущеправодаў на скрыжаваннях гарадскіх магістраляў з чыгуначнымі лініямі. Стварэнне на Ленінскім праспекце (цяпер праспект Незалежнасці) пущеправода дазволіла завяршыць развязку руху на розных узроўнях у вельмі складаным транспартным вузле. Развязка руху тут вырашана на трох узроўнях. Прылада пущеправодаў па вул. Апанскага, Парковай магістралі (цяпер праспект Пераможцаў), вул. Свярдлова на выхадзе да вул. Маякоўскага, па Даўгабродскай вуліцы ў раёне трактарнага завода, па Чыгуначнай вуліцы дало магчымасць павялічыць прапускную здольнасць магістраляў. У даваеннымі Мінску быў усяго адзін капитальны мост праз раку Свіслоч, які

злучаў цэнтр з Зарэчным раёнам. Астатнія масты былі драўляныя. Акупацийныя войскі большасць мастероў знішчылі. Пасля вайны на найбольш важных гарадскіх магістралях пабудаваны новыя жалезабетонныя масты.

Нягледзячы на праведзеныя мерапрыемствы застаецца яшчэ шмат транспартных проблем, вырашэнне якіх звязана з далейшим удасканаленнем планіровачнай структуры горада і яго прыгараднай зоны, з развіццём сістэмы магістраляў і будаўніцтвам на іх інженерных збудаванняў (тунэляў, пущеправодаў і т. д.).

Адбыліся значныя мерапрыемствы па рэканструкцыі і развіцці гарадскога транспорту. Трамвайнія лініі зняты з Ленінскага праспекта, вуліц Энгельса, Валадарскага і іншых; на многіх вуліцах (па Даўгабродской, Змітрака Бядулі, Ульянаўскай, Мяснікова, Апанскага, Ціміразева і інш.) пракладзены новыя трамвайнія лініі. Адноўлены і значна развіты пабудаваны ў 1940 г. трамвайны парк. Да 1966 г. агульная працягласць трамвайніх шляхоў склада 63 км, а працягласць 40 аўтобусных ўнутрыгарадскіх маршрутаў – звыш 293 км.

З канца 1952 г. у горадзе пачалі функцыянаваць тралейбусныя лініі, якія злучаюць цэнтр горада з чыгуначнымі вакзалам, аэропортам, трактарным, аўтамабільным і іншымі заводамі, з новымі жылымі раёнамі ў паўночнай, усходняй і паўднёвых частках горада. Агуль-

ная працягласць трамейбусных ліній складала каля 85 км. У 1964 г. трамейбусны і аўтобусны пасажырскі унутрыгарадскі транспарт забяспечвалі адпаведна 31 і 35% агульнага аўтобуснага ўнутрыгарадскіх перавозак.

Для абслугоўвання знешніх транспартных сувязяў горада збудаваны сучасны аэрапорт з новым будынкам аэравакзала. Побач з чыгуначным вакзалам у 1962 г. пабудаваны новы будынак аўтавакзала.

Поспехі ў стварэнні больш спрыяльных умоў побыту мінчукоў і ў агульнім аздараўленні горада шмат чым звязаны з развіццем інжынернай гаспадаркі горада – цэнтралізаваных сістэм водазабеспеччэння, каналізацыі і энергазабеспеччэння.

Сістэма цэнтралізаванага гарадскога вадаправода, упершыню створаная ў Мінску ў сярэдзіне 20-х гг., сілкавалася з падземных крыніц, размешчаных у міжмарэнным і іншых больш глыбокіх ваданосных гарызонтах. У гады вайны водазaborным збудаванням і асноўным вадаправодам быў нанесены вялікі ўрон. На канец 1965 г. гарадскі вадаправод забяспечваў падачу спажыўцам вады, больш чым у 7 разоў перавышаючы аўтобусны водаспажывання ў 1940 г. [10].

У пасляваенныя гады былі рэканструяваны ўсе старыя і арганізаваны трэй новыя буйныя водазaborныя свідравіны (глыбінёй 120–300 м), размешчаны ў прыгараднай зоне. Агульная працягласць вадаразмеркавальнай сеткі павялічылася больш чым у 4 разы [11]. Праведзеныя гідралагічныя даследаванні выявілі новыямагчымасці для пашырэння крыніц сістэмы гарадскога водазабеспеччэння як з падземных ваданосных гарызонтаў, так і з адкрытых вадаёмаў. У выніку быў выяўлены крыніцы з вадой высокай якасці.

Маштабная работа была праведзена ў пасляваенныя гады і ў сістэме гарадской гаспадарча-фекальнай каналізацыі, упершыню ўведзенай у эксплуатацыю ў Мінску ў 1930 г. [12, с. 27]. Гэтая сістэма патрабавала не толькі аднаўлення, але рэканструкцыі і значнага развіцця ў адпаведнасці з новым праектам забудовы горада. За перыяд 1944–1964 гг. працягласць каналізацыйной сеткі павялічылася амаль у 7 разоў; яна ахапіла значную частку забудаванай гарадской тэрыторыі. Колькасць сцёкавых вод, якія адводзіліся на ачышчальныя збудаванні, павялічылася больш чым у 60 разоў. У сувязі з тым што арганізаваны ў 1927–1930 гг. ачышчальныя збудаванні (палі фільтрацыі) у пасляваенныя гады працавалі з

вялікай перагрузкай, паўсталі неабходнасць у арганізацыі новых, больш сучасных і буйных збудаванняў. У 1964 г. аб'екты першай чаргі будаўніцтва ачышчальных збудаванняў, размешчаных у прыгараднай зоне, уступілі ў эксплуатацыю, а старыя перасталі функцыянаваць.

Пабудаваны ў апошнія гады першага пасляваеннага дваццацігоддзя каналізацыйныя калектары дазвалялі асвоіць пад забудову новыя буйныя тэрыторыі ў адпаведнасці з генеральным планам развіцця Мінска. Па сутнасці, была пабудавана сетка калектараў лёуневай каналізацыі, выпускі з якой былі арганізаваны на р. Свіслач і яе прытоках. Найбольшае развіццё ў пасляваенныя гады атрымалі збудаванні і камунікацыі, якія забяспечвалі Мінск энергій.

Сістэма цеплафікацыі горада створана пасля вайны. Да канца 1965 г. яна ахапіла амаль усе новыя жылыя і прымысловыя раёны і вялікую частку старых раёнаў Мінска з капітальнай забудовай. Пабудавана буйная ЦЭЦ і значна пашырана даваенная ЦЭЦ. У жылых раёнах з капітальнай забудовай, размешчаных па-за зонай дзеяння ЦЭЦ, створана сетка раённых кацельняў. Да 1966 г. ад ЦЭЦ, раённых і групавых кацельняў цэнтралізаваным цеплазабеспеччэннем ахоплена каля 60% кватэр горада. Значна развіта сетка гарачага водазабеспеччэння [13].

З 1957 г. у Мінску пачала стварацца сістэма газазабеспеччэння, спачатку на аснове звадкаванага газу, а некалькі пазней з выкарыстаннем прыроднага газу, які падаецца па газаправодзе высокага ціску з Дашаўскага газавага родовішча ў перадгор’е Карпат. У 1965 г. звадкаваным і прыродным газам у Мінску было забяспечана 115 тыс. кватэр (у тым ліку прыродным газам каля 90 тыс. кватэр) і мноством прымысловых прадпрыемстваў. На газавае паліўе былі пераведзены ўсе раённыя кацельні, адна ЦЭЦ і часткова іншая ЦЭЦ [14]. Шырокое выкарыстанне прыроднага газу дазволіла істотна змяніць паліўны баланс горада, знізіць забруджванне яго паветранага басейна і вызваліць транспарт ад залишніх перавозак дроў, торфу, каменага вугалю і мазуту.

Мінск забяспечваўся электраэнергіяй ад Мінскай энергасістэмы, якая з'яўляецца часткай Беларускай энергасістэмы, якая сформіравалася ў пасляваенныя гады. Спажыванне электрычнай энергіі ў горадзе вельмі хутка павялічвалася. У 1965 г. яно больш чым у 20 разоў перавысіла ўзровень яе спажывання ў

1940 г. [15]. Імклівы рост электрычных нагрузак Мінска – гэта следства тэхнічнага прагрэсу ў прамысловай вытворчасці, шырокага ўкаранення электрычнай энергіі ў штодзённае жыщё гарадскага насельніцтва. У горадзе пабудаваны шэраг падстанцый “глыбокага ўводу” электраліній 110 кв., 220 кв. у цэнтры нагрузкак, звязаных паміж сабой і з галоўнымі сілкавальнімі цэнтрамі. Усё шырэй выкарыстоўваліся ў гарадской электрасеты падземныя кабелі, што ў выніку дазволіла адмовіцца ад паветраных высакавольтных ліній, якія заміналі забудове.

Істотныя пераўтварэнні адбыліся ў гарадской тэлефоннай сетцы і у сістэме асвятлення вуліц Мінска. Асветленасць вуліц павялічылася за пасляваенныя гады ў некалькі разоў. На многіх магістральных вуліцах на самастойных жалезабетонных апорах ўстаноўлены свяцільні з эканамічнымі люмінесцэнтнымі, ртутнымі і іншымі ліямпамі. Арганізавана цэнтральнае дыспетчарскае кіраванне ўсёй сеткай вонкавага асвятлення з прыладамі, якія дазваляюць з цэнтральнага пункта выяўляць, у якой частцы горада адбылося парушэнне асвятлення.

Заключэнне

У выніку першае пасляваеннае дваццатігоддзе можна ахарактарызаваць як перыяд сур’ёзных зменаў у будаўнічым і інфраструктурным абліччы горада. Характэрная асаблівасць вырашэння новых жылых утварэнняў складалася ў пераходзе ад сістэмы перыметральнай забудовы, якая пераважала ў першым дзесяцігоддзі аднаўленча-будаўнічых работ, да сістэмы прасторавай кампазіцыі буйных комплексаў, якая стала асновай архітэктурна-планіровачнай арганізацыі забудовы другога дзесяцігоддзя. Пры забудове жылых масіваў пачалі ўкараніцца новыя прагрэсіўныя формы арганізацыі культурна-бытавога абслугоўвання. Нароўні з фарміраваннем комплексаў устаноў мікрараёнаў пачалі стварацца грамадска-гандлёвые цэнтры жылых раёнаў. Сетка культурна-бытавых устаноў, па сутнасці, наўно-створаная пасля вайны, атрымала значнае развіццё. Такім чынам, у Мінску да пачатку 1966 г. функцыянувалі: 314 дзіцячых садоў і ясляў, 115 агульнаадукатыўных школ, 45 клубаў і Домоў культуры з заламі на 14,5 тыс. гледачоў, 18 кінатэатраў, 5 тэатраў, цырк, канцэртная зала філармоніі, 8 музеяў, 173 масавыя бібліятэкі, у фондах якіх было собрана больш за 2,5 млн тамоў (не лічачы навуковых і

шых спецыялізаваных бібліятэк), 1169 крам і іншых прадпрыемстваў рознічнага гандлю, 646 прадпрыемстваў грамадскага харчавання, 6 буйных клінічных бальніц (не лічачы бальніцы спецыяльнага прызначэння) [16, с. 175]. Пры гэтым было дасягнута больш раўнамернае іх размяшчэнне ў жылой зоне горада.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

- Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 31. Воп. 6. Спр. 759. Л. 57–60.
- Парсаданов, Г. А.* О новом Генеральном плане города Минска / Г. А. Парсаданов // БГПИ СООТИ. – 1958. – № 1.
- Цэнтральны дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі (ЦДАНТД). – Фонд 3. Воп. 4. Спр. 548. Л. 126.
- Жилищное строительство – дело первостепенной важности // СБ. – 6.6.1951. – № 113. – С. 1.
- Самодеев, И. И.* Жилищное строительство, благоустройство городов и сел в Белоруссии / И. И. Самодеев // Белорусский политехнический институт. Кафедра политической экономии : сборник научных работ. – Минск, 1957. – Вып. 58.
- Король, В. А.* Размещение жилищного строительства в Белоруссии / В. А. Король // Размещение жилищного строительства в городах: [Сборник статей / Акад. строительства и архитектуры СССР. Науч.-исслед. ин-т градостроительства и район. планировки. – М. : Госстройиздат, 1960. – 181 с.
- НАРБ. – Фонд 7. Воп. 4. Спр. 1797. Л. 204–218.
- НАРБ. – Фонд 911. Воп. 6. Спр. 831. Л. 1–9.
- Мінск: Послевоенный опыт реконструкции и развития / А. П. Воинов, Е. Л. Заславский, В. А. Король [и др.]. – М. : Изд-во лит. по стр-ву, 1966. – 178, [1] с., [3] л. ил.
- НАРБ. – Фонд 4. Воп. 81. Спр. 989. Л. 11–16.
- ЦДАНТД. – Фонд 68. Оп. 1. Д. 52. Л. 4–14.
- Осмоловский, М. С.* Мінск. Градостроительство столицы Советской Белоруссии / М. С. Осмоловский. – Минск, 1952.
- НАРБ. – Фонд 7. Воп. 4. Спр. 1797. Л. 204–218.
- НАРБ. – Фонд 903. Воп. 1. Спр. 129. Л. 37–46.
- НАРБ. – Фонд 903. Воп. 1. Спр. 88. Л. 7–9.
- Бон, Т.* “Мінскі феномен”. Гарадское планаванне і ўрбанізацыя ў Савецкім Саюзе пасля 1945 г. / Томас М. Бон ; пер. з ням. мовы М. Рытановіч ; навук. рэд. Г. Сагановіч. – Мінск : Выдавец Зміцер Колас, 2016. – 436 с.

Паступіў у рэдакцыю 15.09.2020 г.

Кантакты: anton.kurdo@gmail.com

(Курдо Антон Васільевіч)

Kurdo A. EVOLUTION OF ARCHITECTURAL AND PLANNING STRUCTURE OF MINSK (1945–1965).

The article considers the issues of solving the housing problem and infrastructural construction of Minsk in 1945–1965. The improvements made to the city's housing stock are revealed. The transformations in the system of the main-street network of the city are

shown as a result of the improvement of the infrastructural and communication system of the capital. The issues of developing the city's engineering economy as an important part of the infrastructural improvement of the urban space are thoroughly considered.

Keywords: Minsk, housing issue, main-street network, infrastructure.

УДК (903.5 + 393.92) (476.4) “09/12”

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ
ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА КРЕМАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКОГО
ПОДНЕПРОВЬЯ
(по материалам курганных некрополей)**

A. M. Авласович

кандидат исторических наук
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

На территории Могилевского Поднепровья языческий обряд трупосожжения по статистике фиксируется в каждой девятой курганной насыпи. По причине относительной редкости кремации долгое время без должного внимания оставался вопрос о роли дополнительных элементов обряда, имеющих как практическое, так и ритуальное значение в процессе похорон. В статье анализируется использование огня, деревянных конструкций, камней, ровиков, валиков, а также наличие жертвенных животных. Полученные результаты позволяют, прежде всего, проследить эволюцию погребальной обрядности трупосожжения и установить миграцию носителей южнославянских культур VIII–X вв. в регион Среднего и Верхнего Поднепровья.

Ключевые слова: кремация, погребальный обряд, оградки, деревянные ящики, ровики, славяне.

Введение

Изучение древнерусских погребальных памятников на территории Могилевского Поднепровья берет свое начало с XIX в. Двухвековое накопление фактического материала показывает, что основная масса захоронений совершена по обряду трупосожжения и, безусловно, относится к христианскому периоду. Гораздо реже археологам удавалось зафиксировать в курганных насыпях остатки трупосожжения – языческого по своему происхождению обряда. В силу его малочисленности долгое время мы были лишены возможности классификации таких захоронений и реконструкции эволюционных процессов этой традиции и ее отдельных деталей. Среди таких деталей мы можем отметить уровень расположения остатков кремации относительно древнего горизонта, наличие или отсутствие погребальных урн, использование деревянных конструкций и оградок, применение камней в насыпи, а также их расположение. В настоящем вопросе безусловным является их практическая либо

ритуальная значимость, символизм самой вещи и ее расположения в пространстве.

С конца XIX ст. археологи начали подмечать использование тех или иных дополнительных элементов обряда в насыпях с кремациями. Это мы можем заметить в описательных публикациях Е. Р. Романова, В. З. Завитневича, С. Ю. Чоловского и М. В. Фурсова. Однако первые исследования по данному вопросу были проведены уже в советское время Б. А. Рыбаковым и Г. Ф. Соловьевой. В дальнейшем наибольшее внимание дополнительным элементам в погребениях X–XIII стст. удалено профессором Я. Г. Риером.

Однако, несмотря на работы указанных уважаемых ученых, не была определена сама терминология и ее наполнение, а также не создана классификация или перечень этих элементов. Обозначенной проблеме и посвящена настоящая статья, материалом для которой служат данные о раскопках курганных насыпей с трупосожжениями на территории Могилевского Поднепровья (рис. 1).

Основная часть

К настоящему времени в бассейне могилевского течения Днепра изучены 66 насыпей с погребениями по обряду трупосожжения, из которых каждая 6-я кремация была открыта в ходе раскопок автора. Детальный анализ публикаций и отчетов предыдущих раскопок показал, что в курганах с кремациями в качестве ритуальных и утилитарных элементов использовались камни, деревянные конструкции, ровики, валики, следы огня. К этой же категории следует причислить жертвенных животных.

Ровики. Наличие изогнутых углублений вокруг насыпей на территории Могилевского Поднепровья впервые отметил В. З. Завитневич. Исследователь писал, что достаточно часто курганные насыпи бывают окружены углублениями, которые представляют собой продолговатые ямы. В большинстве случаев таких ям четыре: у головы, ног и по бокам покойного. Однако в редких случаях они могут сливаться в сплошной ров. Перемычки между ровиками ученый интерпретировал в качестве пункта для подъема на вершину. В. З. Завитневич высказал мнение о том, что данные ровики были образованы при возведении насыпи. Также он отрицал их иное практическое либо религиозно-обрядовое значение. С другой стороны, им же высказано сомнение относительно того, что вынутого из ровиков грунта

хватало для возведения всего кургана даже с учетом их естественного оплывания. Ученый предположил, что грунт мог быть принесен и из других мест. Свое мнение он подкреплял тем, что известны насыпи, у которых ровики не были прослежены [1, с. 128].

Судить о ровиках достаточно сложно. В дореволюционный и межвоенный период этот элемент не являлся предметом специального научного исследования. Как правило, в литературе указанных периодов имеются общие сведения о наличии или отсутствии приуроченных углублений в изучаемом некрополе. Полная разработка насыпей, включая и прилегающие к ним ровики, была начата лишь в 1960-х гг. Именно поэтому в настоящее время археологическая наука обладает весьма скромным количеством данных в этом вопросе. На территории региона мы имеем лишь шесть курганов с кремациями, ровики которых исследованы полностью. Четыре изучены в ходе археологических раскопок автора настоящей статьи.

В могильнике Взмутное (Славгородский р-н) насыпь № 111 с северной и южной сторон окружали два ровика, оставляя неширокие перемычки с западной и юго-восточной сторон (рис. 2) [2, с. 59].

Курган № 4 могильника Грязивец (Чаусский р-н) при высоте около 3,5 м, по замечанию Е. Р. Романова, имел пять входов и, соответственно, пять ровиков, которые ученый обозначил в качестве "охранных" [3, с. 30]. В насыпи № 12 могильника Заречье (Круглянский р-н) один ровик обнаружен в юго-восточной стороне [4, с. 7–8, рис. 9]. Два углубления у насыпи № 29 могильника Шупени (Круглянский р-н) находились с западной и юго-восточной сторон [4, с. 3, рис. 3]. Три ровика были зафиксированы при исследовании кургана № 33 могильника Студенка (Быховский р-н). Они находились с юго-восточной, северо-восточной и западной сторон [5, с. 6]. У насыпи № 51 три ровика располагались с юго-западной и юго-восточной и северной сторон [5, с. 11]. Два ровика (с северо-западной и юго-восточной сторон) прилегали к кургану № 35 этого же могильника [5, с. 8].

Интересные сведения на этот счет нам дает этнографический материал. Кладбище в белорусской фольклорной традиции всегда имело свои границы, как правило, в виде рва. Зафиксировано, что еще в прошлом веке у могил вырывались ровики или канавки, которые выполняли функцию границы между миром

живых и умерших. Изгороди вокруг кладбищ в традиционной культуре белорусов появились относительно недавно. Например, на Белорусском Подвийне заборы вокруг кладбища стали ставить лишь с довоенного времени и не по-всеместно. В то же время ров вокруг сельских белорусских некрополей был его обязательным элементом. Такие рвы и ровики выделяли сакральный локус, отделяли погребальную площадку от мира живых [6, с. 401, 405–406]. Вера в магическую силу рва наиболее ярко отражена в белорусском обряде "абворванне", дожившем до начала XX ст. Он заключался в проведении 1-3 замкнутых борозд вокруг деревни с целью не допустить распространения какой-либо эпидемии и предотвратить проникновение смерти на территорию поселения [7, с. 13]. Изучение курганных насыпей с кремациями в Полоцкой земле свидетельствует о том, что они выполняли, прежде всего, ритуальную функцию – установление границ между миром мертвых и миром живых. На это указывают размеры выкопанных ровиков: объем вынутого грунта недостаточен для возведения могильного холма [8, с. 8].

Валики. В единственном случае, при исследовании погребения по обряду трупосожжения по краю площадки был замечен валик из песка высотой около 50 см (рис. 2). Он дугобразно окаймлял ровик всей насыпи [2, с. 18].

Камни. Их ритуальное использование в захоронениях с кремациями зафиксировано лишь в пяти могильниках региона. В могильнике Горожи (Осиповичский р-н) при расчистке древнего горизонта в слое угля и пепла зафиксирована каменная выкладка. По замечанию В. З. Завитневича, камни имели следы воздействия огня. Здесь же находились кальцинированные кости [1, с. 130]. Исследователь не сообщает, было ли проведено сожжение умершего на месте будущей насыпи или же оно осуществлено на стороне. Однако из описания следует, что трупосожжение либо совершено на месте на специально выложененной каменной площадке, либо же кремация проведена на стороне и принесена позже.

В могильнике Заречье (Круглянский р-н) в кургане № 12 большой камень (более 0,15 куб. м) находился в центре площадки на горизонте в интенсивном слое золы. Здесь же располагались более мелкие камни и остатки кремации. В данном случае Я. Г. Риером установлено, что трупосожжение было совершено на месте, указанный камень имел ритуальное значение [4, с. 7–8].

Третий случай использования камней при погребении с кремацией зафиксирован в могильнике Прудки (Шкловский р-н). Здесь, в насыпи № 1 на горизонте, обнаружено шесть камней. Остатки кремации располагались в яме овальной формы 0,7x0,8 м глубиной 0,3 м. По мнению Г. Ф. Соловьевой, они могли выполнять функции оградки вокруг захоронения [9, с. 1].

При исследовании кургана № 64 могильника Греков (Чериковский р-н) в насыпи на уровне расположения погребения зафиксированы камни диаметром 0,25–0,3 м, которые обрамляли кольцевую оградку (рис. 3).

В ходе изучения могильника-2 у д. Ва-ськовичи (Славгородский р-н) мною зафиксировано использование камней в двух случаях. В насыпи № 5 остатки трупосожжения располагались в южной части насыпи на подсыпке. При расчистке погребальной площадки в северной ее части на уровне древнего горизонта обнаружен камень размерами 0,4x0,5 м и толщиной 0,1 м (рис. 4). Обе стороны его искусственно стесаны, им предана плоская поверхность, чем, таким образом, получена каменная плита. Изделие было поставлено на ребро в северо-западной окраине зольного слоя. Его лицевая и обратная стороны обращены в южное и северное направление. Сопровождающий материал – наконечник ножен скрамасакса, миниатюрный ножик и фрагмент дужки ведра – может указывать на мужское погребение (с высокой долей вероятности дружины).

Использование камней встречено при изучении кургана № 20 этого же могильника. Отличительной чертой данной насыпи является присутствие большого количества камней, которые фиксировались во всех секторах и на всех уровнях. Кальцинированные кости также располагались на подсыпке и были помещены в деревянный ящик. При разборке конструкции установлено, что 0,2 м ниже северного ее края находился камень диаметром около 0,18 м. При зачистке древней дневной поверхности обнаружено наибольшее количество камней. Следует отметить нахождение в секторе 4 у юго-западной окраины плоского камня (рис. 5). Он весьма схож с камнем, обнаруженным в насыпи № 5. Здесь этот камень также был поставлен на ребро и ориентирован своей лицевой (плоской) стороной по направлению к погребению. Имеет размеры 0,3x0,32 м при толщине 0,14 м.

Наибольшая концентрация камней на уровне горизонта зафиксирована в юго-вост-

точной стороне насыпи. Однако следует отметить, что среди этого множества особо выделялись камни размерами 0,19–0,3 м. В их расположении следует видеть систему. Они концентрируются и тем самым окружают погребальный ящик с юго-восточной, северо-западной и юго-западной сторон. Со стороны рассыпавшихся кальцинированных костей камней указанного размера не зафиксировано. Сопровождающий материал – костяная фигуральная подвеска и двухчастная бусина “лимонка” свидетельствуют о женском захоронении.

Деревянные элементы. В курганных некрополях Могилевского Поднепровья трупосожжения, как правило, находятся в насыпи без дополнительных сооружений. Достоверно известно о шести могильниках, в которых при кремациях встречены деревянные конструкции. Общее число таких погребений составляет восемь. В одном случае остатки трупосожжения на стороне были накрыты, предположительно, деревянным настилом [4, с. 1–2].

В нескольких случаях кремации, совершенные на стороне, были помещены в небольшие деревянные ящики. В могильнике Арава (Круглянский р-н) коллективное трупосожжение помещено в урны, которые находились в ящике. Конструкция имела размеры 0,8x0,8 м и толщину бревен 0,12 м [10, с. 25–26; 11, с. 51; 12, с. 18]. В одной из насыпей могильника Троица (Шкловский р-н) сооружение представляло собой деревянную ограду из дубовых колод, внутри которой находились кальцинированные кости [13, с. 1]. О ее размерах не сообщается.

Два погребения в ящиках обнаружены автором при исследовании могильника Студенка (Быховский р-н). В кургане № 33 ящик с кремацией располагался на высоте 1 м. Сохранившиеся фрагменты позволяют установить его первоначальные размеры 0,54x0,87 м при высоте 0,3 м (рис. 6). Он сложен из плах 0,08–0,1 м и имел верхнее перекрытие. Можно предположить, что было и нижнее перекрытие, которое не сохранилось [5, с. 5–6]. В насыпи № 51 этого некрополя на высоте 0,6 м зафиксировано впускное погребение кремации в деревянном ящике. Зольно-угольное пятно и фрагменты обугленных плашек на фоне желтого песка дали возможность определить примерные размеры. Он не превышал в длину 1,2 м и имел ширину не более 0,4 м (рис. 7). Выявленные фрагменты не позволяют в полной мере определить его конструкцию, однако можно говорить, что в данном случае он имел

дощатое перекрытие. Сохранившаяся часть стенки указывает на то, что он изготовлен из плах толщиной около 0,09 м и имел высоту не ниже 0,3 м [5, с. 11–12].

Остатки кремации, помещенные в ящик, были зафиксированы автором при исследовании кургана № 64 могильника Гронов (Чериковский р-н). Сохранившиеся фрагменты позволили установить его размеры – 0,38x0,72 м при высоте 0,23 м (рис. 3). Ящик изготовлен из плах шириной около 0,13 м и толщиной около 0,04 м [14, с. 3–5].

В могильнике Воронино (Быховский р-н), насыпь № 11 содержала кремацию, помещенную в прямоугольный ящик (0,84x0,58 м, высота – 0,3 м), поставленный на горизонт. У конструкции не обнаружено дно или перекрытие, она состояла из плах, поставленных на ребро [15, с. 391; 16, с. 99]. Следует заметить, что размеры деревянных ящиков из кургана № 33 могильника Студенка (Быховский р-н) и № 11 могильника Воронино (Быховский р-н) имеют практически идентичные размеры.

При исследовании насыпи № 8 могильника-2 Васьковичи (Славгородский р-н) обугленная деревянная конструкция расположена на подсыпке южнее центра. Сохранившиеся образцы позволяют судить, что она состояла из досок ширина которых была не менее 5 см. По угольным очертаниям и обгоревшим фрагментам удалось определить, что размеры конструкции составляли 0,72x0,3 м (рис. 8). Основная масса кальцинированных костей находилась в южной части конструкции и частично за ее пределами с этой же, южной, стороны. Относительно положения этого погребального ящика замечено следующее. Он располагался в южной стороне насыпи и был поставлен под наклоном. Его северная сторона находилась выше южной, согласно нивелировочным отметкам, на 0,18 м. Положение под наклоном объясняет высыпание остатков кремации за пределы ящика в сторону наклона. Относительно сторон света конструкция поставлена по линии С-Ю с небольшим отклонением в западную сторону.

Другое погребение по обряду трупосожжения с помещением кальцинированных костей в деревянный ящик открыто нами при исследовании кургана № 20 этого же некрополя. Как уже отмечалось, эта насыпь содержала большое количество камней, наибольшие из которых составляли кольцевую оградку. Конструкция находилась на песчаной подсыпке юго-восточнее центра. Ее сохранность

позволила установить следующие размеры – 0,8x0,5 м. Она сложена из досок шириной до 0,16 м. Также удалось зафиксировать две попечерные дощечки шириной 0,06 м (рис. 5). Аналогично, как и в кургане № 8, ящик поставлен под наклоном, что привело к высыпанию остатков кремации за его пределы.

Все описанные трупосожжения в ящиках были совершены на стороне. Перед погребением на месте будущей насыпи проводилось ритуальное очищение поверхности земли огнем, о чем свидетельствует наличие зольников. В двух случаях деревянные ящики находились на горизонте – Воронино № 11 (Быховский р-н), Троица № 2 (Шкловский р-н). В остальных случаях (Студенка № 33, № 51 (Быховский р-н), Арава № 1 (Круглянский р-н), Гронов № 64 (Чериковский р-н), Васьковичи № 8 и № 20 (Славгородский р-н)) ящики были поставлены на песчаную подсыпку от 0,35 м до 1 м высотой. Во всех случаях конструкции обуглены.

В двух случаях (Воронино № 11, Студенка № 33) ящики находились в юго-западной части насыпей. В двух случаях (Арава № 1, могильник-2 Васьковичи № 20) – в юго-восточной. В кургане № 51 могильника Студенка и в № 8 могильника-2 Васьковичи остатки ящиков находились у центра насыпи с небольшим отклонением в южную сторону. Исключение составляет насыпь № 64 могильника Гронов, в которой деревянная конструкция располагалась в северо-восточном секторе.

Отдельно следует отметить материалы могильника Большая Ольса (Кличевский р-н). По данным В. З. Завитневича, в одной из насыпей расчищено сожженное срубное деревянное сооружение размерами 4,26x3,55 м. Им же в могильнике Красный Берег (Кличевский р-н) зафиксировано расположение кальцинированных костей в деревянном ограждении квадратной формы 2,85x2,85 м [1, с. 135; 17, с. 117].

На сопредельных территориях наличие деревянных ящиков отмечается в курганах Оршанского Поднепровья, в бассейне Березины, в верховьях Птичи, верховьях Двины, а также ее притоков [18, с. 57–61]. Наиболее близкие аналоги данного элемента погребальной обрядности зафиксированы при исследовании кургана № 2 некрополя Синчуки (Толочинский р-н). В юго-восточной части насыпи на высоте 0,6 м зафиксирован деревянный ящик из сильно обгоревших венцов сруба. Он имел размеры 0,7x0,7 м, ориентирован углами по сторонам света (СВ – ЮЗ). В нем находились

шість кругових сосудів, заполнених кальцинованими костями. Четыре сосуда стояли в один ряд по линии С-Ю. Два других были поставлены немного западнее, в углу. Седьмой сосуд располагался за пределами ящика [11, с. 50–51; 18, с. 58; 19, с. 305–306, рис. 25:г; 20, с. 162; 21, с. 49]. Обгоревший дерев'яний ящик більших розмірів (1,6 x 0,74 м) обнаружен О.Н. Левко в кургане № 9 могильника Дроздово (Толочинський р-н). Сооруження расположалось на пісчаної подсыпці висотою 0,52 м в слоє углі в северо-восточном секторе. Внутри конструкции находились кальцинированые кости [18, с. 59; 19, с. 311–312, рис. 25:в; 20, с. 160–161; 21, с. 47–48].

При исследовании кургана №3 могильника Веточка V (Рогачевский р-н) Г. Ф. Соловьева обнаружила остатки обгоревшего ящика, в котором находилось большое количество кальцинированных костей. Он имел размеры 1,6x1 м при высоте 0,2 м. Конструкция находилась на песчаной подсыпке в юго-западном секторе¹. Установлено, что ящик первоначально имел дно и перекрытие, был изготовлен из деревянных плах, ориентирован по линии С-Ю [22, с. 154]. В насыпи № 4 могильника Демьянки (Добрушский р-н) в центре площадки находились четыре обгоревших столба, образовывавших неправильную трапецию со сторонами от 2,2 до 2,8 м. Остатки трупосожжения находились в западной части четырехугольника [23, с. 190].

Деревянные погребальные сооружения в курганах с кремациями известны и за пределами Белорусского Поднепровья [24, с. 181, 184, 188; 25, с. 161; 26, с. 173–174]. Однако деревянные сооружения с кремациями других регионов Беларуси имеют значительно большие размеры [24, с. 181, 184, 188; 26, с. 173–174].

Жертвені животні. Трупосожжения, при которых были зафиксированы останки жертвенных животных, встречены в трех курганных насыпях региона.

В могильнике Пранички (Климовичский р-н) А. Л. Аниховским изучена кремация, расположенная выше уровня горизонта. В слое угля среди фрагментов горшков исследователь отмечает находки зубов быка, барана и сви-

нь, которые имели следы воздействия огня [27, с. 136]. При расчистке другого погребения с аналогичным обрядом кремации (Шупени № 42 (Круглянский р-н)) найден, предположительно, зуб коровы [4, с. 4]. Несколько костей животных зафиксированы в коллективном захоронении кургана № 1 могильника Арава (Круглянский р-н) [10, с. 26; 11, с. 51; 12, с. 18]. Определить принадлежность животного не удалось. Его нахождение вместе с кальцинированными костями людей свидетельствует о сожжении жертвенного животного совместно с умершими на одном погребальном костре с последующим помещением остатков кремации в урны.

В могильнике Палуж 1-й (Краснопольский р-н), по свидетельству С. Ю. Чоловского, на глубине 70 см от вершины кургана находились фрагменты пережженных костей животных [28, с. 450]. Исследователь не сообщает о фиксации в кургане человеческого трупосожжения, однако ряд ученых относят его к погребениям, содержащим кремацию на горизонте. Убедительных аргументов, подтверждающих данное заключение, не приводится [29, с. 48–49; 30, с. 159].

Возможно, в могильнике Большая Ольса (Кличевский р-н) также были сожжены жертвенные животные. В. З. Завитневич отмечает находки в одном кургане большого количества кальцинированных костей. Исходя из этого ученый заключал, что здесь могли быть погребены либо несколько умерших, либо один человек и жертвенные животные [1, с. 135].

Использование огня. В погребальной практике восточных славян огонь имел важное семантическое и практическое значение. При обряде кремации происходило сожжение тела умершего на погребальном костре. На территории Могилевского Поднепровья и Посожья проследить конструкцию самого костра можно на примере четырех насыпей, сохранивших обуглившиеся фрагменты дерева.

В могильнике Красный Берег (Кличевский р-н) на горизонте удалось зафиксировать границы костища. Оно имело форму правильного квадрата, стороны которого равнялись 2,84 м [1, с. 135]. В одной из курганных насыпей могильника Большая Ольса (Кличевский р-н) обгоревший сруб в одно венце имел размеры около 3,55x4,26 м [1, с. 135; 15, с. 405]. Наиболее информативным является погребение кургана № 4 могильника Грязивец (Чаусский р-н), которое позволяет в полной мере реконструировать погребальный костер.

¹ Согласно плану Г. Ф. Соловьевой ящик расположен в юго-западном секторе кургана [9, рис. 15], однако в публикации 1965 г. указано, что конструкция находилась в юго-восточной четверти кургана [22, с. 154]. В данном противоречии считаем верным опираться на план научного отчета о полевых исследованиях.

В западной части кургана зафиксированы обгоревшие сосновые плахи. Продольные имели длину 2,49–2,84 м, поперечные – около 1,4 м, высота самой конструкции составила 0,7 м. При разборе кострища обнаружен сожженный костяк. Исследовавший этот комплекс Е. Р. Романов также установил, что умерший располагался на ряде плах, у его головы и ног были положены толстые колоды, на которые накладывался новый ряд плах и так до высоты 0,7 м. После этого данное сооружение предано огню. При горении плах, произошло обрушение, вследствие этого труп умершего скрылся от глаз его хоронивших под слоем угля и горящих плах. После этого была возведена насыпь, что сделало невозможным завершение процесса тления углей и кальцинации костей [3, с. 30].

Обгоревшие деревянные плахи обнаружены и при женском трупосожжении на месте в насыпи № 3 могильника Несята (Кличевский р-н) [31, с. 4–5].

В кургане № 111 могильника Взмутное (Славгородский р-н) изначально на погребальной площадке был разведен костер. Кострище имело овальную, вытянутую с севера на юг форму. При зачистке поверхности прослежены дугообразные зольные пятна, окружавшие центральную зольную площадку, – “кольца-крады” (рис. 2) [2, с. 18–19].

О ритуальном значении огня также свидетельствуют комплексы, содержащие трупосожжения на стороне. В семи могильниках кремации были совершены на стороне, однако перед возведением насыпи дневная поверхность ритуально очищена огнем.

Как отмечалось, все кремации, помещенные в ящики, совершены на стороне. При этом ящики вместе с кальцинированными костями также подвергнуты огню. Объяснить данный факт каким-либо практическим значением не представляется возможным. Следует полагать, что отмеченное действие носило сугубо ритуальное значение в языческой погребальной обрядности. Как известно, использование огня имеет семантическое значение. В белорусской народной культуре сохранилась традиция “прыкладзін”, смысл которой заключается в согревании умерших посредством разведения на могиле (со стороны расположения ног умершего) огня, который мог гореть всю ночь [6, с. 416]. Примечательна традиция “приклада” в полесском ее варианте, где приклад (деревянную колоду) изготавливали из дуба или смольной хвои. При этом размер конструкции,

как правило, соответствовал длине ямы [6, с. 417]. Следует полагать, что отмеченная традиция является трансформированным отголоском традиции обряда трупосожжения, где погребальный огонь сохраняет свою ритуальную функцию. Обнаруженные при раскопках деревянные обожженные сооружения, предназначенные для размещения в них кремаций, с течением времени превращаются в “приклады” для согревания покойников, известные нам по белорусским этнографическим данным.

Заключение

Стабильными дополнительными элементами в погребениях с трупосожжениями являются околокурганные ровики и следы использования огня. Ровики сочетают в себе как утилитарные функции, так и ритуальное значение. Как показывают наблюдения археологов, объем насыпи во всех случаях значительно превышает объемы заполнения ровиков. Однако очевидно, что песок, полученный при их выкапывании, использовался для возведения могильного холма. О религиозном значении ровиков можно судить по наличию в них зольного слоя, сообщающегося с нижним зольником площадки. Это свидетельствует об их выкапывании до возведения насыпи, а не в его следствии. Следует полагать, что серповидные ровики, с разведенными в них кострами, могли выполнять магическую защитную функцию, как это характерно для традиции очерчивания – ограждения. Видимо, сходную функцию выполняли и валики, зафиксированные лишь единожды. Они не имеют очевидного практического применения в погребальном обряде.

Использование камней в погребениях может характеризоваться в качестве сооружения оградки и, возможно, памятного знака. Каменные кольцевые ограждения, по нашему мнению, также должны расцениваться в качестве защитного (ограждающего) мероприятия. Подобная практика ограждения деревянных камер-усыпальниц широко известна в некрополях боршевской культуры VIII–X вв. Отличие боршевских могильников от погребений изучаемого региона заключается в использовании деревянных столбов.

Использование деревянных ящиков для помещения в них кальцинированных костей также имеет свои аналоги в древностях боршевской культуры. Отличительной особенностью обряда указанной культуры является сооружение больших деревянных камер, которые служили семейной усыпальницей.

Датируются данные погребения в основном IX – первой половиной X ст. Сравнительный анализ кремаций в ящиках Могилевского Поднепровья и боршевской культуры обнаруживает следующие сходные черты: 1) сам факт использования деревянных сооружений в качестве вместилища кремаций; 2) остатки деревянных ящиков изучаемого региона (так же, как камеры донских славян) носят следы воздействия огня; 3) в нескольких случаях сохранность деревянных конструкций позволила установить отсутствие четвертой стены, что является характерной чертой деревянных камер боршевской культуры; 4) в погребениях Могилевского Поднепровья трупосожжения в ящиках обнаруживаются как в урнах, так и без них. Такая же практика известна в боршевских захоронениях; 5) незначительное количество кальцинированных костей. При исследовании автором погребений в ящиках в могильнике Студенка (Быховский р-н) и могильнике Гронов (Чериковский р-н) было отмечено крайне незначительно количество кальцинированных костей. Эта же ситуация отмечается и на могильниках боршевской культуры. Здесь остатки трупосожжений находятся в урнах в незначительном количестве или они расположены в камере без урны компактной кучкой; 6) трупосожжение на стороне. Кремации могильников Могилевского Поднепровья и Посожья, которые обнаружены в деревянных ящиках, были совершены на стороне. Для курганов Борщевской группы трупосожжение во всех случаях также совершено за пределами погребальной площадки; 7) кольцевые оградки. Одной из основных отличительных черт обрядности Борщевского курганного некрополя являются кольцевые оградки из столбиков. В ряде случаев насыпи с кремациями изучаемого региона содержали каменные кольцевые оградки; 8) местоположение в кургане. В могильниках исследуемого региона кремации в ящиках ни разу не зафиксированы в центре насыпи. Они, как правило, расположены в юго-западной или юго-восточной полах кургана. Для Борщевского некрополя характерно стабильное расположение деревянных камер также в северо-восточной части кургана; 9) ориентировка камер. Местоположение камер в курганах боршевской культуры объясняется их привязанностью к близлежащей реке. Камеры расположены в секторах по направлению либо в сторону нижнего течения, либо в сторону верхнего течения реки. Во всех случаях изучаемого нами региона прослежено направление

камер в сторону верхнего либо нижнего течения близлежащей реки; 10) уровень расположения. Для территории Могилевского Поднепровья характерным является расположение кремаций в ящиках выше уровня горизонта. Такое положение зафиксировано в пяти курганных насыпях, в одной остатки деревянного сооружения находились на уровне горизонта. Большинство камерных кремаций боршевской культуры расположены на древней дневной поверхности, однако в более поздних комплексах Лысогорского могильника известны деревянные ящики, расположенные на подсыпке.

Из приведенного анализа можно заключить, что обряд кремации в ящиках Могилевского Поднепровья является эволюционировавшей традицией носителей боршевской культуры. Их появление на берегах Днепра и Сожа следует связывать с миграцией вследствие военной опасности от кочевых племен после падения Хазарского каганата. Мои выводы не противоречат хронологии. Во второй половине X в. на поселениях боршевской культуры жизнь замирает, встречаются следы пожаров. И в конце отмеченного столетия упрощенный погребальный обряд начинает фиксироваться на территории Могилевского Поднепровья и Посожья. Дополнительным доказательством служат керамические комплексы из некрополей двух регионов, однако данный вопрос выходит за рамки настоящего исследования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Завитневич, В. З. Археологіческія розысканія в бассейнѣ рѣкі Березины / В. З. Завитневич // Отчет Императорской Археологической комиссіи за 1892 годъ. – СПб., 1894. – С. 124–153.
2. Авласович, А. М. Отчет об археологических работах в Быховском, Славгородском и Могилевском районах Могилевской области в 2014 г. / А. М. Авласович // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 3247.
3. Романовъ, Е. Р. Археологическая разведка Могилевской губерніи / Е. Р. Романовъ. – Вильна : Тип. И. Завадского, 1912. – 31 с.
4. Риер, Я. Г. Отчет о проведении археологических работ на территории Круглянского района в 1992 году / Я. Г. Риер // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1414.
5. Авласович, А. М. Отчет об археологических работах в Быховском и Могилевском районах Могилевской области в 2015 г. / А. М. Авласович. – [Рукопись].

6. *Лобач, У. А.* Міф. Прастора. Чалавек: тра-
дыцыйны культурны ландшафт беларусаў у семія-
тычнай перспектыве / У. Лобач. – Мінск : Тэхнало-
гія, 2013. – 510 с.
7. Беларуская міфалогія : энцыкл. слоўн. /
С. Санько [i інш.] ; склад. І. Клімовіч. – 2-е выд.,
дап. – Мінск : Беларусь, 2006. – 599 с.
8. *Вайцяховіч, А. В.* Рэканструкцыя пахаваль-
нага абраду крэмациі па даных раскопак курганных
могільнікаў Полацкай зямлі / А. В. Вайцяховіч //
Беларуская Падзвінне: волыт, методыка і вынікі па-
лявых даследаванняў : (да 80-годдзя пачатку архе-
алагічных раскопак у г. Полацку) : зб. навук. прац
Рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20–21 лістапада.
2008 г. / пад агульн. рэд. У. А. Дука, У. А. Лобача. –
Новаполацк : ПДУ, 2009. – С. 5–9.
9. *Солов’ева, Г. Ф.* Отчет о работе Радимического
отряда Приднепровской экспедиции Института
археологии АН СССР за 1965 год / Г. Ф. Соловьев //
ЦНА НАН Беларусь. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 254.
10. *Алексеев, Л. В.* Отчет о раскопках Полоц-
ко-Прибалтийского отряда Прибалтийской экспе-
диции летом 1967 г. / Л. В. Алексеев // ЦНА НАН
Беларусь. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 305.
11. *Алексеев, Л. В.* Раскопки курганов в Вос-
точной Белоруссии / Л. В. Алексеев, З. М. Сергеев-
ва // Краткие сообщения ин-та археологии. – 1973. –
Вып. 135. – С. 49–55.
12. *Копытин, В. Ф.* Археологические памят-
ники Круглянского района Могилевской области /
В. Ф. Копытин. – Могилев : Изд-во Могилев. гос.
пед. ин-та им. А. А. Кулешова, 1994. – 52 с.
13. *Романов, Е. Р.* Раскопка в им. Чирнинѣ /
Е. Р. Романов // Могилевская старина / под ред.
Е. Р. Романова. – Могилев : Тип. Губернского прав-
ления, 1900. – Вып. 1. – С. 3.
14. *Авласович, А. М.* Результаты археологи-
ческого изучения курганных некрополей Гронов в
2016 г. / А. М. Авласович // Итоги научных исследо-
ваний ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г. :
материалы научно-методической конференции,
25 января – 7 февраля 2019 г. / под ред. Е. К. Сычо-
вой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. –
С. 3–5.
15. *Поболь, Л. Д.* Археологические памятники
Белоруссии: железный век / Л. Д. Поболь. – Минск :
Наука и техника, 1983. – 456 с.
16. *Солов’ева, Г. Ф.* Памятники конца I тыся-
челетия н.э. в Верхнем Поднепровье / Г. Ф. Соловьев //
Материалы и исследования по археологии. –
1970. – № 176. – С. 98–102.
17. *Седов, В. В.* Восточные славяне в VI–
XIII вв. / В. В. Седов. ; редкол.: Б. А. Рыбаков
[и др.]. – М. : Наука, 1982. – 327 с. – (Археология СССР)
18. *Вайцяховіч, А. В.* Пахаванні рэшткаў крэ-
мациі ў драўляных скрынях на тэрыторыі Аршан-
скага Падняпроўя / А. В. Вайцяховіч // Гісторыя
Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац
удзельнікаў VIII Міжнар. навук.-практ. канф.,
Магілёў, 27 чэрвеня 2013 г. / склад.: А. М. Бацюкоў,
І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2013. – С. 57–61.
19. *Левко, О. Н.* Культурные трансформации
в I тысячелетии н. э. на территории Витебского
Подвінья в восточной части Днепро-Двинского
междуречья / О. Н. Левко // Славяне на территории
Беларуси в догосударственный период : к 90-летию
со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя : в
2 кн. / О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред.: О. Н. Лев-
ко, В. Г. Белевец ; Нац. акад. наук Беларусь, Ин-т
истории. – Минск : Беларус. навука, 2016. – Кн. 2. –
С. 271–320.
20. *Левко, О. Н.* Курганные древности X–
XI вв. в окрестностях Друцка и Друцких волоков /
О. Н. Левко // Acta Archaeologica Albaruthenica. –
2011. – Vol. VII – С. 159–178.
21. *Левко, О. Н.* Могильники Друцка и Друц-
ких волоков в IX–XI вв. / О. Н. Левко, А. В. Вой-
техович // Друцк: Друцк и Друцкая волость (княже-
ство) в IX–XII вв., летопись древних словес, князья
Друцкие и их владения в XIII–XVIII вв., ремесло,
промышленность, торговля (по данным археологии, нуми-
зматики, письменных источников), памятники
архитектуры и объекты туризма. – Минск : Беларус.
навука, 2014. – С. 46–57.
22. *Солов’ева, Г. Ф.* Раскопки курганов в Бе-
лоруссии / Г. Ф. Соловьев // Археологические от-
крытия 1965 года. – М., 1966. – С. 152–154.
23. *Солов’ева, Г. Ф.* Славянские курганы
близь с. Демьянки / Г. Ф. Соловьев // Сов. археоло-
гия. – 1967. – С. 187–198.
24. *Войтехович, А. В.* Курганы с погребениями
кремаций в верховых реки Птич / А. В. Войтехо-
вич // Славяне на территории Беларуси в догосу-
дарственный период : к 90-летию со дня рождения
Леонида Давыдовича Поболя : в 2 кн. / О. Н. Левко
[и др.] ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец ; Нац.
акад. наук Беларусь, Ин-т истории. – Минск : Бела-
рус. навука, 2016. – Кн. 2. – С. 179–196.
25. *Енуков, В. В.* Ранние этапы формирования
смоленско-полоцких кривичей : (по археологиче-
ским материалам) / В. В. Енуков. – М. : Курск. гос.
пед. ин-т, 1990. – 262 с.
26. *Штыхаў, Г. В.* Крывічы: па матэрыялах
раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі /
Г. В. Штыхаў ; АН Беларусь, Ин-т гісторыі ; пад рэд.
М. А. Ткачова. – Мінск : Наука і техніка, 1992. – 191 с.
27. *Аніховскій, А. Л.* Доклад об обследова-
нии в археологическом отношении местности близь
д. Черкасы Оршанского округа, Межевского с/с и о
раскопке кургана близь хут. Археологическая экспе-
диция в г. Климовичи и д. Старый Дедин Калинин-
ского округа. Раскопки курганов. Январь 1928 г. [Ру-
копісь] / А. Л. Аніховскій // ЦНА НАН Беларусь.
ФАНД. Воп. 1. – № 213 ; Справа № 12 Археолагіч-
най камісіі БАН, 1929. – С. 76–145.
28. Археологіческія ізвестія і замѣтки зда-
ваемыя Імператорскімъ Московскімъ Археологи-
ческімъ обществомъ / подъ ред. А. В. Орѣшникова.
– М. : Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1893. – Т. 1. –
С. 447–450.
29. *Копытин, В. Ф.* Археологические памят-
ники Краснопольского района Могилевской обла-

сти / В. Ф. Копытнін. – Могілев : Ізд-во Могілев. гос. пед. ін-та ім. А. А. Кулешова, 1996. – 121 с.

30. Риер, Я. Г. Сельское общество Могилевского Поднепровья X–XIII вв. По археологическим данным : монография / Я. Г. Риер. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2010. – 176 с.

31. Дучыц, Л. У. Справа задача аб археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Клічаўскага і Бабруйскага раёнаў Марілёўскай вобласці ў 1997 г. / Л. У. Дучыц // ЦНА НАН Беларусі. ФАНД. Воп. 1. – Арх. № 1676.

Поступила в редакцию 27.11.2020 г.

Контакты: avlasovich@msu.by
(Авласович Алексей Михайлович)

Avlasovich A. ADDITIONAL ELEMENTS OF THE FUNERAL RITUAL OF CREMATION ON THE TERRITORY OF THE MOGILEV DNEPER REGION (EXAMINING KURGAN NECROPO- LISES).

According to the statistics, on the territory of the Mogilev Dnieper region the pagan rite of corpse burning is recorded in every tenth burial mound. Due to the relative rarity of cremations under mounds, the question of the role of additional elements of the rite, which have both practical and ritual significance in the process of burial, has remained without due attention for a long time. The article analyses the use of fire, wooden structures, stones, ditches, rollers, as well as the presence of sacrificial animals. The results obtained make it possible, first of all, to trace the evolution of the burial rituals of cremations and to establish the migration of carriers of the South Slavic cultures of the 8th – 10th centuries to the region of the Middle and Upper Dnieper.

Keywords: cremation, funeral rite, enclosure, wooden box, ditch, the Slavs.

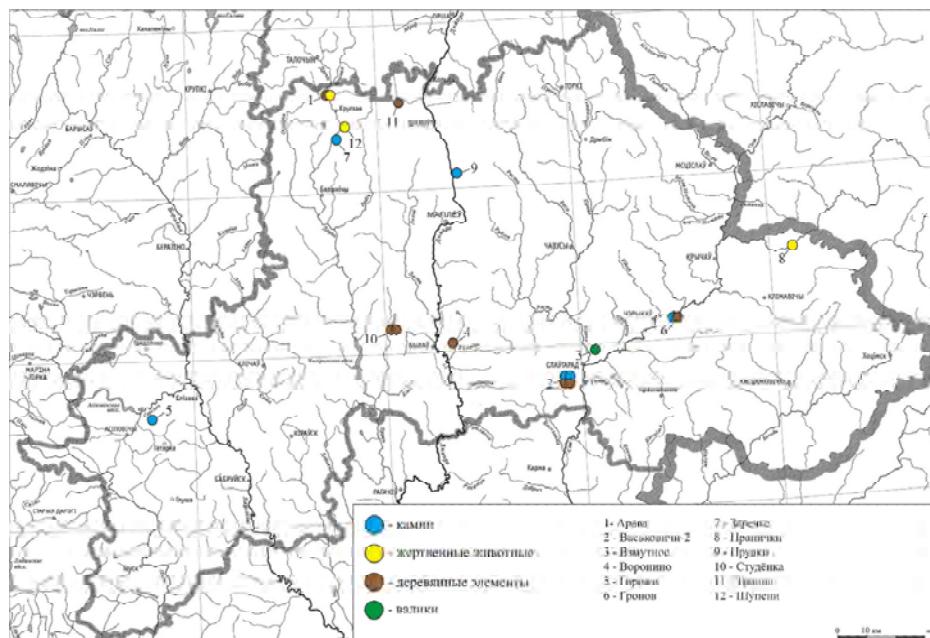

Рис. 1. Дополнительные элементы погребальной обрядности (карта автора)

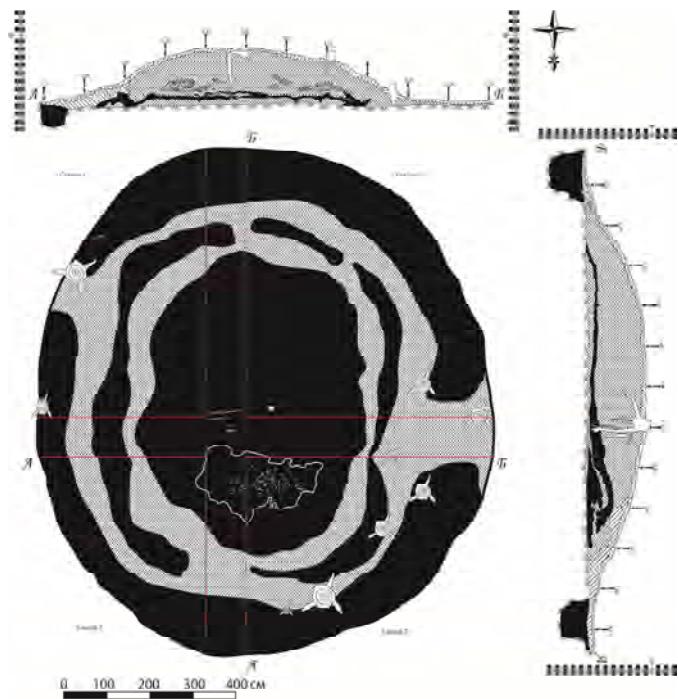

Рис. 2. Взмутное, курган № 111 (Славгородский р-н)
(рисунок автора)

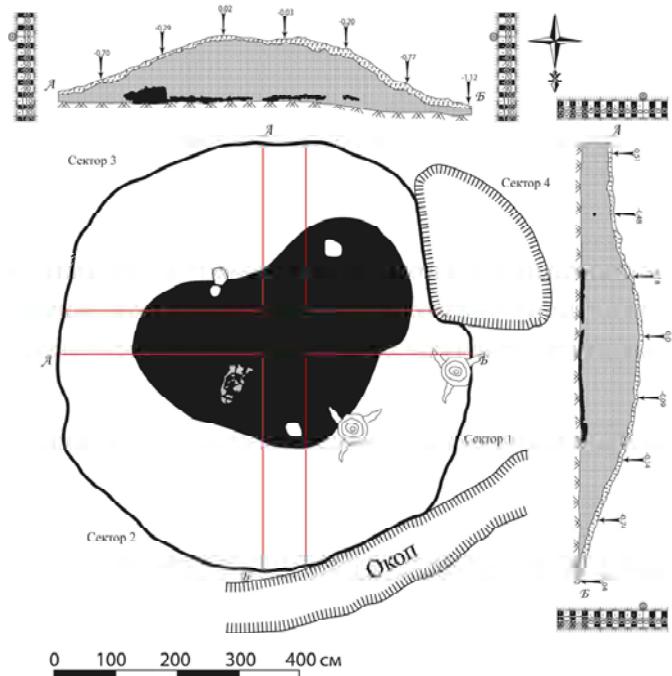

Рис. 3. Гронов, курган № 64 (Чериковский р-н)
(рисунок автора)

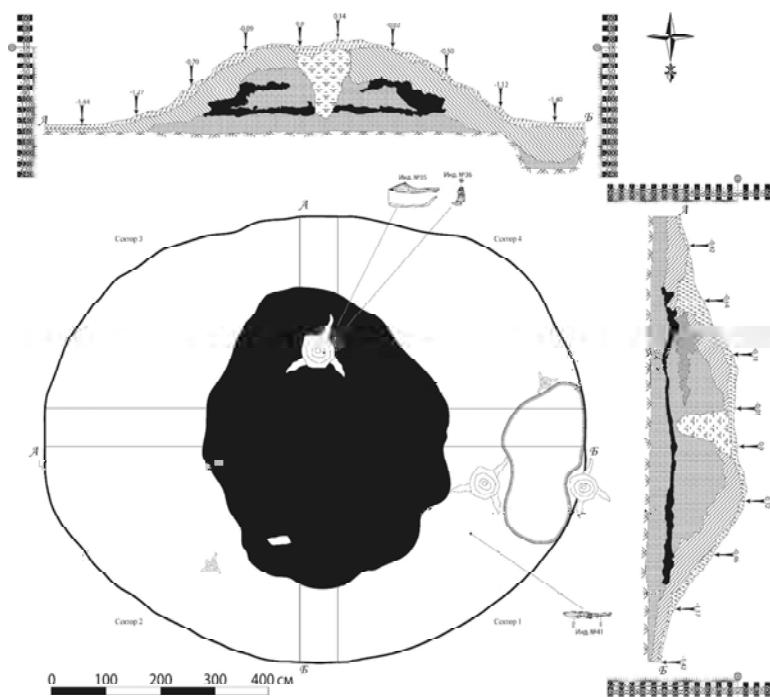

Рис. 4. Васьковичи-2, курган № 5 (Славгородский р-н)
(рисунок автора)

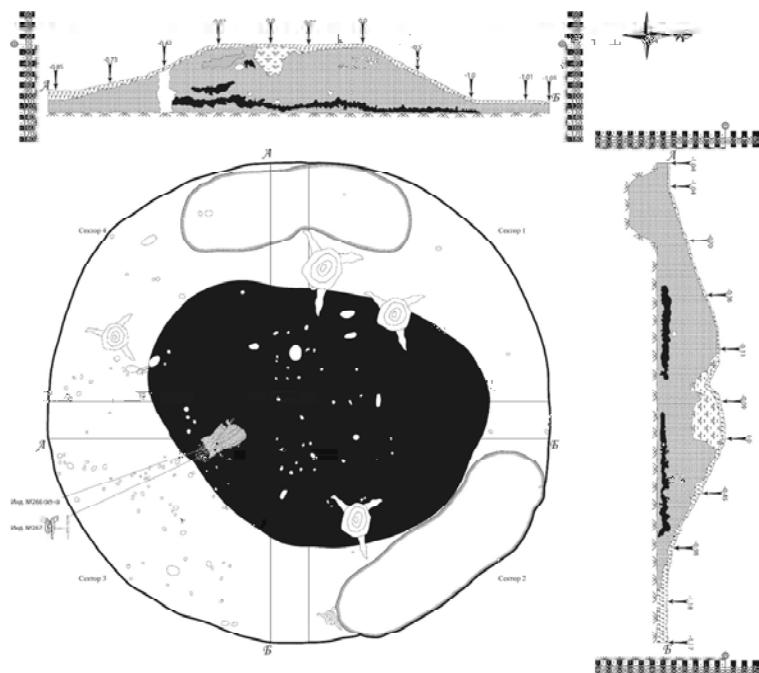

Рис. 5. Васьковичи-2, курган № 20 (Славгородский р-н)
(рисунок автора)

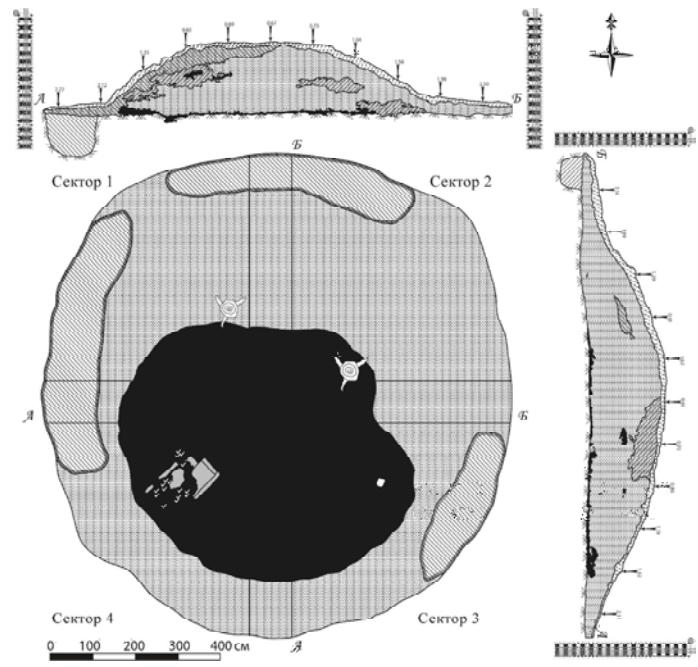

Рис. 6. Студёнка, курган № 33 (Быховский р-н)
(рисунок автора)

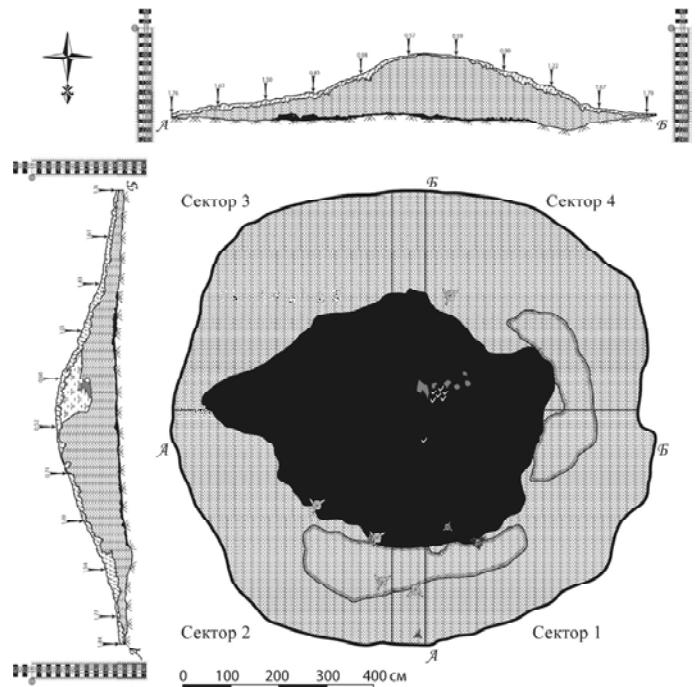

Рис. 7. Студёнка, курган № 51 (Быховский р-н)
(рисунок автора)

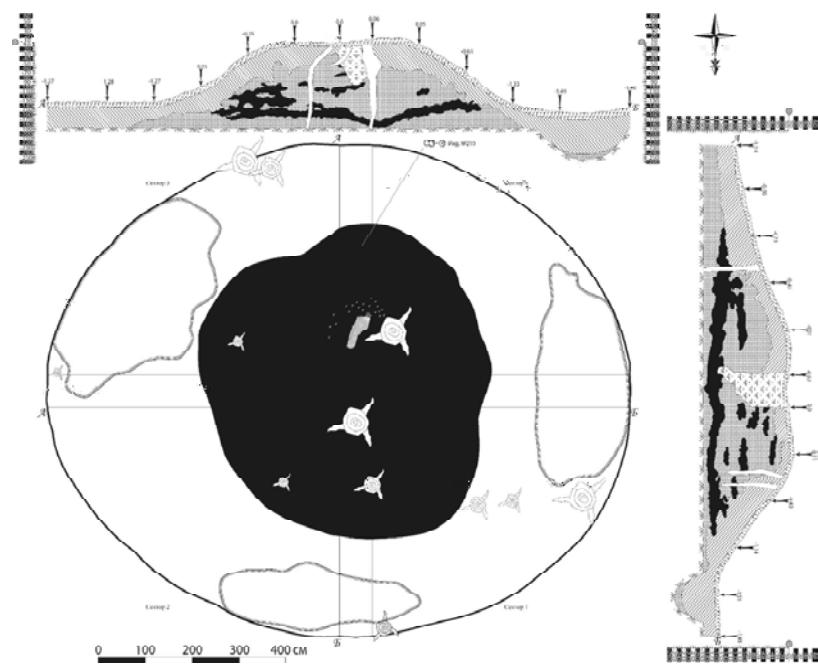

Рис. 8. Васьковичи-2, курган № 8 (Славгородский р-н)
(рисунок автора)

УДК 14 + 821

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ФИЛОСОФИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

М. И. Вишневский

доктор философских наук, профессор
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В статье освещается глубинное единство социокультурных функций философии и художественной литературы. Основные темы литературно-художественного творчества, как и базовые философские проблемы, раскрывают сущностные стороны отношения человека и мира. И в философии, и в литературе осуществляется своеобразное экспериментирование относительно норм и ценностей человеческого бытия, позволяющее предвидеть последствия их нарушения инейтрализовать его деструктивное действие. Эффективность изучения философии во многом зависит от понятности и доступности предлагаемого материала, а значит, и от его литературного совершенства.

Ключевые слова: философия, художественная литература, мировоззрение, мировоззренческое экспериментирование, философское образование.

Взаимная связь философии и литературы изначальна и весьма глубока. Все то в культуре, что обеспечивает коммуникацию путем закрепления в форме письменного текста описаний событий и переживаний, оценок происходящего, назиданий и выводов, может рассматриваться, с одной стороны, как принадлежащее к широко понимаемому “миру” литературы, а с другой – как способное иметь значимое философско-мировоззренческое измерение. В условиях усложнения социальных взаимодействий, характеризующих поступательное развитие цивилизации, литература в целом становится не только источником разнообразной информации, но и своеобразным посредником в общении, который знакомит людей с различными сторонами жизни, культурного процесса. Художественная литература, о которой здесь пойдет речь, предлагает выраженные в соответствующих текстах примеры и образцы, относящиеся к жизни людей, а также возможные правила и руководства, которые не имеют, однако, директивного характера и оставляют за читателем свободу выбора. Философия тоже служит делу установления взаимопонимания между людьми, осуществляющими познание мира и деятель-

но-практическое его освоение, содействуя их свободному и ответственному мировоззренческому самоопределению.

Письменная культура предполагает фиксацию и кодификацию центральных культурных значений, символьических центров социокультурной системы, обеспечивая тем самым выражение в письменных текстах разнообразных представлений об обществе, мире и человеке, об всей культуре в целом [1, с. 13–14]. Став в свое время основой классического образования, литература тем самым приобрела и в дальнейшем значительно упрочила огромное и неоспоримое воспитательное и в целом образовательное значение. В известном смысле она становится, как отмечают Л. Д. Гудков и В. В. Дубин, синонимом культуры, что и позволяет этим авторам констатировать близость или даже общность ценностных образцов, проблематизированных в литературе, с одной стороны, и в философии, социальных науках, теологии и т. д. – с другой.

Философию и литературу как деятельность по созданию художественных текстов сближает уже то обстоятельство, что “философская работа связана с интегративными генеральными образами” [2], а словесно оформленные художественные образы играют конституирующую роль в литературном творчестве. Произведения литературы могут содержать описания музыкальных, театральных и иных событий и впечатлений; в них могут также излагаться уместные, с точки зрения художественного построения данных текстов, сведения об исторических событиях, материалы из области науки и экономики, философии и политики, а также этики, эстетики и др. В целом художественная литература как совокупность определенных текстов, закрепленных посредством письма, позволяет выражать и транслировать неспециализированные образцы “действия, чувствования, отношения к различным символическим объектам” [1, с. 14].

Итак, любые стороны общественного и личностного бытия могут получить определенное освещение в литературных текстах. Но существует некоторая грань, за которой литературное повествование перестает быть таковым и превращается в научное или философское исследование, политическую декларацию или медицинские, технико-технологические рекомендации и наставления, решающие специальные вопросы познания или практической деятельности. Грань эта связана, прежде всего, с художественной образностью

произведений літератури. Філософія і наука операють преимущественно и прежде всего понятиями, в которых выражается общее, лишенное чувственной наглядности и, так сказать, осязаемой конкретности. Литературный художественный образ, как и философская либо научная понятийная система, тоже существует в словесной форме. Данная форма, однако, не требует здесь обязательной понятийно-логической строгости и позволяет соединять общность и, так сказать, фундаментальность отстаиваемой автором идеи с не-повторимой конкретностью, индивидуальной определенностью ее реализации, поскольку идею, как правило, олицетворяют определенные персонажи.

Талантливо обрисованный образ интегрирует многообразный жизненный опыт и, вместе с тем, привлекает к себе внимание заинтересованных читателей, порождает у них множество ассоциаций, позволяя по отдельным частям представлять или восстанавливать целое, не вообразимое в абстрактно-обобщенном виде. Литературные образы и сюжеты способны концентрировать огромный объем нередко весьма разнородной и поэтому не вполне концептуализируемой информации, оказывать глубокое и разностороннее воздействие на духовный мир людей, пробуждая не только мысли, но и чувства, непосредственно влияя на наши убеждения и ценностные ориентации. Не будучи носителями узко специализированного знания или профессионального опыта, эти образы и сюжеты, тем не менее, могут выступать схемами истолкования и одновременно поучительными примерами, с которыми читатели соотносят реальные жизненные события и действия, делая важные для себя мировоззренческие выводы.

Данные выводы могут быть непосредственно связаны с повседневными оценками и решениями и, вместе с тем, в принципе допускают генерализацию и подведение под некие сущности, выражаемые не только идеологией и религией, но и философией. Будучи теоретическим, понятийно-логическим мировоззрением, философия призвана проблематизировать обыденное мировоззрение, вскрывать и анализировать глубинные стороны и уровни бытия, которые остаются вне поля зрения не-рефлексивной повседневности. Фундаментальные онтологические, гносеологические, антропологические, праксеологические, аксиологические проблемы, разрабатываемые философским исследованием, в обыденной

жизни могут получать лишь поверхностное или даже превратное истолкование. Обнаружив в ходе теоретико-мировоззренческого исследования такие проблемы, философски мыслящий человек стремится выразить их в четко определяемых понятиях, приведенных к системному единству и взаимосвязи. Только при этом условии можно концептуализировать данные проблемы в их действительной масштабности и значимости, содержательной взаимосвязи и исторической динамике, а также наметить перспективные пути их разрешения.

Выдающиеся произведения художественной литературы своими специфическими средствами решают в определенной степени аналогичные задачи. Не случайно в поэтическом творчестве выделяется особый пласт философской поэзии, а в мировой прозе особое место занимает так называемый философский роман. Философские искания характерны для всех крупных писателей, и наряду с философскими романами существуют многочисленные философские эссе и другие произведения, так сказать, пограничных жанров, таких, например, как научная или, более специально, социальная фантастика. В истории многих национальных литератур непросто разграничить чисто художественные и чисто философские работы. Нередко литературная оболочка используется для прояснения и детальной разработки определенных философско-мировоззренческих идей. Примеров такого рода очень много, и здесь не представляется возможным дать даже самый беглый их перечень и анализ.

В уже цитированной здесь работе Л. Д. Гудкова и В. В. Дубина литература рассматривается как социальный институт, основное функциональное назначение которого состоит в поддержании культурной идентичности общества, причем “социолог квалифицирует различные типы “литературы” через отнесение их к структуре ценностно-нормативной системы социальных групп, действующих в определенных ситуациях” [1, с. 12]. Соответствующие ценностно-нормативные системы нередко во многом не совпадают, что и отражается в литературе, ориентированной на разные читательские круги и предлагающей “своим” читателям не только интересующие их сюжеты, но и определенные модели поведения и схемы оценки происходящего. Узнавая в литературных персонажах и их действиях то, что признается не просто интересным, но и приемлемым и важным для жизни, читатель как бы заново утверждается в правильности

определенных взглядов и оценок – как своих личных, так и принятых в той социальной общности, к которой он принадлежит. В этом и состоит непосредственная реализация функции упрочения культурной идентичности, выполняемой литературой.

Наряду с многочисленными произведениями “массовой” литературы, выполненными по установленвшимся образцам и имеющими не слишком взыскательную читательскую аудиторию, существует и классическая литература, как правило, не скованная стандартизованными схемами и узкой социально-культурной привязкой. Классические литературные произведения характеризуются своеобразной неисчерпаемостью, вытекающей из многообразия заключенных в них смыслов, и возможностью различных истолкований, что делает их принципиально недогматичными и, вместе с тем, поучительными не только для самых разных групп читателей, но даже и для разных исторических эпох и культур. Именно эта широта смыслов делает литературную классику мировоззренчески весьма насыщенной и поднимающейся до уровня философских обобщений, которые отличают, например, творения Данте и Шекспира, Гёте и Шиллера, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого.

Литературоведы отмечают, что базовых и типичных тем художественных произведений в принципе не так уж и много. Все они выражают некоторые ключевые стороны бытия человека в социуме или даже в мире в целом и связанные с этим глубокие мировоззренческие проблемы. Одна из них раскрывается, например, через интегральную тему семьи, любви, взаимоотношения полов и всего того, что социологи правомерно характеризуют как функционирование репродуктивной системы общества. Функционирование этой системы, в свою очередь, связывает повседневную жизнь людей с общим ходом истории, характеризующимся сменой поколений, изменением ценностных ориентаций и т. д. Столь же значима для культуры и социума в целом проблема своеобразия разных этапов жизненного цикла человека, которая проявляется в изменениях внутреннего мира образующейся личности, а также в трансформации социальных связей, ролей и статусов в процессе ее становления и развития. В качестве самостоятельной и весьма широкой темы литературного творчества выступает проблема взаимоотношения личности и социума, культуры, имеющая множество ответвлений и подразделений. Здесь и про-

блемы патриотизма, конформизма и толерантности, межнациональных и межкультурных отношений, вопросы войны и мира и многое другое.

В философии тоже существуют обширные области исследования и влиятельные направления, разрабатывающие данные проблемы. Не случайно многие известные философы были лауреатами Нобелевской премии именно по литературе. Вместе с тем философские работы, ориентированные на фундаментальные мировоззренческие проблемы, нередко далеки по способам организации и концептуальному выражению содержащихся в них материалов от запросов широкой читательской аудитории. При этом в философском, как и в литературном творчестве, есть свои “вершины” и наряду с ними обширные “плато” и даже “низы”, допускающие известные уклонения от общепринятых представлений о высоком предназначении словесного творчества в культуре.

Как уже отмечалось, и философы, и деятели литературы способны и призваны осуществлять своего рода исследовательский поиск, проблематизируя многоплановый и разновневый мир человеческого бытия. Конечно, творцы литературных произведений выражают полученные результаты и выводы в специфической форме художественных повествований, а не научообразных трактатов. Важно, однако, что как философское, так и литературное творчество тесно связано со своеобразным экспериментированием. Философское знание характеризуется тем, что его построения имеют неустранимо гипотетический характер. Не случайно Б. Рассел рассматривал философию как “искусство рационального предположения” [3, с.13]. Все то в философских разработках, что допускает непосредственную проверку на опыте, со временем утрачивает чисто философский статус и обязательно получает конкретно-научную “прописку”, так или иначе определяет свою дисциплинарную принадлежность в науке. Философия же стремится мировоззренчески осмысливать и то, что уже имеется в существующей науке и практике, и то, что в них еще лишь предполагается.

Выявляя проблемные аспекты сложившегося и утвердившегося знания, философское исследование побуждает искать альтернативные подходы к познанию и освоению реальности, обновлять идеино-понятийный базис человеческой деятельности. Аналогичным образом, хотя и с использованием своих особых средств, действует и “высокая” литература, ко-

торая не ограничивается простым комбинированием традиционных тем и сюжетов, а ставит новые и порой весьма драматичные вопросы об устойчивости и гармоничности нашего общественного и личного бытия, о судьбе человека и культуры в стремительно меняющемся мире. Заново препарируя огромный материал, относящийся к сфере человеческих ценностей, к правилам и нормам человеческого общежития, действительно новаторская литература демонстрирует не только способы и достоинства следования регулятивам, общепринятым в рамках определенной культурной традиции, но и возможные последствия уклонения от них.

В центре внимания творческих литераторов нередко находится рассогласованность различных ценностей и норм, столкновение альтернативных жизненных позиций, неоднородность и даже острая противоречивость поля культуры. Так бывало и в литературе прошлых исторических эпох; вспомним хотя бы классическую греческую трагедию. В наши дни, в условиях резкого возрастания динамики общественной жизни, поддержание относительной ее стабильности достигается в том числе и за счет социально-культурного экспериментирования, которое безопаснее и осмотрительнее производить не в "полевых" условиях, а на умозрительных моделях, предлагаемых литераторами и философами. Многие экстравагантные философские концепции как раз и представляют собой такие модели, в которых отдельные процессы и тенденции, уже наметившиеся в действительности или хотя бы в принципе возможные, получают крайнее, предельное выражение, и можно вывести, путем рассуждений, к чему это приведет. Яркие примеры такого рода предлагают некоторые разновидности философского постмодернизма, а из опытов прошлого, конечно же, сразу вспоминается Ницше.

Подобные модели своими специфическими средствами создает и художественная литература, в произведениях которой действующие лица могут допускать значительные отклонения от устоявшейся системы нравственных и в целом социально-культурных норм и ценностей, чем и обусловливаются острые конфликты, нередко трагические сюжетные коллизии. Современная литература, как и обозреваемая нами действительность, дает множество примеров проявления аномии как такого состояния общества, в котором имеет место неопределенность и нестабильность ус-

ловий человеческой деятельности, наблюдается дезорганизация социальных норм и институтов, призванных обеспечивать их выполнение. Люди все чаще сталкиваются с расхождениями между провозглашаемыми ценностями и целями и доступными или легальными средствами их достижения.

Совместные усилия философов и литераторов, как, впрочем, и всех членов социально-гуманитарного сообщества, могли бы позволить более успешно продвигаться по пути нового определения действительности, связанного с переформатированием действующих социокультурных регулятивов, их переистолкованием и обновлением. Показательна в этом плане мысль видных специалистов в области социологии литературы о том, что "переживание искусственного мира литературных формул представляет собой род "прививки", позволяющей приобрести социально и культурно необходимый опыт символического снятия и решения конфликтов. Причем этот опыт приобретается без угрозы реального ущерба, травмы или страдания" [1, с. 114]. Обдумывание последствий таких мысленных экспериментов позволяет и отдельным людям, и обществу в целом нащупать пределы дозволенного в отклонениях от привычных, устоявшихся правил, норм и ценностных ориентаций и выработать меры по предупреждению возможных опасностей и угроз социальному миру.

Если авторы философских текстов действительно заинтересованы в том, чтобы приблизиться по силе воздействия на читателей к создателям выдающихся литературных произведений, то они должны озабочиться не только концептуальной глубиной своих творений, но и их выразительностью и даже эстетической привлекательностью. Здесь можно ожидать протестующие взгляды сторонников "философии для философии", и они, конечно, вправе отстаивать свою точку зрения, соглашаясь при этом, что читать их произведения будут только представители очень узкого круга соратников по "философскому цеху". Нередко можно встретить утверждение, что философское размыщение доступно лишь избранным и требует не просто специальной подготовки, но и особого состояния ума. В свое время М. К. Мамардашвили писал о том, что "философия не может никому сообщить никакой суммы и системы знаний, потому что она просто не содержит ее, не является ею" [4, с. 35]. Поэтому, полагал он, философии

нельзя обучить; более того, нужно запретить обязательное преподавание философии будущим химикам, физикам, инженерам в высших учебных заведениях, ибо становление философского знания – это всегда внутренний акт, своеобразное озарение, происходящее хотя и с помощью всеобщих понятий, но на основе личного опыта.

Следует, однако, заметить, что такова в принципе природа уяснения всякой основательной и действительно новой мысли, идеи. Понимание нового всегда означает преодоление некоторого барьера, достигаемое скачком. Об этом весьма убедительно писал, например, М. Полани в его знаменитой книге “Личностное знание”. О том, что подобные барьеры в отношении философского миропонимания в принципе преодолимы, свидетельствуют, в частности, немалые тиражи, которыми издавались работы М. К. Мамардашвили, многие из которых написаны, кстати говоря, ярким и выразительным языком, а также популярность его лекций.

Порой высказывается противоположное предположение, состоящее в том, что формат философии как строго научной, внутренне обоснованной логической системы уходит в прошлое “и на его место приходит литературный способ обоснования” [5]. За этим может стоять как констатация поворота многих философов к проблемам повседневной жизни, о которых более поучительно было бы рассуждать без нарочитого академизма и разнообразной “зауми”, так и заметное разочарование в нынешнем статусе философии как феномена культуры. Прошло то время, когда великие философские системы потрясали воображение и воодушевляли умы образованной публики. В наши дни такое трудно даже представить. Сказалась и жесткая позитивистская критика притязаний философии на роль “царицы наук”, и общая трансформация интеллектуальной атмосферы в современном обществе, связанная, в частности, с отходом от логоцентризма и недоверием к абстрактному умозрению.

Тем не менее нет оснований утверждать, что философская мировоззренческая теория вовсе не интересна и, главное, не нужна, например, нынешним студентам и другим людям, получающим или уже получившим образование. Да, ситуация на “рынке идей” значительно изменилась, но это не повод для паники или осуществления поспешных “урезаний” гуманитарно-мировоззренческих

составляющих в вузовских учебных планах. Вопрос скорее состоит в том, как осуществить разумную дифференциацию этих самых учебных планов и программ с учетом задач, решаемых с помощью философского образования. Если речь идет о подготовке специалистов, в дипломе которых будет записано “философ, преподаватель философии”, то для них совершенно необходимо освоение не только базовой философской традиции, но и новинок философского творчества, даже если можно обоснованно предполагать, что данные новинки недолго будут привлекать внимание читателей. Будущий специалист в области философии должен быть готовым к тому, что ему придется немало поломать голову над мудреными построениями старших коллег, именитых философов. Здесь принципиально важно основательно поработать с оригинальными текстами философов прошлого и наших дней.

Но за рамками данной специальности или ряда близких к ней социально-гуманистических специальностей оптимальный подход к постановке дела философского образования видится совершенно иным. Целевая установка этого образования в таком случае видится в том, чтобы создать необходимые предпосылки для самостоятельной выработки будущими специалистами взвешенного, конструктивного и разностороннего мировоззрения, позволяющего им успешно решать возникающие на их пути профессиональные, социально-культурные и личностные проблемы. Для этого полезно освоить в адаптированном виде важнейшие достижения и результаты, составляющие классическую философскую традицию. Ситуация здесь напоминает ту, которая характеризует изучение литературы в школе, где тоже разумно ограничиваться некоторым минимумом наиболее показательных текстов.

Философские тексты, выражающие определенные теоретико-мировоззренческие идеи, обычными читателями воспринимаются “как своеобразные литературные произведения, стиль которых либо облегчает, либо затрудняет адекватное восприятие их содержания, делает эти произведения привлекательными для читателей либо, наоборот, вызывает у них отторжение, неприятие” [6, с. 96]. Самобытные философские учения – это особые памятники культуры своей эпохи, которые посредством целостного осмысления либо вычленения из них определенных слоев или срезов позволяют по-новому истолковывать проблемные ситуа-

ции, возникшие в той или иной отрасли науки или в социально-исторической практике.

Способность людей осуществлять значительные и радикальные, действительно творческие изменения в тех или иных сферах их профессиональной и общественной деятельности во многом обусловлена широтой их мировоззренческого кругозора, их философской образованностью, которая позволяет недогматически сочетать различные философско-мировоззренческие и конкретно-научные, политические и другие значимые для культуры идеи в интересах выработки новаторских подходов к решению самых различных, в том числе и жизненно-практических проблем [6, с. 96]. Ясно, что при практико-ориентированном изучении философии “нельзя объять необъятное” и приходится очень тщательно отбирать минимально достаточное, оставляя все остальное для необязательной самостоятельной работы. Отбирая материал, предлагаемый для изучения, невозможно полностью устраниć влияние субъективных пристрастий преподавателя или просто ограниченности его собственных знаний. Тем не менее нужно постараться помочь студентам ознакомиться с наиболее авторитетными альтернативными философскими позициями, понимание специфических достоинств и вместе с тем определенной ограниченности которых даст образующейся личности исходный багаж знаний, необходимый для осуществления личностного мировоззренческого синтеза.

Мы действительно имеем основание говорить о возможности и целесообразности дальнейшего сближения и более эффективного взаимодействия философии и литературы в современной культуре. Это сближение выражает отчетливо выявившуюся тенденцию преодоления жестких разграничительных линий в духовной жизни общества и наличие общего движения к широкому конструктивному синтезу ее базовых феноменов. Известно, что сближение литературы и науки породило такой влиятельный литературный жанр, как научная фантастика. На стыке литературы, социальной философии и ряда социальных и гуманистических наук давно уже успешно развивается творчество в жанре социальной утопии. И философия, и литература, и наука призваны найти адекватное совместное приложение в фундаментальной для всей общественной жизни и всей культуры сфере образования. Ослабление позиций философии, как и литературы, в этой сфере может иметь для современного социума,

вступившего в полосу турбулентности, весьма далеко идущие негативные последствия. Если же признается необходимым, чтобы философия как самостоятельная дисциплина продолжала оставаться представленной в учебных планах нефилософских специальностей вузов, то вопрос о понятности и доступности излагаемого в ней материала, то есть в некотором роде о его литературном совершенстве, неотделим от вопроса об актуальности и значимости философии в целом для функционирования современной культуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гудков, А. Д. Литература как социальный институт. Статьи по социологии литературы / А. Д. Гудков, В. В. Дубин. – М. : Новое Литературное обозрение, 1994. – 352 с.
2. Подорога, В. Философия и литература / В. Подорога. – <https://polit.ru/article/2006/07/28/podoroga>. Дата доступа: 22.09.2020.
3. Рассел, Б. Искусство мыслить / Б. Рассел. – М. : Идея-Пресс, 1999. – 240 с.
4. Мамардашвили, М. Мой опыт нетипичен / М. Мамардашвили. – СПб. : Азбука, 2000. – 400 с.
5. Семенков, В. Философия как литература. Об изменении формата философского дискурса / В. Семенков. – https://www.intelros.ru/readroom/readroom/credo_new/credo-2011-4/. Дата доступа: 22.09.2020.
6. Вишневский, М. И. Социокультурные аспекты философской образованности / М. И. Вишневский // Весник МДУ імя А. А. Куляшова. Серія А. Гуманітарні науки. – Могилев : МГУ імені А. А. Кулешова, 2020. – № 2. – С. 91–97.

Поступила в редакцию 10.02.2021 г.

Контакты: vishnevskii@msu.by
(Вишневский Михаил Иванович)

Vishnevsky M. SOCIO-CULTURAL RELATIONSHIP OF PHILOSOPHY AND LITERATURE.

The article highlights the profound unity of socio-cultural functions of philosophy and fiction. The main themes of literary and artistic creativity as well as basic philosophical problems reveal the essential aspects of the relationship between man and the world. Both in philosophy and in literature, a kind of experimentation is carried out regarding the norms and values of human being, which allows us to anticipate the consequences of their violation and neutralize their destructive effect. The effectiveness of the study of philosophy largely depends on the comprehensiveness and accessibility of the proposed material, and therefore on its literary perfection.

Keywords: philosophy, fiction, outlook, world outlook experimenting, philosophical education.

УДК 101, 9; 113 / 119

В. Я. БРЮСОВ КАК ПОЭТ ПРИРОДЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛЬ РУССКОГО КОСМИЗМА

П. С. Карако

доктор философских наук, профессор
Белорусский государственный университет

В статье раскрывается содержание космических идей видного русского поэта В. Я. Брюсова. Подчеркиваются особенности литературно-художественного осмыслиения и выражения языком высокой поэзии космоземного бытия мира, в котором находится человек и осуществляются его отношения с этим миром. Особое внимание обращается на философские основания его космизма, которые менялись в течение творческой деятельности поэта. Отмечается влияние космических идей других представителей русского космизма (Н. Ф. Федоров, В. С. Соловьев, К. Э. Циолковский) на становление космизма Брюсова. Делается вывод о причастности последнего к литературно-художественной ветви русского космизма.

Ключевые слова: Природа, Земля, Вселенная, Космос, небо, мир, красота, символизм, субъективный идеализм, космизм, русский космизм, космический корабль.

Введение

При постижении содержания русского космизма и космических взглядов его отдельных представителей принципиальное значение могут иметь идеи академика В. И. Вернадского (1863–1945), изложенные им в работе “Живое вещество”. Она готовилась ее автором в 1916–1922 гг., но была опубликована только в 1978 г. В данной работе обращалось внимание на становление в конце XIX – начале XX в. особой формы духовных исканий, которые ориентировались на выявление сущности “идеи о космичности жизни”, “вечности и всеобщности жизни”, механизмов “космического общения” и т. д. По свидетельству Вернадского, в России отмеченные искания нашли свое выражение в литературных произведениях поэта и писателя В. Я. Брюсова и в трудах религиозного философа Н. Ф. Федорова [1, с. 308]. В чем же конкретно проявились их космические идеи?

Следует отметить, что в настоящее время космические взгляды Н. Ф. Федорова стали предметом внимания многих авторов, ориентированных на исследования сущности русского космизма. Обстоятельно космим

этого мыслителя рассматривается в работах А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой и т. д. Нравственные стороны его космизма освещались и в одной из работ автора настоящей статьи [2, с. 123–126]. В силу сказанного внимание данного автора сосредоточится на рассмотрении космизма Брюсова.

Внимание к его творчеству и причисление к представителям русского космизма стало проявляться только в последние годы. Но, на наш взгляд, оно не носит исследовательской выраженности. Некоторыми авторами утверждения о причастности Брюсова к русскому космизму делаются без достаточно обоснованных оснований. Так, В. Н. Демин приводит только одно четверостишие из стихотворения Брюсова “Мир электрона” и два четверостишия из стихотворения “Мир N измерений” в качестве свидетельства его космизма [3, с. 91–92].

Более “обоснованную” точку зрения по обсуждаемому вопросу высказывает А. Г. Гачева. Она правомерно пишет, что Брюсов “одним из первых стал вводить в поэзию мотивы космической философии” и “был первым большим русским поэтом, который не только отметил начало эры покорения воздушной стихии... но и воспел космический долг Земли, приветствуя будущих “царей стихий, владык естества”» [4, с. 137, 138]. В качестве подтверждения всему сказанному их автор приводит названия только отдельных стихотворений поэта и некоторых четверостиший из них.

В работах вышеотмеченных авторов не сказано ни единого слова о философских основаниях космической поэзии Брюсова. Не увидели они и особенностей восприятия поэтом природной среды жизни. Космизм представителей этого течения русской мысли зарождался на основе их постижения природы, выявления наличия в ней земных и космических факторов. В этом следует видеть и один из важнейших ценностных аспектов русского космизма. Данную сторону космизма подчеркивал и Вернадский. В уже цитированной работе он писал, что идеи о природе “представленные в религиозных, поэтических, монотеистических” трудах, “проникают и охватывают и научные представления о Вселенной” [1, с. 313]. Именно поэзия В. Я. Брюсова, В. С. Соловьева, А. А. Блока, литературные труды писателя и мыслителя Ф. М. Достоевского, научные взгляды физика Н. А. Умова и биолога К. А. Тимирязева были теоретическими предпосылками формирования космических идей у Вернадского.

Что рационального он мог усмотреть в поэзии Брюсова? В какой форме самому поэту виделась космическая выраженность земной природы? Как она им воспринималась? Почему он считал, что человек стремится выйти за пределы Земли и начнет осваивать космическое пространство?

Отмеченные вопросы и определили внимание автора настоящей работы к творчеству Брюсова, выявлению его причастности к тому течению мысли, которое получило название “русский космизм”. При этом первостепенное значение будет иметь раскрытие философских оснований космической поэзии поэта. Однако вначале следует сказать хотя бы несколько слов о личности этого поэта.

Основная часть

Символизм как метод и философия поэзии

В. Я. Брюсов

Валерий Яковлевич Брюсов (1873–1924) – весьма авторитетный русский поэт, прозаик, литературный критик, историк. Родился в Москве в просвещенной и демократически ориентированной купеческой семье. В своей автобиографии поэт писал, что “над столом отца постоянно висели портреты Чернышевского и Писарева”, а его с самых “пеленок” воспитывали “в принципах материализма и атеизма” [5, с. 369]. После успешного окончания гимназии в 1893 г. поступил на историко-филологический факультет (отделение истории) Московского университета. Обучение в университете закончилось в 1899 г.

В 1893 г. вчерашний гимназист и студент-первокурсник опубликовал три тонких тетрадки своих и ряда других авторов стихотворений в сборнике под названием “Русские символисты”. В последующие 1894 и 1895 гг. под редакцией Брюсова были опубликованы еще два сборника поэзии под таким же названием. Выход этих сборников принес Брюсову шумную известность. В 1895 г. он писал: “Наши издания подверглись такой беспощадной критике со стороны и мелких и крупных журналов, что нам кажется необходимым выяснить свое отношение к ней” [6, с. 32]. Далее им дается обстоятельный ответ на порой незаслуженные упреки критиков.

Благожелательно отнесся к идеям отмеченных сборников философ и поэт В. С. Соловьев (1853–1900). В стихотворениях Брюсова он увидел их символическую выраженность. Соловьев советует начинающему поэту избав-

ляться от подражательства другим именитым поэтом (Г. Гейне, А. А. Фет), не засорять символизм “низменными страстями” и т. д. Именно благодаря его помощи и поддержке и в последующие годы Брюсов становится одним из первых символистов, а затем и лидером символического течения в художественной литературе России на рубеже XIX–XX вв.

Для Брюсова символизм являлся прежде всего методом, позволяющим раскрыть и описать связь духовного мира человека с объектами и явлениями природы Земли и Космоса. Он считал этот метод “достоянием литературы”, а потому “никто из поэтов не может более не считаться с ним и не пользоваться (сознательно) им” [6, с. 469].

При этом он отмечал и то, что символизм есть не только “достояние” литературы, но философское учение. “Символисты требовали, – писал Брюсов, – чтобы писатель, поэт, был вместе с тем и философом, мыслителем” [6, с. 468]. Кто же был для него авторитетом в области философии символизма? Таким образом, философом и мыслителем для Брюсова был Соловьев. К тому же он являлся и видным представителем религиозно-философской ветви русского космизма. В статье “Владимир Соловьев. Смысл его поэзии” (1900), написанной непосредственно после его смерти, Брюсов писал: “Вл. Соловьев был нашим первым поэтом-философом, который посмел в стихах говорить о труднейших вопросах, тревожащих мысль человека” [6, с. 220]. На последней странице данной статьи ее автор подчеркивает роль Соловьева в становлении символизма в русской художественной литературе: “Кциальному голосу Вл. Соловьева прислушивались, как к слову учителя; за ним признавали право судить...” [6, с. 230]. Для Брюсова он был прежде всего учителем символизма. В чем же выражалось содержание символизма?

Ответ на поставленный вопрос мы находим в суждениях последователя Соловьева, именитого русского советского философа А. Ф. Лосева (1893–1988). Он считал своего идейного учителя “глубоким и ярким символистом”, который проявился уже в диссертациях Соловьева. Далее Лосев раскрывает особую выраженность его символизма: “За 20 лет до появления первых русских символистов Вл. Соловьев создал свое учение о всеединстве. Это учение основывается на том, что единство бытия охватывает каждый его отдельный момент и присутствует в каждом таком моменте, так что всякий отдельный мо-

мент бытия свидетельствует и обо всех других его моментах, и о бытии, взятом как нерушимая цельность. Такого рода учение с полным правом можно назвать символизмом” [7, с. 567]. К суждению Лоссева следует добавить, что у Соловьева единственным и “охватывающим” фактором бытия всего сущего и его отдельных частей была объективная мировая душа. Обоснование последней свидетельствует о причастности Соловьева к теоретикам христианства.

Атеист Брюсов не мог разделять христианские установки своего учителя, он называл Соловьева “апологетом христианства”: “И вся его философия, в сущности, есть только попытка рационалистически оправдать то христианское верование, что каждой личности дарована полнота бытия, что смертью не кончается наше существование” [6, с. 220]. На каких же философских основаниях формировалась символическая поэзия Брюсова и его космические возврения?

Некоторые его суждения свидетельствуют о симпатиях поэта к материализму. Так, в статье “О искусстве” (1899) он пишет, “что в малом мире человека, как в великом мире вселенной, все находится в связи, все дышит взаимным согласием” [6, с. 46]. В статье “Истины” (1901) данное суждение подкрепляется еще одним материалистическим выводом: “Невозможно, чтобы между макрокосмом вселенной и микрокосмом человека не было соотношения” [6, с. 58]. В этой же статье обосновывается и положение о наличии двух истин. Первая из них представлена знанием астрономии, что “солнечный мир – ничтожная часть даже нами наблюданной вселенной, что земля – ничтожная пылинка в солнечной системе, а человек – временная пленница на земле” [6, с. 57]. Из какой астрономии поэт позаимствовал два последних вывода? Не будем их комментировать.

По его заявлению, существует и другой “круг мыслей, внушенных идеалистической философией”, которая “объясняет нам, что законы природы и все мироустройство… зависят и основано на трансцендентно субъективных свойствах нашего духа, что природе законы предписывает человек, что мир, как мы его знаем, создан нами. “Мир есть мое представление” – вот новая истинна. Противоречащая первой, но равнозначная ей” [6, с. 57, 58].

Но он отдает предпочтение идеалистической философии А. Шопенгауэра (1788–1860). Свою приверженность к этой философии он подтверждает и словами высокой поэзии:

*От дней земли пари в эфир,
Следи за веком век,
О, как ничтожен будет мир,
Как жалок человек!
Но, вздрогнув, как от страшных снов,
Пойми – все тайны в нас!
Где думы нет, там нет веков,
Там только свет, где глаз [6, с. 58].*

Окончательное утверждение относительно философских оснований своей поэзии и космизма Брюсов выражает положениями нового для него кумира – Шопенгауэра: “Мир есть мое представление. Мне даны только мои мысли, мои ощущения, мои желания – ничего больше и никогда больше. Из этого одиночества душа страстно порывается к общению. В единении с другою для нее блаженство. И единение возможно” [6, с. 52].

Возможность “единения” и “общения” его души с природным миром он пытался раскрыть положениями своего поэтического мастерства. Но все это было характерным для раннего периода его творчества. После 1910 г. он отходит от философии Шопенгауэра и символизма. В поэзии Брюсова фиксируется объективное существование природы и ее красоты. Он часто упоминает новейшие открытия естествознания, его научные понятия и принципы (мир электрона, мир N измерений, принцип относительности, штурм неба и т. д.). Как же конкретно проявился символизм в освещении этим поэтом природного мира и отношений к нему человека?

“Люблю я землю, звезд узоры и странные строения облаков”

Уже в одном из ранних стихотворений (“Осеннее чувство”, 1893), опубликованном в первом сборнике “Русские символисты” (1893), молодой поэт Брюсов фиксирует бытие осени в зависимости от его духовного состояния. Причем особенности природы этой поры года предстают перед ним как единство земного и космического бытия:

*Гаснут розовые краски
В бледном отблеске луны;
Замерзают в льдинах сказки
О страданиях весны...
Под лучами юной грязы
Не цветут созвучий розы
На куртинах Красоты,*

*И сквозь окна снов бессвязных
Не встречают звезд алмазных
Утомленные мечты [8, с. 33–34].*

В выражениях “созвучий розы на кутинах Красоты” и “окна снов бессвязных” Вл. Соловьев увидел “довольно верное определение” символического направления поэзии Брюсова [9, с. 507]. Он предсказывает и то, что из этого поэта “может выйти порядочный стихотворец”. Последующее творчество данного поэта подтвердило предвидение его учителя.

В. Я. Брюсов оказался достойным учеником Соловьева не только в области символизма, он продолжил и его разработку эстетики природы. Красота природного мира была в центре поэзии Брюсова. Поэта восхищали практически все его объекты и явления. Причем процесс их описания осуществляется с помощью метода символизма и на основе субъективного идеализма. Все это очевидно проявляется в стихотворении “Звездное небо бесстрастное” (1893):

Звёздное небо бесстрастное,
Мир в голубой тишине;
Тайна во взоре неясная,
Тайна, невнятная мне.

Чудится что-то опасное,
Трепет растёт в глубине;
Небо безмолвно, прекрасное,
Мир неподвижен во сне [8, с. 43].

Оказывается, что когда у поэта “взор неясный” и что-то ему “чудится”, тогда и небо предстает перед ним “бесстрастным и безмолвным”, да и весь мир – “неподвижным”. Однако небо и при таком духовном состоянии поэта продолжает оставаться “прекрасным”.

С эстетическими чувствами поэта соглашается и красота природы в зимний период года. Так, в стихотворении “Зимняя красота” (1902) он писал:

Твердят серебряные сени
О счастьи жизни для мечты,
О сладком бытии растений
В убранстве зимней красоты [8, с. 336].

Но далее поэт заявляет, что он “не приемлет их мерный шепот и белый зов”, а более всего любит “воскреснувшую землю” и “мощные побеги, на пире огненной весны!”

В его поэзии нашли свое освещение объекты Земли и Космоса, их красота не только в разные периоды года, но и в разное время суток, что фиксируется в названиях стихотворений: “Вечер” (1896), “Вечерний свет” (1899), “Ночь” (1902), “Зимний день” (1902), “Сумерки” (1906) и др. Специальные стихотворения Брюсова посвящены описанию теней, радуги, закатам, волнам моря и т. д. Все они предста-

ют красочными и неповторимыми. Их образное описание осуществляется поэтом в рамках развивающегося им символизма и на методологической основе философии Шопенгауэра.

Именно на основе этой философии Брюсов пытается раскрыть общность бытия жизни людей и природы. Весьма характерным свидетельством сказанному может быть стихотворение “Первый снег” (1895). Причем связующим фактором их единства бытия выступает красота природы в это время года:

Серебро, огни и блестки, –
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера [8, с. 79].

Далее подчеркивается, что “этот мир очарований // Этот мир из серебра”. В таком мире существенно меняется содержание социального и природного бытия. В нем “жизнь людей и жизнь природы // Полны новым и святым”. Но оказывается, что все это существует только в “грезах, призраках и снах” человека.

В поэзии Брюсова обращается внимание и на единение природы Земли с небом. Но оно осуществляется в период осеннего ненастяя. В стихотворении “Тени прошлого” (1898) он пишет:

Осенний скучный день. От долгого дождя
И камни мостовой, и стены зданий серы;
В туман окутаны безжизненные скверы,
Сливаются в одно и небо и земля [8, с. 215].

В такие дни в душе поэта нет “ни дерзости, ни веры”. Его охватывает “волна небытия”, да и мечта не может “унестись в живительные сферы”. Ему снится только прошлое, и “в виденьях полусонных // Встает забытый мир и дней, и слов, и лиц”. Многие “светлые думы” оказываются “погибшими и погребенными”.

С качественно иными чувствами и эмоциями поэт описывает Землю. Ее красота затмевает красоту всех других миров. В стихотворении “Прелести земли” (1901) ее красоту он выражает понятием “прелесть”:

Все реже я и все бесстрастней
Смотрю на прелести земли,
Как в детстве нежившие басни,
Красоты мира отошли [8, с. 336–337].

Причем наслаждение приносит ему Земля не только в дневное время, но и вочные часы. Именно ночью он “любит сумрачные краски // Громады стен в лучах луны”. “По-братьски” его приветствует и “мир дорасветной тишины”.

Особая любовь поэта к Земле зарождается тогда, когда она предстает перед ним в

единстве с космическими объектами. Данная сторона его космизма выражается в стихотворении “Земле” (1912). В нем он пишет:

*Как отчий дом, как старый горец горы,
Люблю я землю: тень ее лесов,
И моря ропоты, и звезд узоры,
И странные строенья облаков* [10, с. 98].

Все перечисленные объекты Земли и Космоса предстают перед поэтом как объективно существующие. Они и порождают его любовь к ним. Причем он еще “с детства” был “приучен” к восприятию “зеленых далей”, а в мечтах “сживался с единственной луной”. Для него “слуха грохот грома звучен // И глаз усталый нежит темнота”. Перечисление объектов и явлений Земли и Космоса, которые любит поэт, продолжаются и далее. Но он “молится земле, к ее священным глыбам // Устами истомными припав”.

Земля была для Брюсова той надежной площадкой, с которой кидал он свой “взор” и в “космические дали”. Становление его космической поэзии началось с чувственного восприятия всех земных и космических объектов и явлений. Но уже в зрелом возрасте космические мотивы стали занимать существенное место в его поэзии. Им стала обосновываться возможность единения человека с другими планетами Солнечной системы. Как все это выражалось в трудах поэта-космиста?

“С властелинами Марса и Венеры будем вместе мы”

В. Я. Брюсов вспоминал, что еще в раннем детстве, когда его общение осуществлялось только с “темными амбарами”, “огромными кулями” и “прочными конторками” купеческого двора, то уже и тогда он мечтал о другом мире, встрече с ним. В стихотворении “Мир” (1903) поэт писал:

*Я помню этот мир. И сам я в этом мире
Когда-то был как свой, сливался с ним в одно,
Я мальчиком глядел в то пыльное окно,
У сумрачных весов играл в большие гири
И лазил по мешкам в сараах, где темно.
Мечтания детские в те дни уже светлели;
Мне снились: рощи пальм, безвестный океан,
И тайны полюсов, и бездны подземелей,
И дерзкие пути междупланетных стран*

[8, с. 305].

Мечтания и сны будущего поэта стали предметом осмыслиения и выражения на новом этапе его литературного творчества, который начался во втором десятилетии нового века. В стихотворении “Сын земли” (1913) он говорил:

*Я – сын земли, дитя планеты малой,
Затерянной в пространстве мировом,
Под бременем веков давно усталой,
Мечтающей бесплодно о ином* [10, с. 97].

На этой планете “сладостна зеленая весна”. Здесь и “сны любви баюкает луна”. Отсюда осуществляется наблюдение за “движением планет” в “просторе темном” и сам поэт в далекое и “бесконечное бросает свой стих”. Он уверен и в том, что жители других планет “поймут его голос” и “его страстный вздох, домчавшийся с земли”. Им выражается уверенность и в том, что “властилины Марса или Венеры”, как и поэт Брюсов, являются “хранителями веры” и “завета о том, что будем вместе мы”.

Уверенность в будущем совместном бытии жителей Земли с населением других планет поэт подчеркивает и в стихотворении “Детские упования” (1914). В нем он пишет:

*Мы, кто стяг на полюс донесли,
Мы должны нести другим планетам
Благовестье маленькой Земли* [10, с. 102].

Здесь нельзя не отметить и того, что на становление космических взглядов Брюсова повлияли и космические идеи русского религиозного философа Н. Ф. Федорова (1828–1903). А. Г. Гачева свидетельствует об имевшейся встрече Брюсова с этим философом и их жарким споре по вопросу жизни и смерти человека. К сожалению, Гачева не указывает время их встречи. Она состоялась 21-го апреля 1900 г. Но Гачева отмечает и тот факт, что в 1908 г. Брюсову был подарен труд Федорова “Философия общего дела” (1 том). Поэт проявил большой интерес к мыслям Федорова [4, с. 137].

Подтверждением вышесказанному могут быть суждения самого поэта по одной из идей основоположника религиозно-философской ветви русского космизма. “Русский философ Федоров, – писал Брюсов в статье “Пределы фантазии”, – серьезно проектировал управлять движением Земли в пространстве, превратив ее в огромный электромагнит. На Земле, как на гигантском корабле, люди могли бы посетить не только другие планеты, но и другие звезды” [11, с. 70–71].

Необходимость полета и разведки возможностей проживания людей на других планетах Космоса Федоров связывал с тем, что наша Земля будет не в состоянии обеспечить жизнь растущего ее населения. “Вся земля наша, – писал он, – мала и ничтожна и мы должны искать средства к жизни в иных ми-

рах” [12, с. 333]. К последним он относил и звезды. По его заключению, “звезды назначены не для того, чтобы служить и поклоняться им, но что они большою частью также земли... назначенные для распространения области нашего труда” [12, с. 333].

Мечты философа о важности управлять движением Земли в мировом пространстве и его заселять Брюсов выразил в стихотворении “Хвала человеку” (1906):

*Верю, дерзкий! Ты поставил
По Земле ряды ветрил.
Ты своей рукой направишь
Бег в пространстве, меж светил, –*

*И насельники вселенной,
Те, чей путь ты пересек,
Повторят привет священный:
Будь прославлен, Человек! [8, с. 519].*

В стихотворении “Земля молодая” (1913) поэт вновь поднимает вопрос о важности человечеству направлять движение нашей планеты к другим космическим мирам:

*Правьте движеньем планеты, –
Бегом в пространстве небесном,
Бросьте сигнальные светы
Мирям неизвестным [10, с. 100].*

Необходимость поиска и заселения других планет Вселенной им связывалась с тем, что наша Земля не является вечной. Она может и погибнуть. В стихотворении “Предвещание” (1913) о такой участи Земли говорится весьма определенно:

*Быть может, суждено земле
В последнем холоде застынуть;
Всему живому – в мертвой мгле
С безвольностью покорной сгинуть
[10, с. 99].*

Вот почему поэт предупреждает людей о важности заранее позаботиться о новом месте своего обитания. Обоснование необходимости его поиска стимулировалось и постижением Брюсовым космических идей виднейшего представителя естественно-научной ветви русского космизма К. Э. Циолковского (1857–1935). Об интересе поэта к этим идеям свидетельствовал ученик и младший друг Циолковского, ученый-космист А. Л. Чижевский (1897–1964). Он вспомнил и записал свои встречи и беседы с Брюсовым, которые состоялись в 1920 г. На первой из них Брюсов признался своему собеседнику, что он “интересуется не только поэзией, но и наукой, вплоть до четвертого измерения, идеями Эйнштейна, открытиями Резерфорда и Бора. Материя таит

в себе неразгаданные чудеса...”. Далее он говорил об особом интересе к воззрениям Циолковского. Ведь он “является носителем сказочной идеи о возможном полете в другие миры на ракетных кораблях. Эти идеи вдохновили его на создание нескольких стихотворений” [13, с. 75].

На следующей их встрече Чижевский рассказывал Брюсову о личностных качествах своего учителя и трудностях, которые приходится ему преодолевать при обосновании своих идей, невозможности освещения их в научных изданиях. Особо подчеркивались тяжелые условия жизни русского космиста. Выслушав все сказанное Чижевским, Брюсов весьма эмоционально произнес: “Поистине только русский ум мог поставить такую грандиозную задачу – заселить человечеством Вселенную. Космизм! Каково! Никто до Циолковского не мыслил такими космическими масштабами!.. Уже это одно дает ему право стать в разряд величайших гениев человечества” [13, с. 78].

Именно космические идеи Циолковского “вдохновили” поэта на написание стихотворений: “Сын земли”, “Детские упования”, “Земля молодая”. Эти идеи определили и содержание данных стихотворений. К ряду таких стихотворений следует отнести и “Штурм неба” (1923). В нем поэт призывает “сынов отчизны милой” к новым усилиям на покорение неба:

*Штурм неба! Слушай! Целься! Пли!
Вслед за фарманом меть с земли
В зыбь звезд, междупланетный аэро!
[14, с. 168].*

В данном стихотворении звучит только призыв к “штурму неба”. Причем его осуществление связывается с прогрессом авиации. Ведь словом “форман” называлась одна из первых моделей самолета. Фармон – это имя конструктора такой модели. В незаконченной фантастической повести “Первая междупланетная экспедиция” (1920–1921) Брюсов описал полет управляемого человеком космического корабля на планету Марс и его обратное возвращение на Землю. Пилотировавшие корабль космонавты погибли, так как при его приземлении он разбился. Всем тем, кто создавал корабль и проектировал его полет, достались только дневниковые записки космонавтов о ходе полета. Автором повести делается вывод, что “вопрос о междупланетных сообщениях практически разрешен” [11, с. 107]. Принципиальным следует считать и положение, что конструкторам корабля “ удалось найти практическое при-

менение внутриатомной энергии и использовать ее в качестве моторной силы” [11, с. 106] корабля. В годы, когда писалась эта повесть, только Вернадский говорил о важности найти практическое применение атомной энергии. Им отмечалась и ответственность ученых за ее использование.

В поэзии Брюсова раскрывались и идеи вышеназванных физиков. Они тоже “вдохновляли” поэта на написание “научных” стихотворений. К таковым следует отнести: “Принцип относительности” (1922), “Мир электрона” (1922), “Мир N измерений” и др. Наше внимание привлекло стихотворение “Мир электрона”. В нем поэт пишет:

*Быть может, эти электроны
Мирь, где пять материков...
Ещё, быть может, каждый атом –
Вселенная, где сто планет;
Там – всё, что здесь, в объеме сжатом,
Но также то, чего здесь нет.
Их меры малы, но все та же
Их бесконечность, как и здесь [14, с. 172]*

Как близки суждения автора данных строк к заключению В. И. Ленина: “Электрон так же неисчерпаем, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно существует” [15, с. 277]. Нам неизвестно, читал ли Брюсов процитированный труд Ленина. Но совпадение их мыслей налицо. Поэт посвящал некоторые свои стихотворения и живому Ленину. В память “вождю народных воль” были написаны произведения “Ленин” (1924) и “После смерти В. И. Ленина” (1924).

Нельзя не отметить и того, что Брюсов оказал влияние на становление поэтического мастерства А. А. Блока, Андрея Белого и ряда других русских поэтов начала XX в. К тому же, будучи профессором Московского городского народного университета имени А. Л. Шанявского, профессором Московского университета и ректором основанного им Высшего литературно-художественного института, им прилагались большие усилия по духовному воспитанию студентов этих высших учебных заведений страны. В студенческие годы вечера поэзии Брюсова активно посещал будущий именитый биолог-космист Н. В. Тимофеев-Ресовский. В конце XX в. его поэзию высоко ценил и рекомендовал использовать в учебном процессе с учащимися и студентами математик-космист, академик Н. Н. Моисеев. Космизм этих ученых освещен в специальных работах автора данной статьи.

Заключение

Вот таким незаурядным поэтом-космистом был В. Я. Брюсов. Восприняв символизм и космизм В. С. Соловьева, он в своей поэзии воспел красоту природы Земли. В ней он увидел наличие космических факторов и описал их словами высокой поэзии. В ранний период своего литературного творчества космоземное бытие освещалось Брюсовым на основе символизма и субъективного идеализма. Во второй период его литературной деятельности преобладающим стало описание природного мира, его красоты как объективной реальности. В стихотворных трудах поэта стали заметны понятия и положения научного знания, начали подниматься вопросы практического постижения и освоения космического пространства. Брюсовым были восприняты космические взгляды К. Э. Циолковского и включены им в художественную литературу.

Космизм поэта формировался на восприятии религиозно-философских идей Федорова и Соловьева, а затем естественнонаучных взглядов Циолковского, но он самостоятелен в обосновании своей собственной позиции космизма. Брюсова следует считать одним из видных представителей литературно-художественной ветви в этом течении русской мысли. Космизм поэта отметил В. И. Вернадский. В наши дни космизм Брюсова заслуживает быть включенными в специальную литературу, посвященную раскрытию содержания русского космизма, да и в систему образования в целом.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1. Вернадский, В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский. – М. : Наука, 1978. – 354 с.*
- 2. Карако, П. С. Природа и нравственность / П. С. Карако. – Минск : Экоперспектива, 2013. – 244 с.*
- 3. Денин, В. Н. Русский космизм вчера, сегодня, завтра. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – Ч. 1 : Русский космос. – 200 с.*
- 4. Гачева, А. Г. Русский космизм в идеях и лицах/ А. Г. Гачева. – М. : Академический проект, 2019. – 431 с.*
- 5. Брюсов, В. Я. Стихотворения / В. Я. Брюсов. – М. : Люмощ, 1996. – 423 с.*
- 6. Брюсов, В. Я. Собр. соч. : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1975. – Т. 6. – 652 с.*
- 7. Лосев, А. Ф. Владимир Соловьев и его время / А. Ф. Лосев. – М. : Прогресс, 1990. – 720 с.*
- 8. Брюсов, В. Я. Собр. соч. : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1975. – Т. 1. – 670 с.*
- 9. Соловьев, В. С. Философия искусства и литературная критика / В. С. Соловьев. – М. : Искусство, 1991. – 698 с.*

10. **Брюсов, В. Я.** Собр. соч. : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1975. – Т. 2. – 494 с.
11. Литературное наследство. – М. : Наука, 1976. – Т. 85 : Валерий Брюсов. – 854 с.
12. **Федоров, Н. Ф.** Философия общего дела : в 2 т. / Н. Ф. Федоров. – М. : АСТ, 2003. – Т. 1. – 699 с.
13. **Чижевский, А. Л.** Всё жизнь / В. Я. Чижевский. – М. : Сов. Россия, 1974. – 208 с.
14. **Брюсов, В. Я.** Собр. соч. : в 7 т. / В. Я. Брюсов. – М. : Худож. лит-ра, 1975. – Т. 3. – 694 с.
15. **Ленин, В. И.** Полн. собр. соч. / В. И. Ленин. – М. : Политиздат, 1973. – Т. 18. – 525 с.

Поступила в редакцию 16.03.2021 г.

Контакты: Kaliadka@bsu.by
(Карако Петр Семенович)

Karako P. V.Ya. BRYUSOV AS A POET OF NATURE AND A REPRESENTATIVE OF RUSSIAN COSMISM

The article reveals the content of the space ideas of the prominent Russian poet V. Ya. Bryusov. It emphasizes the peculiarities of literary and artistic comprehension and expression in the language of high poetry of the cosmos-terrestrial existence of the world in which a person is located and his relations with this world are realized. Special attention is paid to the philosophical foundations of his cosmism, which changed in the course of the poet's creative activity. The influence of the cosmic ideas of other representatives of Russian cosmism (N. F. Fedorov, V. S. Soloviev, K. E. Tsiolkovsky) on the formation of Bryusov's cosmism is noted. The conclusion is made about the involvement of the latter in the literary and artistic branch of Russian cosmism.

Keywords: Nature, Earth, Universe, Space, sky, peace, beauty, symbolism, subjective idealism, cosmism, Russian cosmism, spaceship.

УДК 1 (476) (091) + 2 (476)

**КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА
г. МИНСКА: СПЕЦИФИКА И
РАЗВИТИЕ В КОНТЕКСТЕ
РЕЛИГИОЗНОГО ПРОСТРАНСТВА
БЕЛАРУСИ 2000–2020 гг.¹**

B. B. Старостенко

кандидат философских наук,
профессор кафедры философии
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

В контексте конфессиональной жизни Беларуси 2000-х гг., в сопоставлении с другими регионами страны рассматриваются характерные черты современной религиозной ситуации в г. Минске. Показано, что столичный регион республики отличается наиболее высоким религиозным разнообразием и стабильностью конфессиональной структуры и в то же время наиболее низким уровнем религиозности и конфессиональной активности населения. Характеризуется поликонфессиональность региона, сочетаемая с доминированием организаций христианского типа, прежде всего Белорусской православной церкви (БПЦ), Христиан веры евангельской (ХВЕ), Римско-католической церкви (РКЦ) и Евангельских христиан-баптистов (ЕХБ).

Ключевые слова: Минск, конфессиональная структура, религия, конфессия, христианство, Белорусская православная церковь, Христиане веры евангельской, Римско-католическая церковь, Евангельские христиане-баптисты, религиозная община.

Введение

В условиях поликонфессиональности современной Беларуси, существования в общественном сознании разнонаправленных традиций и тенденций секуляризма и сакрализации значимым является исследование религиозной ситуации и процессов в конфессиональной сфере. Особое место среди актуальных проблем современного религиоведения занимает “анализ религиозной специфики регионов страны” [1, с. 543].

Особенности региональной географии религий обусловлены историческими обстоятельствами, процессами социально-экономического, демографического, историко-куль-

турного развития. Особое место среди регионов Беларуси занимает г. Минск как наиболее социально динамичный, высокоурбанизированный и культурно-цивилизационный центр страны.

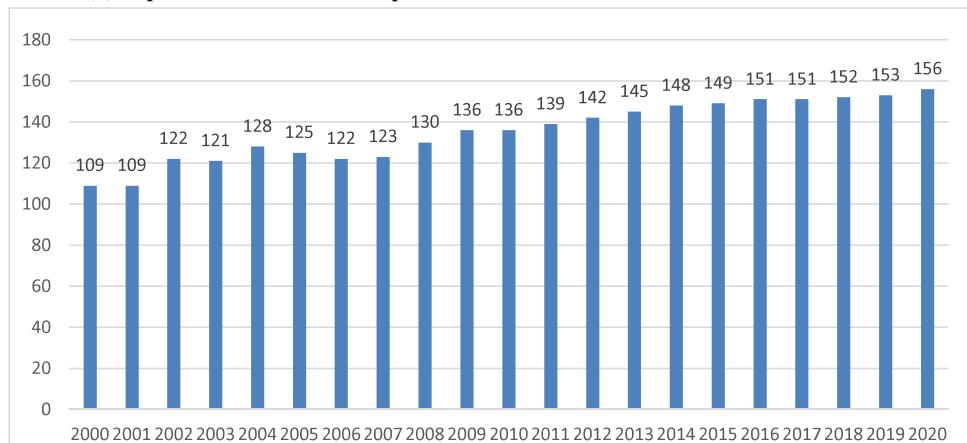
Основная часть

В конфессиональном поле г. Минска, как и в целом в республике, на рубеже 1980 – 1990-х гг. сформировался феномен “религиозно-церковного ренессанса”. Социологические опросы в постсоветской Беларуси демонстрировали значительный рост формальной религиозной самоидентификации населения [2, с. 38–39], при этом оценки реальной религиозности общества противоречивы [3; 4]. Наблюдаются и региональные особенности. Если в целом по республике наиболее репрезентативное исследование 2006 г. указывало на 58,9% носителей религиозной самоидентификации, то в г. Минске о том, что “верят в Бога”, заявляло только 50% респондентов, что является наименьшим показателем среди регионов страны (напротив, в Гродненской области – 65,5%, Брестской – 64%). Социально-культурная и демографическая специфика столицы обусловила и наиболее значительный в республике удельный вес «колеблющихся» в отношении религии (28,2%), и уступающее лишь Витебской области (20,3%) высокое число “неверующих” – 16,2% (при 12,3% в Беларуси в целом). Соответственно минские респонденты образовали самый крупный в стране региональный совокупный сегмент “неверующих” и “колеблющихся” в своем отношении к религии – 44,4% респондентов [2, с. 62; 5, с. 52].

Наиболее значимым визуальным проявлением “религиозно-церковного ренессанса” стало существенное увеличение численности религиозных организаций. Положительная динамика роста сохранялась и в 2000-х гг. Если на начало 2000 г. в регионе насчитывалось 109 зарегистрированных религиозных общин [2, с. 243], то к 2020 г. их количество возросло до 156 [6], т. е. в 1,43 раза, что несколько выше общереспубликанского показателя роста (в 1,35 раза) [диаграмма 1].

¹ Публикация подготовлена при выполнении задания 12.1.3 Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы.

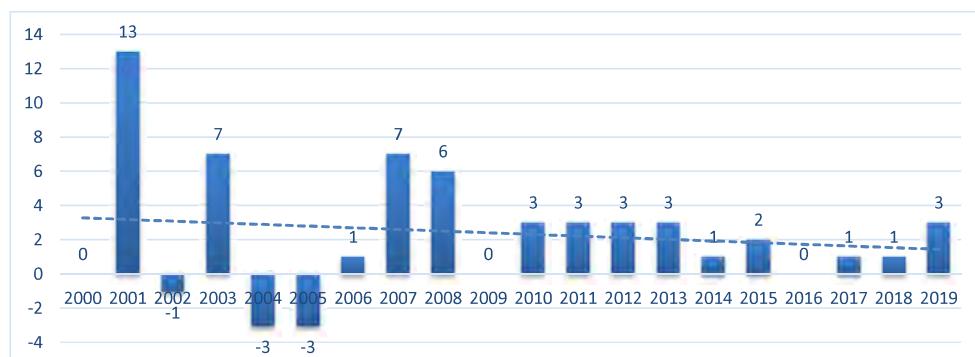
Диаграмма 1 – Количество религиозных общин г. Минска в 2000–2020 гг.

В то же время в динамике роста наблюдается тенденция существенного снижения. Если за подпериод 2000–2009 гг. количество общин возросло на 27 (даже при уменьшении численности за 2002, 2004 и 2005 гг. на 7 об-

щин), то за 2010–2019 гг. – лишь на 20 общин, т. е. темпы роста снизились в 1,4 раза [диаграмма 2], что в целом коррелируется с общереспубликанским процессом сокращения числа новых религиозных организаций [6, с. 25].

Диаграмма 2 – Динамика роста числа общин г. Минска по годам за 2000–2019 гг.

Конфессиональная структура современной Беларуси представлена в г. Минске на начало 2020 г. общинами практически всех религиозных направлений – 22 из 25 конфессий. Тем самым столица характеризуется наибольшей степенью поликонфессиональности из всех регионов страны: в Могилевской области функционируют общины 20 конфессий, в Минской – 13, в Гродненской, Брестской, Гомельской и Витебской областях – по 17 [7].

В столичном регионе на начало 2019 г. в религиозных структурах всех конфессий были заняты 322 священнослужителя (в 2010 г. – 225), главным образом БПЦ (209) [8]. На начало 2020 г. действовали 69 культовых зданий и еще 27 строилось (в 2010 г. – 35 и 19), причем

официально ими располагали организации лишь 8 конфессий, преимущественно БПЦ (44) и РКЦ (12) [9]. В г. Минске также сосредоточены управляющие центры всех конфессий, располагающих республиканскими религиозными объединениями, находятся главные кафедральные соборы ведущих церквей “традиционного” христианства – БПЦ (Святого Духа) и РКЦ (Пресвятой Девы Марии).

Согласно общей исторической типологии религий зарегистрированные религиозные организации Минска принадлежат к 18 направлениям трех мировых религий (христианство, ислам и буддизм), 2 течениям национальной религии (иудаизма) и 2 – новых религиозных объединений.

Религиозная структура современного Минска носит, как и в республике в целом, ярко выраженный поликонфессиональный характер, но с доминированием организаций христианского типа. К христианству относятся 16 направлений из 22, и они объединяют около 92,3% зарегистрированных в области религиозных общин (в республике в целом – 97,4%). На начало 2020 г. православие было представлено 48 общинами Белорусской православной церкви (БПЦ) и 2 – Старообрядческой церкви. Католицизм – Римско-католической церковью (21), греко-католиками (4) католиками латинского обряда (1).Monoфизитство – 2 общинами Армянской апостольской церкви. Ранний протестантизм – общиной реформатов и 2 –

лютеранства. Неопротестантизм – общинами пятидесятников Христиан веры евангельской (23) и неопятидесятников Христиан полного Евангелия (10), а также Евангельских христиан-баптистов (18), Новоапостольской церкви (1), Адвентистов седьмого дня (6), Свидетелей Иеговы (1), Церкви Христовой (2) и мормонов, или Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (2). К нехристианскому спектру относятся 3 общины ислама (2 суннитских и 1 шиитская, единственная в Беларуси), 6 общин иудаизма, представляющие его ортодоксальное (3) и реформистское – “прогрессивный иудаизм” (3) течения, а также единичные общины бахаизма, кришнаизма (вайшнавизма) и буддизма [таблица 1; диаграмма 3].

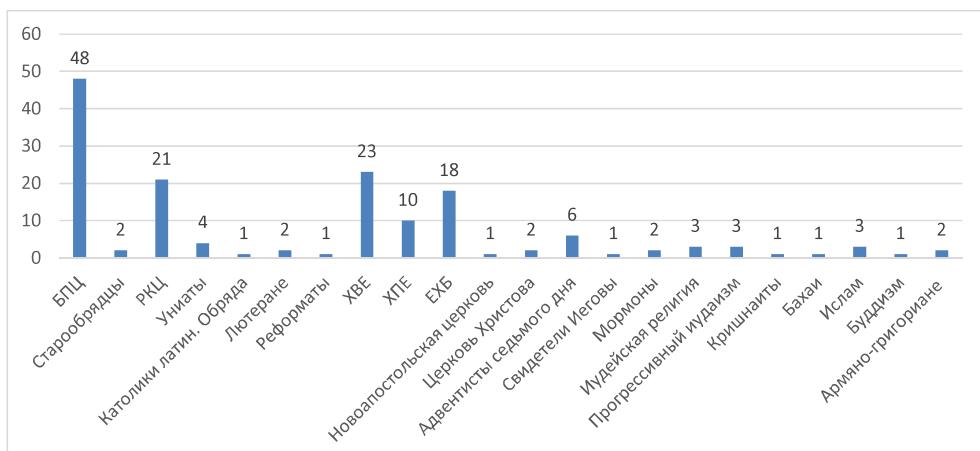
Таблица 1 – Конфессии и религиозные общины г. Минска (на 1.01.2020 г.)

№ п/п	Конфессия	Коли- чество об- щин в ре- спублике	г. Минск		
			Количество общин в ре- гионе	% общин конфес- сии в регионе от общей численно- сти общин конфес- сии в республике	% общин конфессии от общей числен- ности общин в регионе
1	Православная церковь (БПЦ)	1709	48	2,8	30,8
2	Старообрядческая церковь	34	2	5,9	1,3
3	Римско-католическая церковь (РКЦ)	498	21	4,2	13,5
4	Католики латинского обряда	1	1	100	0,6
5	Греко-католическая церковь (униаты)	16	4	25	2,6
6	Армянская апостольская церковь	4	2	50	1,3
7	Реформатская церковь	1	1	100	0,6
8	Пресвитерианская церковь	1	0	0	0
9	Лютеранская церковь	25	2	8	1,3
10	Христиане веры евангельской (ХВЕ)	524	23	4,4	14,7
11	Христиане полного евангелия (ХПЕ)	62	10	16	6,4
12	Христиане веры апостольской (ХВА)	11	0	0	0
13	Евангельские христиане-баптисты (ЕХБ)	281	18	6,4	11,5
14	Адвентисты седьмого дня (АСД)	73	6	8,2	3,8
15	Свидетели Иеговы	27	1	3,7	0,6
16	Новоапостольская церковь	21	1	4,8	0,6
17	Церковь Христова	5	2	40	1,3
18	Мессианские общины	3	0	0	0
19	Мормоны	4	2	50	1,3
20	Иудейская религия (ортодоксальный иудаизм)	38	3	7,9	1,9

Окончание таблицы 1

№ п/п	Конфесія	Коли- чество об- щин в ре- спубліці	г. Мінск		
			Количество общин в ре- гионе	% общин конфес- сии в регионе от общей численно- сти общин конфес- сии в республике	% общин конфесії от общей числен- ності общин в регионе
21	Прогрессивный иудаизм (реформированный иудаизм)	15	3	20	1,9
22	Мусульманская религия	24	3	12,5	1,9
23	Бахай	5	1	20	0,6
24	Кришнанты	6	1	16,7	0,6
25	Буддизм	1	1	100	0,6
	Всего	3389	156	4,6	100

Диаграмма 3 – Конфессии и религиозные общины г. Минска на 1.01.2020 г.

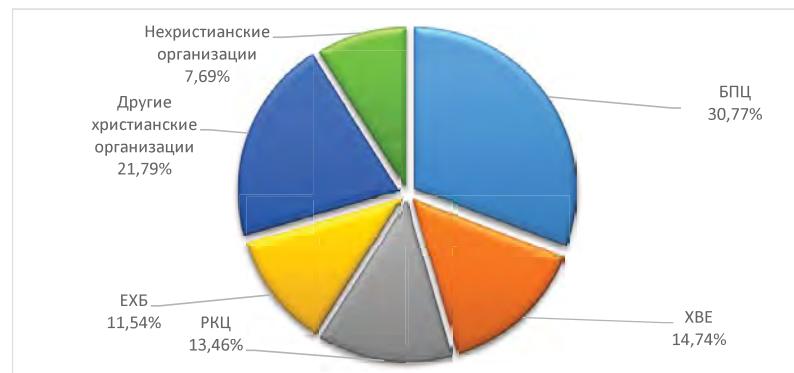

Из религиозных организаций, зарегистрированных в Республике Беларусь, в столице отсутствуют общины пресвитериан (ранний протестантанизм), позднепротестантские Христиане веры апостольской и мессианские общины. Вместе с тем только в Минске действуют, хотя и единичные, общины католиков латинского обряда, реформатов и буддистов. На столичный регион приходится половина республиканской численности армяно-греко-католиков, пятая часть – прогрессивного иудаизма и бахаистов. И, напротив, на г. Минск, несмотря на очевидный приоритет в численности населения, приходится, как правило, наименьший сегмент общереспубликанской численности общин ведущих конфессий. Так, столица аккумулирует лишь 2,8% общин БПЦ (Брестчина – 22,8%, Минщина – 22,6%, а менее всего в областях на Могилевщине – 8,0%), 4,4% ХВЕ (Брестчина – 31,5%, менее всего в

областиах на Гродненщине – 6,1%), 6,4% ЕХБ (Брестчина – 32,0% менее всего в областях на Гродненщине – 7,1%), 4,2% РКЦ (меньше только на Гомельщине – 4,0%, но в Минской области – 19,5%).

Как и в других регионах и в стране в целом, в г. Минске отсутствует абсолютное доминирование какой-либо одной конфессии. Наиболее прочные позиции по численности религиозных общин занимают, как и в республике в целом [10, с. 59; 11, с. 91], четыре религиозных направления – Белорусская православная церковь (около 30,8% от всех общин в столице), Христиане веры евангельской (около 14,7%), Римско-католическая церковь (около 13,5%) и Евангельские христиане-баптисты (около 11,5%). На остальные 18 конфессий приходится только около 29,5% от общерегиональной численности религиозных общин [диаграмма 4].

Диаграмма 4 – Конфессиональная структура г. Минска на 1 января 2020 г.

При этом удельный вес БПЦ в конфессиональном пространстве региона, по сравнению с общереспубликанской ситуацией, значительно ниже, а доля ЕХБ, напротив, выше. Так, в республике доля БПЦ составляет около 50,4%, ХВЕ – около 15,5%, РКЦ – около 14,7%, но ЕХБ – лишь 8,3%.

В 2000-х гг. сохраняется высокая степень стабильности конфессиональной структуры региона. В этот период созданы и прошли установленную процедуру государственной регистрации единичные общинь лишь двух конфессий – армяно-григориан (2003 г.) и буддизма (2015 г.), а утратили регистрацию организации оомото (2004 г.), мессиан (2006 г.) и Христиан веры апостольской (2005 г.). Наиболее заметным за последние 20 лет был рост общин БПЦ (на 22), РКЦ (на 13), ХВЕ (на 4) и адвентизма (на 4 общинь). От 1 до 2 органи-

заций выросло число общин греко-католиков, лютеран, ЕХБ, ортодоксального и прогрессивного иудаизма, мусульман. За тот же период единично сократилось лишь количество общин старообрядцев, католиков латинского обряда и мормонов.

Сохраняется в 2000-х гг. и традиционная специфика конфессиональной географии Беларуси, проявляемая в большей религиозной активности областей западной и центральной части страны [12, с. 26-27; 13, с. 10]. По сравнению со всеми другими регионами страны г. Минск отличается наименьшей конфессиональной активностью населения. В частности, представленные здесь на начало 2020 г. религиозные общинь составляли лишь около 4,6% от их общей численности в Беларуси [диаграмма 5].

Диаграмма 5 – Соотношение количества религиозных общин в регионах Беларуси на 1.01.2020 г.

При этом в столичном регионе на 1 января 2020 г. проживало около 21,5% населения страны. Для сравнения: наибольшая в республике численность религиозных общин сохранилась в Брестской (около 22,6%), Минской (около 20,9%) и Витебской (16,5%) областях, где проживает около 14,3%, около 15,6% и около 12,0% населения республики соответственно [14]. Наименьшей конфессиональной

активностью среди областей Беларуси традиционно отличается Могилевщина [15, с. 281].

Заключение

Специфика столичного региона выявляется в наиболее низком в стране уровне религиозности населения и наиболее значительном региональном совокупном сегменте “неверующих” и “колеблющихся” в отношении к

религии. Аккумулируя более 21% населения при менее 5% религиозных общин, Минск отличается и наименьшей в стране конфессиональной активностью. Вместе с тем регион выделяется самой высокой в республике степенью религиозного разнообразия, располагая общинами 22 из 25 конфессий, имеющих в Беларуси легальный статус.

В конфессиональной структуре столицы доминируют организации христианского типа, объединяющие более 92% религиозного массива региона. Ведущими конфессиями, как и в республике в целом, выступают четыре вероисповедания – Белорусская православная церковь (около 30,8% от всех религиозных общин в столице), Христиане веры евангельской (около 14,7%), Римско-католическая церковь (около 13,5%) и Евангельские христиане-баптисты (около 11,5%). При этом большинство из них, прежде всего БПЦ, имеют в регионе меньший удельный вес по сравнению с республикой в целом.

В 2000-х гг. в столичном регионе сохраняется перманентный рост численности религиозных организаций, количество общин выросло с 109 в 2000 г. до 156 в 2020 г., т. е. в 1,4 раза, что несколько выше общереспубликанского показателя роста. Вместе с тем в его динамике выявляется тенденция существенного снижения в создании новых общин, темпы ежегодного прироста во втором десятилетии 2000-х гг. по сравнению с первым десятилетием снизились в 1,4 раза.

Высокая степень конфессионального плюрализма региона обуславливает актуальность перманентного мониторинга религиозной сферы, ситуации в области межконфессиональных взаимоотношений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Старostenко, В. В.* Актуальные проблемы современного религиоведения в Беларуси / В. В. Старostenко // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого Белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларусь, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 542–543.
2. *Старostenко, В. В.* Религия и свобода совести в Беларуси: очерки истории: монография / В. В. Старostenко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. – 272 с.
3. *Дьяченко, О. В.* Религиозный традиционализм и модернизм: в поисках смысла / О. В. Дьяченко // Религия и общество – 6 : сб. науч. статей / под общ. ред. В. В. Старostenко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2011. – С. 174–177.
4. *Старostenко, В. В.* Религиозность в современной Беларуси: мифы и действительность / В. В. Старostenко // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы Междунар. науч.-практич. конф., 20–21 мая 2010 г., Могилев / редкол. Ю. М. Бубнов (отв. ред.) [и др.] : в 2 ч. – Могилев : МГУП, 2010. – Ч. 1. – С. 334–337.
5. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: атлас / Белорус. гос. ун-т, геогр. фак. ; под рук. И. И. Пирожника. – Минск : БГУ, 2007. – 56 с.
6. *Старostenко, В. В.* Религиозная ситуация в Могилевской области / В. В. Старostenко. – Могилев : Могилевский облисполком, 2019. – 68 с.: ил.
7. Религиозные общины в Республике Беларусь на 1 января 2020 г. [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <https://belarus21.by/Articles/kolichestvo-religioznyh-obshchin-v-respublike-belarus-na-1-yanvarya-2019-g.> – Дата доступа: 11.04.2020 г.
8. Количество священнослужителей в религиозных общинах в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <https://www.belarus21.by/Cat/3.> – Дата доступа: 11.04.2019.
9. Сведения о культовых зданиях религиозных общин в Республике Беларусь (на 1 января 2020 г.) [Электронный ресурс] // Уполномоченный по делам религий и национальностей. – Режим доступа: <https://www.belarus21.by/Articles/svedeniya-o-kultovuyh-zdaniyah-religioznyh-obshchin-v-respublike-belarus.> – Дата доступа: 11.04.2020.
10. *Старostenко, В. В.* Католицизм на современном этапе развития белорусского общества (религиоведческий анализ) : монография / В. В. Старostenко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2018. – 168 с.: ил.
11. *Старostenко, В. В.* Специфика конфессионального пространства восточного региона Республики Беларусь / В. В. Старostenко // Романовские чтения – 13: сборник статей Международной научной конференции, посвященной 105-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 25–26 октября 2018 г. / под общ. ред. А. С. Мельниковой. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2019. – С. 90–91.

12. *Старостенко, В. В.* Тенденции и особенности современной конфессиональной ситуации в Республике Беларусь / В. В. Старостенко // Веснік МДУ імя Я. А. Куліашова. – 2005. – № 1. – С. 26–34.

13. *Старостенко, В. В.* Современная религиозная ситуация и конфессии в Республике Беларусь: пособие / В. В. Старостенко. – Могилев : МГУ имени Я. А. Кулешова, 2008. – 88 с.

14. Численность населения на 1 января 2020 г. по областям и г. Минску // Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/ssrd-mvf_2/natsionalnaya-stranitsa-svodnyh-dannyyh/naselenie_6/chislenost-naseleniya1_yan_poobl/. – Дата доступа: 14.01.2021 г.

15. *Старостенко, В. В.* Могилевская область в динамике конфессиональных процессов: 1990-е – 2017 гг. / В. В. Старостенко // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў Х Міжнар. навук. канф., 25–26 мая 2017 г., г. Магілёў / уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2017. – С. 281–286.

Поступила в редакцию 01.03.2021 г.

Контакты: starostenko@msu.by
(Старостенко Виктор Владимирович)

Starostenko V. CONFESSİONAL STRUCTURE OF MINSK: SPECIFICITY AND DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF THE RELIGIOUS SPACE OF THE REPUBLIC OF BELARUS DURING 2000–2020s.

In the context of the confessional life of Belarus in the 2000s, in comparison with other regions of the country, characteristic features of the modern religious situation in Minsk are considered. It is shown that the capital region of the republic is distinguished by the highest religious diversity and stability of the confessional structure, and at the same time by the lowest level of religiosity and confessional activity of the population. The regional poly-confessional nature combined with the dominance of the Christian organizations, primarily the Belarusian Orthodox Church, Christians of Evangelical Faith, the Roman Catholic Church and Evangelical Christians-Baptists is characterized.

Keywords: Minsk, confessional structure, religion, confession, Belarusian Orthodox Church, Christians of Evangelical Faith, Roman Catholic Church, Evangelical Christians-Baptists, religious community.

УДК 821.161.3-193'06+[821-193.09'06-027.63]

СТЫЛІСТЫЧНЫЯ СРОДКІ Ў МАЛЫХ і МІНІМАЛЬНЫХ ПАЭТЫЧНЫХ ФОРМАХ СУЧАСНай БЕЛАРУСКАЙ і СУСВЕТНАЙ ЛІТАРАТУРЫ

Л. М. Садко

кандыдат філалагічных навук, дацэнт
Брэсцкі дзяржбайны ўніверсітэт
імя А.С. Пушкіна

У артыкуле вызначаны асноўная стылістичныя сродкі стварэння малых і мінімальных паэтычных тэкстаў, заснованых на колькасна абмежаваным вербальным матэрыйяле (антанаклазіс, каламбурызация, эліпс, таўталогія) на прыкладзе творчасці сучасных беларускіх майстроў мастацтва слова Кандрата Крапівы, Н. Гілевіча, Г. Ціханавай, М. Пазнякова, Сержы Мінскевіча, А. Разанава, сучасных нямецкамоўных аўтараў Э. Яндля, А. Кнотэка, Р. Доля, Г. Румы, рускіх паэтаў-лано-заўду Я. Сатунойскага і Ус. Някрасава.

Ключавыя слова: малыя і мінімальныя паэтычныя тэксты, мінімалізм, імпліфікацыя, антана-клазіс, каламбурызация, эліпс, таўталогія, Кандрат Крапіва, Н. Гілевіч, Г. Ціханава, М. Пазнякоў, Серж Мінскевіч, А. Разанава, Я. Сатунойскі, Ус. Някрасаў, Э. Яндль, А. Кнотэк, Р. Доль, Г. Рум.

Уводзіны

У сярэдзіне ХХ ст. англійскі філосаф і культуролаг Р. Волхайм, аналізуючы творы М. Дзюшана і іншых поп-артыстаў у эсэ “Мінімаларт” (1965), даў назуву гэтай специфічнай з’яве ў жывапісе. Пазней гэта паняцце распаўсюдзілася і на сумежныя віды мастацтваў пад іншымі найменнямі – “прахалоднае мастацтва”, “АБВ-мастацтва”, “серыйнае мастацтва”, “першасная структуры”, “мастацтва як працэс”, “сістэматычны жывапіс”. Гэты падыход шмат у чым абапіраўся на ідэі, выказанныя ў маніфестацыйнай форме тэарэтыкам і практикам футурызму Т. Марыненці яшчэ ў 1909 г. Вядомы авангардист сцвярджаў права аўтара на свабоду ад правілаў граматыкі, заклікаў выкарыстоўваць “тэлеграфны стыль”, што шмат у чым апярэдзіла з’яўленне прынцыпаў мінімалізму ў розных відах мастацтва. Расійскі літаратуразнаўца Ул. Кулакоў звяртае ўвагу, што “авангард начала века с его предельным обнажением и драматизацией материала, фактуры, придал этим приемам формуобразующий статус” [1, стб. 546].

© Садко Л. М., 2021

Акрамя эксперыменталаў аўтараў-авангардистаў ёўрапейскага і сусветнага мастацтва, эстэтыка і паэтыка мінімалізму часцяком گрунтуюцца на ідэях дзэн-будызму і іншых усходніх практык, у прыватнасці, японскага вабі, сабі, сібуй і ма, цішыні і прастаты і як эстэтычных, і як этычных катэгорый.

Культуролаг М. Манькоўская адзначае, што мінімалізм у самым агульным выглядзе можа быць інтэрпрэтаваны “как экономия художественных средств, ...художественное течение, исходящее из минимальной трансформации используемых в процессе творчества материалов, простоты и единобразия форм, монохромности, творческого самоограждения художника” [2, с. 1316].

На сучасным этапе стратэгіі мінімалізму актуалізованы ў постмадэрнісцкай мастацткай практыцы ў сувязі з пастулатам аб “смерці аўтара”. Наратыўная тыранія і ўлада аўтарскай пазіцыі ў мінімалізме практычна не праяўляюць сябе, дазваляючы свабоду інтэрпрэтацыі. Аўтары, якія прымаюць дактрыну мінімалізму, звязраюцца да маніпуляцый з канкрэтнымі аб'ектамі, параграфічнымі знакамі, эксперыментуюцца з жывым, гутарковым маўленнем, максімальна адчуваючыся ад тэкstu, тым самым руйнуючы інстытут аўтарства. Акрамя таго, яшчэ адной прыкметай эстэтыкі і паэтыкі мінімалізму становіцца адмаўленне прыярытэту высокай мастацкасці і пафаснасці, у той ці іншай ступені характэрных для класічнай літаратурнай традыцыі.

Неабходна адзначыць, што ў поўным аб'ёме функцыянаванне твораў, заснованых на ідэях мінімалізму, магчыма ў культурах з багатымі мастацкімі традыцыямі. Апазіцыя элітарнага і масавага, якая сфарміравала сістэму літаратурнай іерархіі, прадугледжвае, што мастацтва мінімалізму можа існаваць толькі як своеасаблівы мінус-прыём, зразумелы ў кантэксце развітой мастацкай традыцыі як нейкая супрацьлегласць ёй, метад дэаўтаматызацыі ўспрымання.

У сучаснай беларускай і сусветнай паэзіі значае распаўсюджванне атрымліваюць мінімізаваныя тэксты, механізмы стварэння і інтэрпрэтацыі якіх, безумоўна, گрунтуюцца на неадпаведнасці плана выражэння і плана зместу моўнага знака, на прынцыпах імпліфікацыі сэнсу тэксту, апасродкованага, няяўнага данясення інфармацыі. Вядомы лінгвіст К. А. Далянін сцвярджае, што “содержание, которое прямо не воплощено в узульных лексических и грамматических значениях языко-

вых единиц, составляющих высказывание, но извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии, мы назовем имплицитным содержанием высказывания, или подтекстом” [3, с. 37]. У связи с этим адначым, што існаванне падтэксту, схаванага сэнсу можа быць вызначана як прынцыпова важная ўласцівасць менавіта мастацкага тэксту.

Мэта даследавання – асэнсаваць спэцифіку стылістычных сродкаў стварэння малых і мінімальных паэтычных тэкстаў з імпліцитным зместам у кантэксце творчасці беларускіх і замежных паэтав XX ст. У даследаванні выкарыстоўваюцца прыёмы гісторыка-функцыянальнага, структурна-функцыянальнага, тыпалагічнага, генетычнага метадаў.

Асноўная частка

Адным са спосабаў імпліфікацыі ў творчасці шэрагу беларускіх і замежных аўтараў з’яўляеца такі тып гульні слоў, як антанаклазіс. У тэксле гэты стылістычны прыём выяўляеца ў паўторы аднаго і таго ж слова, але ў розных значэннях.

Тэксты зборніка “Загадкі дзеда Кандрата” Кандрата Крапіві дэмантруюць магчымасці антанаклазіса. Пісьменнік засноўвае свае загадкі на словаҳ-амонімах, абыгрываючы іх рознае значэнне. Варта адначыць, што ўжо ў загалоўку твораў змяшчаецца разгадка, ключавы выраз, чытчу застаецца праверыцы свае веды пра семантыку слова, даведацца пра пэўныя тонкасці словаўжывання. Вось, напрыклад, загадкі “Галава” і “Два султаны” адпаведна:

*Кожны з нас,
Хто живе,
Мае па галаве.
А бывала ж яна
І на горад адна* [4, с. 402].

*Сядзіць на дыване
Султан на султане,
А што эта значыць,
Прашу расплюмачыць* [4, с. 404].

Імпліфікацыя значэння назіраецца таксама ў форме каламбурызациі як мастацкім прыёме. Напрыклад, у “Каламбурах” Н. Гілевіча сустракаюцца варыянты абыгрывання амографаў:

*Барсуки ў глыб нары,
Баючыся кары,
Нацягали шмат кары
І зрабілі нары* [5, с. 312].

*Што ні хвіля, ні гадзіна –
Лезе з скуры гадзіна.
У весь век яму гадзіла,
А ён кажа: гадзіла!* [5, с. 312].

Прыкладамі каламбураў могуць стаць і тэксты Г. Ціханавай. Зборнік двухрадкоўшчы “Марскія шпількі” гэтага аўтара дэмантруе аналітычны падыход да слова, раздзяленне яго на складнікі. Дэталёвае лексіка-фанетычнае даследаванне тут спалучаецца з парадаксальнасцю семантыкі, глубокай метафорыкай:

*Гэта ўсё месяц праглынуў.
Гэта ўсё месяц – прагні нуль* [6, с. 178].

*Скончыўся вечар цікава...
Скончыўся вечар... ці кава?* [6, с. 184].

Яшчэ адна фігура памяншэння, якая выкарыстоўваецца ў малых і мінімальных паэтычных тэкстах – гэта эліпс і яго разнавіднасці. Сапраўдным крэда “ліланозаўскай школы” ў сучаснай рускай паэзіі якраз становяцца разнастайныя спосабы замоўчвання. Характэрным прыкладам можа быць верш Я. Сатуноўскага, у якім праз апасяпезіс, экстраардынарную праяву эліптычнай канструкцыі, заяўлены прынцыпы мінімалізацыі, характэрныя для паэтай-ліланозаўцу – самога Я. Сатуноўскага і Севы – Ус. Някрасава:

*Все пишут большие поэмы.
Только мы с Севой* [7, с. 85].

Радыкальнае развіццё інтэнцый мінімалізму фіксуецца ў тэксле абрывам аповеду, атмасферай недамоўленасці. “Пазатэкставая” інфармацыя тут актуалізуецца дзякуючы фонавым ведам чытчыца пра дзеянасць рускага канкрэтнага, а таксама досыць лёгка счытваецца ў тэксле дзякуючы антанімічнай пары “вялікі/малы”.

Мноства вершаў Ус. Някрасава заснавана на візуальна пазначаным эліпсе, нестандартнай графіцы верша, нязвыклія вялікіх інтэрвалах паміж словамі, радкамі, іншымі кампанентамі тэксту, што прыводзіць да розных экспрэсійных эффектаў – нечаканасці, напружання, медытатыўнага раздуму і інш.:

Всё

Слушаем море [8, с. 239].

Іншым аспектам эліпсу можна лічыць эстэтыку вабі, сабі, сібуй і ма, што ляжыць у аснове паэтычнай традыцыі вершаў, створаных па мадэлі ўсходніх жанраў хоку і танка, дзе акцэнт робіцца на свабоду прасторы і асцэтычнасць упрыгожанняў. “Нябыт”, “нішто”, “стрыманасць” у японскай філасофіі – істот-

ныя і сутнасныя харктырыстыкі свету, часцяком пустата, пазбаўленая ёўропейскага негатыўнага разумення, становіцца цэнтрам паэтычнай мініяцюры. Так, адсутнасць, маўчанне, нішто – актыўныя элементы мастацкасці. Шэраг беларускіх аўтараў распрацоўваюць падобны медытатыўна-філасофскі падыход да пабудовы вобразаў свету і чалавека. Напрыклад, М. Пазнякоў стварае, па аўтарскім вызначэнні, “бліскавінкі”, маленькія несіметрычныя (што таксама блізка эстэтыцы Усхо-ду) трохрадкоў:

Вам цяжка гаварыць?
Не трэба лініх слоў –
Маўчанне ўсё даскажа [9, с. 145].

Лес – маўклівы дарадчык
І му́dry моі сябра.
Перад ім выціраю ногі [9, с. 149].

У беларускай і замежнай літаратуре канца ХХ – пачатку ХХІ ст. пры стварэнні малых і мінімальных формаў вершаў назіраецца таксама зварт да рэсурсаў таўталогіі як стылістычнага прыёму, які ахоплівае розныя ўзорыні мовы (ад фрагментаў слоў і саміх лексем да сінтаксічных адзінак). Падобны наўмысны паўтор знакаў, аднародных па гукавым складзе і значэнні, прыводзіць у мастацкім тэксле да эксплікацыі, падкрэслівання невідавочных сэнсаў твора, да пэўнага экспрэсіўнага ўздзейння.

Таўталагічныя эксперыменты з гукавай канстытуцыяй тэкслу сустракаюцца ў творчасці Сержа Мінскевіча ў выглядзе вершаў-циклафону, у якіх, пры шматразовым паўторы, словаформы пераходзяць адна ў адну, як у вершы “Ваколіцы Браслава”. Тэкст разлічаны менавіта на вакаральнае ўзнаўленне, пры якім і выяўляюць сябе кампаненты твора, адбываюцца трансляцыя яго семантыкі:

БАРЫбарыбарыбарыБЯРЫбарыбаRЫ-
Барыбары-

барыБЯРЫбарыбарыБАРЫ... [10, с. 40].

Аповед пра Браслаўскі край, знакаміты бағаццем азёр і лясных прастораў, паз за- сноўвае на вядомым лінгвістычным прыёме падваення для абазначэння множнасці, вялікай колькасці чаго-небудзь. За фармальным экспериментам цыклафона лёгка згадваецца аповед пра бағацце роднага краю, пра вялікую колькасць “бароў”, “рыбы”, “рыбараў” і шчодрасць прыроды, перададзенай дзеясловам “бяры”.

Той жа прыём гукавісу, зварт да акустичных магчымасцей слова выкарыстоўвае аўстрыйскі паэт-неавангардыст Э. Яндель,

засноўваючы свой верш “niagaaaaaaa”¹ [11, с. 78] на шматразовым памнажэнні гука / літары “а”, скарыстоўваючы спробы на эмацыйным, пачуццёвым узорыні перадаць чытачу / слухачу грандыёзнасць з’явы (Ніягарскага вадаспаду), моц пачуццяў, якія яна выклікае:

niagaaaaaaa	ниагaaaaaaa
ra felle	ры потоки
niagaaaaaaa	ниагaaaaaaa
ra felle	ры потоки

Апраўданым выглядае таксама выкарыстанне акустичных магчымасцей цыклафона ў дасціпным тэксле Сержа Мінскевіча “Сон немаўляці ў люльцы”. Складаецца твор толькі з двух лексічных кампанентаў, выдзеленых загалоўнымі літарамі самім аўтарам. Аднак такая беднасць слоўніка хутчэй наўмысная, паколькі апавяданне вядзеца пра дзіця, чый жыццёвы цыкл якраз і засяроджаны ўсяго ў некалькіх досведах. Акрамя таго, верш заснаваны на шматразовым паўторы, медытатыўным мармытанні-ўкалыхванні:

СъПІсьпісъпісъпіПІСЬпісъпісъ-
пісъСъПІсьпісъпісъ

ПІСЬпісъпісъ [10, с. 52].

Толькі пры шматразовым вымаўленні гэтых гукавыя верш Сержа Мінскевіча напаўняеца альтэрнатыўным зместам, які прайаўляе сябе па-за першапачатковым тэкслем.

Лірычную замалёўку з натуры атрымліваеца стварыць Ус. Някрасаву, які выкарыстоўвае прыём таўталогіі, нагнятання, што ў канцы тэкслу вырашаеца нечаканым увядзеннем новай лексемы, падобнай да ўспышкі:

весна
весна весна весна

весна
весна весна весна

весна
весна весна весна

и правда весна [8, с. 223].

Аналагічны тэкст ёсць і ў творчасці нямецкага аўтара Г. Рума. Верш “zart” (“пяшчотны”) заснаваны на шматразовым паўторы слова “zart” (“пяшчотны”, “далікатны”) і адзінкавай устаўцы слова-антоніма “hart” (“дужы”, “жорсткі”), што дабаўляе выказванню пэўны драматызм і экспрэсію. Выгляд слоў на паперы ў гэтым тэксле падкрэслена аднастайны, графічны, тым больш “выбухным” уяўляеца ўкрапленне “лішняга” слова, хоць і адрознага ўсяго адной літарай:

¹ Захавана традыцыйная пісьменнасць аўтара

zart
zart
zart
zart
zart
hart
zart [12, с. 116].

Адзін з твораў нямецкага нэаавангардystsа Р. Доля дастаткова “аскетычны”, пазбаўлены звыклых сінтаксічных сувязей, сканструйваны са шматразова паўторанага слова “*apfel*” (“яблык”) і аднаго слова “*wurm*” (“чарвяк”). Замест герметычнай мастацка-моўнай рэфлексіі пра яблык, яго асаблівасці, памеры, форму і г. д. Р. Доль непасрэдна прадманстраваў матэрыял, стварыўшы адчувальны вобраз, а аднаразовая ўстаўка слова “*wurm*” падштурхоўвае чытача да разважанняў “пра лыжку дзёгцю ў бочцы мёду”:

[12, с. 38].

У тэксце паста-канкрэтystа А. Кнотэка таксама знаходзіць рэалізацыю адна са шматлікіх моўных метафор – “час ляціць”. Паэт, разважаючи пра гэту філасофскую максіму, прыходзіць да высновы аб пантрагізме чалавечага лёсу. Візуальная сродкі “размывання” шырфта, змены насычанасці колеру, пропускі літар, агульная дынамізацыя тэкstu прымушаюць чытача літаральна на сэнсарным узроўні адчуць хуткаплыннасць адпушчанага кожнаму чалавеку тэрміну. Час скончыўся, пакуль мы былі занятыя чытаннем немудрагелістых радкоў, застаецца толькі меланхалічна развітатца апошнім, прырашчаным усяго адной літарай радком:

TIME PASSES BY
 TIME PASSES BY
 TIME PASSES BY
 TIME PASSES BY
 TIME PASSES BY
 TIME PASSES BY
 | PASS BY
 | PASS BYE [12, с. 59].

Таўталогія на ўзроўні фрагментаў слоў стала асновай і для стварэння аўтарскага жанру вершаказа ў творчасці А. Разанава. У тых

тэкстах дублікацыя частак слова – наўмысны эўфанічны прыём, як, напрыклад, у вершаказе “Горад”:

Горад горды і высакародны: ён стаіць на высокім месцы – на ўзгорку, на грудзе, і, адгароджаючыся ад наевакольнага асяродка вежамі і сцяною, не адлучаецца ад яго, а вылучаецца з яго – як яго цэнтр, сярэдзіна, сарцавін [13, с. 369].

З дапамогай паўтораў, алітэрацыі і асанансу “энергічнымі”, напружанымі гукасполучэннямі “ганарлівы”, “гор”, “гру”, “город”, “род” А. Разанаў дабіваецца эфекту прамой, акустычнай перадачы ідэі, правакуе ўзікненне пачуццёвага, матываванага вобразу пэўнай велічы горада, яго асаблівага становішча, нейкай выключнасці.

Гаворачы пра інтэлектуальна-філасофскую насычанасць такіх твораў, звернемся да вершаказа “Дуб”. Трэба падкросліць, што вобраз дуба, аднаго з самых шанаваных у славян дрэў, пераклікаецца з вобразам генеалагічнага дрэва, падрэва гісторыі, увасобленага ў трывадзінстве часоў. Акрамя таго, тэкст змяшчае ў сабе вялікую колькасць адзінак, сугучных словаму “дуб” – гэта і самастойныя лексемы, і адрэзкі слоў, што аманімічна гучаць:

З усіх дрэў дуб самы дужы, самы векавечны, самы дауні і самы будучы – ён уласабляе сабою трывающую часу: дауніну, цяперашчыну і будучыню і сваім існаваннем сцярджае: быў, ёсь, буду [13, с. 370].

Шматразовы паўтор адных і тых жа гукаў кампанентаў асаблівым чынам дзейнічае на слых і душу чытача, прымушаючы яго ўспрымаць твор і на сэнсавым, і на асацыятыўным узроўнях. Нават наўмыснае выкарыстанне А. Разанавым унутрыфразавых фрагментаў-паліндромаў у гэтым вершаказе садзейнічае разуменню ідзі часу, які разгортваецца ў мысленні чалавека адначасова і ў бок будучыні, і ў бок мінулага. Чытанне спалучэння слоў “дуб”, “будучыня” звыклым лінейным спосабам падштурхоўвае да ўспрымання руху часу “наперад” і “уверх” ад каранёў да кроны.

Заключэнне

Стылістычныя сродкі стварэння малых і мінімальных паэтычных тэкстаў, заснаваныя на свядома абмежаваным колькасна вербальным матэрыяле, досьць разнастайныя ў сучаснай беларускай і замежнай паэзіі. Галоўная функцыя такіх сродкаў (антанаклазіса, каламбурызацыі, эліпса, таўталогіі) у тэкстах

Кандрата Крапівы, Н. Гілевіча, Г. Ціханавай, М. Пазнякова, Сержа Мінскевіча, А. Разана-ва, Я. Сатуноўскага, Ус. Някрасава, Э. Яндля, Ф. Мона, Р. Доля, Г. Рума – гэта данясенне імпліцытнай, падтэкставай інфармацыі, дэманстрацыя багатых магчымасцей мастацка-га слова. Схаваныя сэнсы малых паэтычных формаў актуалізующа як ва ўзаемадзеянні моўных кампанентаў унутры тэксту, так і праз уздзеянне пазамоўных фактараў: фонавых ве-даў, “вертыкальнага кантэксту” пісьменніка і чытача.

СПІС ВЫКАРЫСТАННЫХ КРЫНІЦ

1. Літературная энциклопедия терминов и понятий / РАН, Ин-т науч. информ. по обществ. на-укам ; под ред. А. Н. Николюкина. – М. : НПК “Ин-тэвак”, 2003. – 1600 стб.
2. Культурология. XX век : энциклопедия ; гл. ред., сост. и авт. проекта С. Я. Левит. – М. : РОС-СПЭН, 2007. – Т. 1 : А – М. – 1392 с.
3. *Долинин, К. А.* Имплицитное содержание высказывания / К. А. Долинин // Вопросы языкозна-ния. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
4. *Крапіва, К.* Збор твораў : у 6 т. / К. Кра-піва ; уклад. і камент. С. Лайшкука. – Мінск : Маст. літ., 2004. – Т. 6 : Пераклад, артыкулы, выступленні, інтэрв’ю, пісъмы, дадатак. – 447 с.
5. *Гілевіч, Н.* Збор твораў / Н. Гілевіч. – Мінск : Маст. літ., 2003. – Т. 4 : Сатыра і гумар 1948–2003. – 334 с.
6. Друкапісы. Вялікая імправізацыя: паэзія, проза / уклад. І. Кур’ян. – Мінск : Галіяфы, 2009. – 216 с.
7. *Сатуновский, Я. А.* Рубленая проза : Собра-ние стихотворений / Я. А. Сатуновский ; сост., под-гот. текстов и предисл. В. Казака, послесл. Г. Айги. – Мюнхен – Москва – Минск : Verlag Otto Sanger in Kommission, 1994. – 328 с.

8. *Журавлёва, А.* Пакет / А. Журавлёва, В. Некрасов. – М. : Меридиан, 1996. – 629 с.

9. *Пазнякоў, М.* Святое правіла… : вершы, па-роды, байкі, эпіграмы / М. Пазнякоў. – Мінск : Маст. літ., 2008. – 270 с.

10. *Мінскевіч, С.* Я з Бум-бам-літа / С. Мінскевіч. – Мінск : Логінай, 2008. – 296 с.

11. *Jandl, E.* Poetische Werke : in 11 Bde. / E. Jandl ; hrsg. K. Siblewski. – München : Luhterhand, 1997. – Bd. 2 : Laut und Luise. – 231 s.

12. Konkrete poesie. Deutschsprachige autoren. Antologie von E. Gomringer. – Stuttgart : Philipp Reclam jun., 1996. – 176 s.

13. *Разанаў, А.* Танец з вужакамі : выбранае / А. Разанаў. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.

Паступіў у рэдакцыю 09.03.2021 г.

Кантакты: konovod1@yandex.ru

(Садко Людміла Міхайлаўна)

Sadko L. STYLISTIC DEVICES IN SHORT POETIC FORMS IN MODERN BELARUSIAN AND WORLD LITERATURE.

The article views the most important stylistic devices used in short and minimal poetic texts, based on quantitatively limited verbal material (antanaclasis, pun, ellipsis, tautology) in the creative works by modern Belarusian masters of artistic word K. Krapivka, N. Hilevich, G. Tsikhanava, M. Paznyakou, S. Minskovich, A. Rasanau, modern German authors E. Jandl, A. Knotek, R. Doll, G. Rum, Russian Lianozov poets Ya. Satunousky and Us. Nyakrasau.

Keywords: short poetic texts, minimalism, implication, antanaclasis, pun, ellipsis, tautology, K. Krapivka, N. Hilevich, G. Tsikhanava, M. Paznyakou, S. Minskovich, A. Rasanau, Ya. Satunousky, Us. Nyakrasau, E. Jandl, A. Knotek, R. Doll, G. Rum.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ КОНСТРУКТИВНОЙ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМ ПЕРЕВОДЕ

Н. Л. Потапова

старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов ФСК
Белорусский государственный университет

В данной статье уделяется внимание конструктивной интерференции в переводе научных текстов по математике. Математические тексты ранее не использовались в качестве материала для анализа, что представляет новизну и практическую значимость данной работы для преподавателей специального английского языка, а также студентов и магистрантов, изучающих английский язык в неязыковом вузе. Автор статьи представляет анализ некоторых переводческих приемов конструктивной интерференции в профессионально ориентированном переводе, что ясно указывает на неразделимость языка для профессиональных целей и обучения межкультурному общению на университетском уровне для развития и совершенствования профессиональных навыков общения.

Ключевые слова: язык, интерференция, перевод, приемы, коммуникация.

Введение

Сегодня является очевидным тот факт, что знание английского языка предоставляет большие возможности в профессиональной и научной деятельности. Международное признание и профессиональное совершенство ученого невозможно без публикаций результатов исследований на английском языке в зарубежных журналах. Области активного использования знания иностранного языка (и, прежде всего, английского) разнообразны. Знание английского языка дает возможность поехать на стажировку за рубеж, участвовать в международных конференциях и симпозиумах, читать англоязычную профессиональную литературу, свободно пользоваться Интернет-ресурсами, общаться с коллегами по всему миру. Все перечисленные сферы применения английского языка требуют достаточно высокого уровня владения английским языком. Однако в действительности ситуация складывается таким образом, что письменное и устное общение происходит на недостаточно хорошем уровне. Следовательно, требует постоянной коррекции и совершенствования, обращение к специалистам-лингвистам.

© Потапова Н. Л., 2021

В данной статье мы обратим внимание на интерференцию в переводе. Языковая интерференция – это лингвистический феномен, связанный с перенесением особенностей родного языка на изучаемый иностранный язык. Именно языковая интерференция родного языка влияет на качество знания иностранного языка и его практическое применение, в частности, в профессионально ориентированном переводе. Цель данной статьи – описать переводческие приемы конструктивной интерференции на примере научных текстов по математике.

Необходимо подчеркнуть, что интерференция в переводе не получила еще достаточного освещения в научной литературе, хотя идея о возможности ее изучения давно витала на страницах лингвистических исследований. Большой шаг в этом направлении был сделан в конце двадцатого века, когда в Лейпциге вышел сборник “Интерференция в переводе”. И хотя эта книга представляет собой сборник статей, достаточно разнообразный с точки зрения проблематики и методологии, она не дает комплексного анализа проблемы интерференции в переводе, в ней намечаются основные пути и направления исследований.

Для научно-технического стиля перевода, как в английском, так и в русском языке, характерно стремление к четкости и строгости изложения, точному употреблению терминов, отказу от косвенных, описательных обозначений объектов, широкому использованию штампов и стереотипов специальной лексики. Однако более детальный анализ переводов показывает, что строгость в употреблении терминов и привычных формулировок не всегда возможна. Поэтому переводчик нередко чувствует себя обязанным осуществлять “стилистическую правку” оригинала, разъясняет, что конкретно имеется в виду, заменять авторский оборот более привычным для родной культуры штампом; что в итоге может приводить к интерференции.

Изначально интерференция считалась негативным (деструктивным) явлением. Позднее интерференция стала рассматриваться не только как отрицательное, но и как положительное явление, которое может способствовать изучению языков. Видимо, определенное значение тут имел и тот факт, что отрицательные явления в речи билингва легче поддаются наблюдению и анализу, нежели положительные, носящие чаще всего “скрытый” характер [1].

Среди последних исследований, где так или иначе затрагивается вопрос интерференции в переводе, выделяются работы В. В. Алимова. Автор считает, что применительно к переводу следует выделять деструктивную (или негативную) и конструктивную (позитивную) интерференцию. Само понимание интерференции как нарушения нормы вносит в ее лингвистический анализ элементы отрицательной оценки. “Многие переводоведы, – пишет В. Н. Комиссаров, – рассматривают интерференцию как источник ошибок, переводчик находится в плenу формы оригинала и механически переносит особенности языка-источника на язык перевода” [2, с. 103]. Таким образом, складывается впечатление, что всякая интерференция деструктивна. В. В. Алимов пытается показать, что интерференция в переводе может выполнять и конструктивную функцию. По его мнению, для этого и в психолингвистическом, и в методическом планах существует достаточно оснований. “Под конструктивной интерференцией следует понимать положительное воздействие явлений, функций и средств одного языка на явления, функции и средства другого языка при их контакте, при этом под контактом понимается процесс изучения иностранного языка, общение или перевод, а под средствами, прежде всего, лексика и грамматика” [3, с. 161]. Такое понимание конструктивной интерференции совпадает с понятием позитивного переноса (positive transfer) [4], разрабатываемым в теории обучения иностранным языкам, т. е. такого использования средств первого языка в речи на втором языке, в результате которого не происходит нарушения норм второго языка [5, с. 520]. Позитивный перенос относится к сфере универсального в языках и заканчивается там, где начинается идиоматика, к чему ведет сам факт языкового контакта (в частности, при переводе), который объективно направлен на устранение идиоматической части каждой из взаимодействующих языковых структур. Таким образом, выделение позитивного переноса (конструктивной интерференции) полезно с точки зрения перевода.

По мнению В. Ю. Розенцвейга, преодолению деструктивной и использованию конструктивной интерференции в профессионально ориентированной межкультурной коммуникации способствуют знания приемов и методов, используемых в переводе [1].

Основная часть

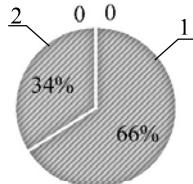
В данной статье представлен анализ некоторых переводческих приемов, которые используются для преодоления деструктивной и являются примером конструктивной интерференции, на материале научных текстов по математике на русском и английском языках. Материал собран посредством обращения к научным текстам различных авторов. Новизна данного исследования заключается в том, что конструктивная интерференция не изучалась ранее на переводных математических текстах. Основной метод исследования, который был использован для подготовки материала статьи, – сравнительный. Данный метод позволил выявить наиболее частотные и характерные примеры конструктивной интерференции, которые возможны благодаря применению переводческих приемов.

Одним из таких приемов, применяемых в переводе, является антонимический перевод. Л. С. Бархударов дает следующее определение антонимического перевода: “Это широко распространенная комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, отрицательной – в утвердительную, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переведяшем языке” [6, с. 215]. Суть антонимического перевода заключается в том, чтобы выразить мысль лексической единицы подлинника через противоположное понятие, при этом, естественно, изменив ее структуру. В качестве самых простых примеров антонимического перевода можно привести переводы словосочетаний *неподвижная точка* как *fixed point*; *нечеткое множество* как *fuzzy set*; *open set* как *незамкнутое множество*; *rough calculations* как *неточные вычисления* и т. д.

Автором статьи был проведен анализ научных текстов по математике англоязычных авторов и их переводов на русский язык. С помощью данного анализа были выявлены достаточно частотные случаи применения антонимического перевода и опущения, являющиеся примером конструктивной интерференции. В частности, были зафиксированы 90 случаев отклонения от английского оригинала, которые произошли под влиянием русской языковой системы: из них 59 (66%) составили случаи применения антонимического перевода и 31 (34%) – опущения, что в процентном соотношении показано на диаграмме ниже:

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

1 Антонимический перевод 2 Опущения

Сравните, например, следующий русскоязычный перевод с его англоязычным оригиналом: Try for clean, direct arguments one way is *easy* [HM, p. 68] – ‘Провести доказательство в одну сторону *нетрудно*’ [XB, с. 53];

Algebraic geometry can certainly be done over arbitrary fields [HA, p. 3] ‘На самом деле для работы над алгебраически *незамкнутыми полями*’ [XA, с. 17];

We will *avoid assuming K = C* [HA, p. 3] – ‘Мы будем *стараться не предполагать*, что $K = C$ ’ [XA, с. 17];

И наоборот, англоязычный перевод с русскоязычным оригиналом: ‘Целое *неотрицательное* число [BO, с. 1229]’ – *A positive integer* [BO, p. 1077];

‘*Несложные вычисления* [BO, с. 1233]’ – *Easy calculations* [BO, p. 1085];

‘*Не равно нулю* [BO, с. 1221]’ – *Vanishes* [BO, p. 1069].

Из упомянутых выше примеров можно сделать следующее заключение: из-за более высокой степени категоричности в русских научных текстах предпочтение отдается отрицанию, потому что с его помощью в русском тексте ситуация описывается более четко, благодаря чему более полно реализуется присущая русскому научному стилю установка на убеждение. В то время как в современном английском обществе, как правило, не принято отрицательно отзываться о чем бы то ни было, это не соответствует культурно-этическим требованиям. Показательно также то, что в имеющемся материале не встретилось ни одного случая употребления отрицательных прилагательных. Понятие же положительной оценки (“*неотрицательное* число” (рус.) – “*положительное* число” (англ.); “*несложные* вычисления” (рус.) – “*простые* вычисления” (англ.) и др.) представлено в научном языке гораздо чаще и лексически разнообразнее.

Это не затрудняет профессионально ориентированную межкультурную коммуникацию и профессионально ориентированный перевод и, следовательно, является примером конструктивной интерференции.

Еще один прием, используемый переводчиками, – это опущение. Опущение прямо противоположно добавлению. При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, то есть слова, выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи.

Одним из примеров избыточности является свойственное всем стилям письменной речи английского языка употребление так называемых “парных синонимов”. Русскому языку оно совершенно не свойственно, поэтому при переводе в этих случаях необходимо прибегнуть к опущению (т. е. не повторению синонима или одинакового слова – замене двух слов одним) [6, с. 226].

Устранение семантически избыточных элементов исходного текста дает переводчику возможность осуществлять то, что называется “компрессией текста”, т. е. сокращение его общего объема.

Сравните, например, следующий перевод: The same first element and the same second element [HS, p. 15] ‘Однаковые как первые, так и вторые элементы [XT, с. 12]’;

The forming of the sum and the forming of the intersection [HS, p. 19] ‘Процессы сложения и пересечения [XT, с. 16]’;

‘Размерности 7 и 13 [BO, с. 1219]’ Dimension 7 and dimension 13 [BO, p. 1068];

‘Пусть T – произвольное положительное число [VK, с. 1284]’ Given a positive number T and an arbitrary T [VK, p. 1108].

Но не всегда опущение вызывается только стремлением к устраниению речевой избыточности. Причины данного явления можно объяснить не только на уровне языка, но и на уровне культуры. Одной из основных традиционно подчеркиваемых характеристик англичан и американцев является индивидуализм, который при сравнительном анализе с русской культурой противопоставляется коллективизму, или соборности [7]. Языковым проявлением индивидуализма / коллективизма могут служить различия в частотности употребления синонимов и одинаковых слов при переводе математических текстов. Так, проявлением коллективизма в русскоязычном переводе является объединение слов (“**множества** (мн. ч.) всех четных натуральных чисел, всех точек на плоскости”), в то время как в английском языке “**множество – set**” употребляется дважды и в единственном числе (“**the set** of all even natural numbers, **the set** of all points in the plane”).

Даний приєм (опущення) помогає в професіонально орієнтованій комунікації і в спеціальному (математичному) переводі, не іскажає смисл перевода і являється примером конструктивної інтерференції.

Заключення

Спеціаліст со знанням іноземного язика має знати проявлення інтерференції і уметь свести до мінімуму вплив деструктивної інтерференції і максимально використовувати конструктивну інтерференцію. Исходя з усого вищесказаного, можна зробити висновок, що застосування переводческих приємів і методів сприяє конструктивній інтерференції в професіонально орієнтованій межкультурній комунікації.

В заключення необхідно підкреслити, що інтерференція являється вмешательством елементів однієї язикової системи в іншу при язиковому контакті, а результат цього вмешательства може бути не тільки отрицальним, але і позитивним, сприяючи адекватному переводу і взаємопониманню, о чому говорять вищеприведені примери. Це ясно вказує на необхідність більш детального дослідження приємів конструктивної інтерференції з метою розвитку і совершенствування професіональних навичок обговорювання.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Розенцвейг, В. Ю. Языковые контакты / В. Ю. Розенцвейг. – Л. : Наука, 1972.
2. Комисаров, В. Н. Проблема интерференции в теории перевода / В. Н. Комисаров // Interferenz in der Translation / Herausgegeben von Heide Schmidt. – Leipzig : VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – С. 103–108.
3. Алимов, В. В. Интерференция в переводе (на материале професіонально орієнтованої межкультурної комунікації і перевода в сфері професіональної комунікації) : учебное пособие / В. В. Алимов. – М. : КомКнига, 2005. – 232 с.
4. Wei, L. Positive transfer : a neuropsychological understanding of interpreting and the implications for interpreter training / L. Wei // Translation Journal [Electronic resource]; 2002. – Vol. 6, № 3. – Mode of access: <http://accurapid.com/journal/21interpret.htm>. – Date of access: 15.10.2019.
5. Second language acquisition: an introductory course / ed. by S. M. Gass, L. Selinker. – New York : Routledge, 2008. – 598 p.
6. Бархударов, Л. С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода) / Л. С. Бархударов. – Москва : Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
7. Богатикова, Л. И. Основы межкультурной коммуникации: тексты лекций для студентов специ-

альностей 1–02 03 06 01 “Английский язык. Немецкий язык”, 1–02 03 06 02 “Английский язык. Французский язык” / Л. И. Богатикова; М-во образования РБ, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 280 с.

Источники примеров

HM – Henle James M. *An Outline of Set Theory*; 1993. 105 pages.

XB – Хенл Дж.М. *Введение в теорию множеств* / пер. с англ. С. И. Травкина под ред. В. Б. Кузьмина. М.: Радио и связь; 1993. 104 с.

HA – Harris Joe. *Algebraic Geometry. A First Course*. Springer – Verlag New York, Inc., 1992.

XA – Харрис Дж. *Алгебраическая геометрия. Начальный курс* / пер. с англ под ред. Ф. Л. Зака. – М. : МЦНМО; 2005. – 400 с.

BO – Базайкин ЯВ. *Об одном семействе 13-мерных замкнутых Римановых многообразий положительной кривизны* / Сибирский математический журнал. Ноябрь – декабрь, 1996. Том 37, № 6.

BO – Bazaikin YaV. *On a certain family of closed 13 dimensional Riemannian manifolds of positive curvature* / Siberian Mathematical Journal, Vol. 37. No. 6, 1996.

HS – Hausdorff Felix. *Set Theory*. Second Edition. Chelsea Publishing Company. – New York, 1937.

ХТ – Хаусдорф Ф. *Теория множеств*. – Москва, 1937.

BK – Вайгант ВА, Кажихов АВ. *О существовании глобальных решений двухмерных уравнений Навье-Стокса сжимаемой вязкой жидкости* / Сибирский математический журнал. Ноябрь – декабрь, 1995. Том 36, № 6.

VK – Vaigant VA, Kazhikhov AV. *On existence of global solutions to the two dimensional Navier-Stokes equations for a compressible viscous fluid* / Siberian Mathematical Journal, Vol. 36. No. 6, 1995.

Поступила в редакцию 14.02.2020 г.

Контакты: natalli.81@inbox.ru

(Потапова Наталия Леонидовна)

Potapova N. METHODS OF CONSTRUCTIVE INTERFERENCE IN PROFESSIONAL-LY-ORIENTED TRANSLATION.

The article focuses on constructive interference in translation. The paper presents the analysis of some translation techniques of constructive interference regarding the material of scientific texts in mathematics. Mathematical texts have not previously been used for analysis, which determines the novelty and practical significance of the work for ESP teachers, as well as for the students and undergraduates studying English at a non-linguistic university. The author of the article analyses a number of translation techniques and methods of constructive interference in professionally-oriented translation, which clearly indicates the inseparability of language for professional purposes and teaching intercultural communication at the university level in order to develop and improve professional communication skills.

Keywords: language, interference, translation, technique, communication.

УДК 811.111'37 (045)

ЦЕЛЬ КАК ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ И ФАКУЛЬТАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО ГЛАГОЛА

E. В. Беланович

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой иноязычного речевого общения Минский государственный лингвистический университет

Компонентный анализ структур дефиниций глаголов лексико-семантической группы (ЛСГ) “Потребление пищи” и предложений с данными глаголами позволили заключить, что в процессе потребления пищи цель может рассматриваться как компонент значения глагола и как фактор, влияющий на процесс. Цель как компонент значения зачастую не находит отражения в высказывании; ситуативная же цель способствует тому, что глагол может потерять способность отражать свойственный ему процесс или действие при определенном целевом выполнении.

Ключевые слова: глагол, лексико-семантическая группа, компонент структуры, внутренняя / внешняя цель, целеполагание, целевое выполнение.

Введение

В современном языкоznании наметилась тенденция к многоаспектному рассмотрению языковых явлений с целью наиболее глубокого и подробного их описания. Многоаспектный, или комплексный, подход “базируется на положениях когнитивной семантики как теории значения, в которой центральное место отводится антропоцентрическому фактору, т.е. познающему субъекту, активная роль которого в осмыслинении действительности и выборе языковых средств вносит свою специфику в общий процесс формирования значения. Рассмотрение содержательных категорий простого предложения с учетом всех его уровней вводит в анализ различные операции речемыслительной деятельности говорящего” [1, л. 10].

“Изучение природы предложения через семантико-синтаксическое воздействие и взаимовоздействие вполне согласуется с общим развитием лингвистического знания, развитием понимания сложной композитной природы предложения и современным антропоцентрическим подходом к оценке языковых процессов, где человеку, познающему и говорящему, отводится центральное место в процессе формирования смысла предложения” [2, с. 19].

Принцип проектирования цели и ее достижения используется во всех областях науки, в том числе и в лингвистике. Мы всегда движемся к поставленной цели, что бы мы не делали. Цель достижима. Но для ее достижения нужно конкретно описать желаемое, претворить его в жизнь и сделать реальностью. В процессе достижения цели человек активно взаимодействует с окружающей действительностью, он выступает как субъект, который целенаправленно воздействует на объект, удовлетворяя таким образом свои, и не только, потребности. Следовательно, осмыслиение своей деятельности, постановку целей и их достижение можно назвать целеполаганием [3]. Процесс целеполагания является довольно сложным процессом, который имеет свои собственные стадии и этапы, методы и средства. В категориях системного анализа процесс целеполагания определяется как проектирование [4].

Целеполагание является важным принципом, обуславливающим необходимость задания цели при выполнении системного анализа проблемы. Цели и ограничения являются главными категориями принципа целеполагания, а разрешимость проблемы – важный принцип системного анализа, который предполагает необходимость рассмотрения вопроса о существовании решения до начала решения проблемы [3]. В этой связи важно различать целеполагание и целевое выполнение. Процесс целевого выполнения характеризуется в каждом конкретном случае своим содержанием, формами, специфическими методами и средствами, а также технологиями [5]. Принципы целеполагания и целевого выполнения используются во всех областях науки. Рассмотрим цель как компонент структуры значения английского глагола на примере глаголов, реализующих значение ‘потребление пищи’, и определим ее статус.

Основная часть

Связь предложения и ситуации осуществляется через лексический состав предложения. Глагол указывает на ситуацию и называет отношение, связывающее ее компоненты. Результаты познания деятельности человека зафиксированы в толковых словарях, следовательно, в словарных дефинициях глаголов содержатся элементы, которые называют компоненты исследуемой ситуации.

Процесс “потребление пищи” представляет собой как физическое действие, так и

физиологический процесс. Во время приема пищи задействованы также и органы чувств, влияющие на психический настрой человека и эффективность его деятельности, ставятся различные цели в реализации данного процесса [6]. Следовательно, возникает вопрос, какие цели имплицированы в структуру значения глаголов, выражающих значение ‘потребление пищи’. Или каково целеполагание данного процесса?

Цель определяет средства достижения, к цели стремятся, ее осуществляют. Цели могут быть разными; они побуждают, направляют волю и поведение людей. Люди, в свою очередь, ставят перед собой цели на основе потребностей и интересов. Процесс постановки цели или ее проектирования называется целеполаганием, а система действий, направленных на достижение цели, называется целевымолнением [7].

При компонентном анализе дефиниций глаголов ЛСГ “Потребление пищи” и предложений с данными глаголами мы пришли к выводу о том, что в процессе потребления пищи цель может рассматриваться с двух позиций: как компонент значения названных глаголов (назовем этот тип цели целеполаганием) и как внешний фактор, влияющий на процесс ‘потребление пищи’ (назовем последний тип ситуативной целью, или целевымолнением).

В первую подгруппу отнесем глаголы, в дефинициях которых имплицирован не только целевой компонент, но и потребляемая пища:

chew – to bite food into small pieces in your mouth with your teeth to make it easier to swallow [8] ‘разжевывать зубами еду во рту на мелкие кусочки, чтобы было легко проглотить’: *At the breakfast table he chewed halfheartedly on raisin bagels* ‘За завтраком он равнодушно жевал бублики с изюмом.

digest ‘переваривать (-ся) – when you digest food, or it digests, it is changed into substances so that your body can use [8] – процесс переваривания / потребления пищи осуществляется с целью ее потребления живым организмом: *He couldn't digest food properly* ‘Он не мог как положено переваривать пищу’;

nourish ‘подпитывать / питать’ – to give somebody / something the right kind of food so that he / she / it can grow healthy [8] – процесс осуществляется с целью поддержания жизнедеятельности другого организма: *The children we have are well nourished and cared for* ‘Мы хорошо кормим наших детей и заботимся о них’;

sample ‘пробовать’ – to try a small amount of a particular food to see what it's like [8] – процесс потребления пищи осуществляется с целью оценки пищи: *She decided to sample the chocolate cheesecake* ‘Она решила попробовать шоколадный чизкейк’;

taste ‘пробовать’ – 1) to try a small amount of food and drink; 2) to test the flavour of something [8] – значение вкусового ощущения, опознавание достоинства пищи: *He tasted the soup to see if it had enough salt* ‘Он попробовал суп, чтобы определить, достаточно ли в нем соли’. В приведенном примере мы наблюдаем экспликацию целевого компонента в предложении, возможно, потому, что цель, имплицируемая в дефиниции, не совпадает с целью конкретного высказывания, ситуации или же она шире.

В вторую подгруппу отнесем глаголы, в дефинициях которых отсутствует указание на потребляемую пищу, но данным глаголам присуще наличие ситуативной цели, т. е. данные глаголы способны реализовать процесс потребления пищи в конкретной ситуации, отражаемой предложением; при этом экспликация потребляемой пищи в предложениях с такими глаголами играет немаловажную роль:

glut ‘перекармливать / насытиться’ – to supply or provide somebody with too much of something [8]: *The lions slept after they glutted themselves on the kill* ‘Львы спали, насытившись добычей’;

sate ‘насытить’ – to satisfy a desire [8] – процесс осуществляется с целью насыщения, удовлетворения: *Children happily sated with ice-cream* ‘Дети с удовольствием съели мороженое’.

Импликация целевого компонента специфична также и для трех глаголов ЛСГ “Потребление пищи”, называющих этапы денотативной области ‘потребление пищи’: *bite* ‘кусать’, *chew* ‘жевать’, *swallow* ‘глотать’. Каждому этапу специфична своя цель (целеполагание), однако, будучи глаголами ЛСГ “Потребление пищи”, они не способны реализовать значение ‘потребление пищи’, значит, в таких случаях им присуще иное целевымолнение. Определим эти глаголы в третью подгруппу:

a) *bite* – to use your teeth to cut into or through something ‘вгрызаться во что-то’ [8]: *She pushed her fist into her mouth and bit down hard* ‘Она сунула кулак в рот и сильно укусила’. *The dog bit him and made his hand bleed* ‘Собака укусила его руку до крови’.

b) *bite the nails on your fingers, especially because you are nervous* ‘кусать / грызть ногти нервничая’: *I wish I could stop biting my nails* ‘Хотелось бы мне перестать грызть ногти’;

c) *bite your lip because you are upset or not sure what to say* ‘кусать губу, потому что расстроен или не знаешь, что сказать’: *She paused uncertainly, biting her lip* ‘Она неуверенно замолчала, кусая губу’.

Chew – to bite something continuously in order to taste it or because you are nervous ‘жевать что-то постоянно, чтобы распробовать или потому что нервничаешь’: *He was chewing on a cigar* ‘Он жевал сигару’. *Emily chewed her lip, thinking about Hari and Craig* ‘Эмили жевала губу, думая о Хари и Крейге’.

Swallow – to make some of the liquid in your mouth go down your throat because you are frightened or nervous ‘глотать, потому что напуган или нервничаешь’: *He swallowed hard and walked into the room* ‘Он тяжело взглотнул и вошел в комнату’. *She swallowed nervously before beginning* ‘Она нервно слглотнула перед началом’.

Роль целевого компонента в структуре значения глагола отмечается также и на примере русского языка в работе Н. Д. Арутюновой “Предложение и его смысл” [9]. “В значении слова, передающего синтаксический или динамический признак предмета, начинают проступать физические (или иные) свойства субстанции, сравним, *пить* (то, что жидкое), а *есть* (то, что не жидкое)” [9, с. 86]. “В тех случаях, когда референтные различия сходятся на нет, а специфика сочетаемости сохраняется, предпочтение той или другой лексической единицы ставится в зависимость уже не от свойств денотативного класса, а от выбора слова. Сравните, *пить сок*, но *есть бульон* (хотя и *сок*, и *бульон* обладают признаком жидкости)...” [9, с. 87]. В приведенных примерах выбор глагольной единицы обусловлен целью действия: *пьют* обычно для утоления жажды, а *едят* для утоления голода. Следовательно, со словом *бульон* необходимо употреблять глагол *есть*. Но не следует забывать, что способ потребления пищи (Инструмент, участвующий в процессе) также может влиять на выбор глагольной лексемы. *Бульон*, подобно *супу*, едят ложкой из тарелки, а если мы употребим *стакан бульона*, то соответственно – выпить *стакан бульона* [9, с. 87]. Список глаголов в обоих языках остается открытым.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что не только Цель, но и тип Инструмента ‘потребление пищи’ влияет на выбор

глагольной лексемы. Например, отчуждаемые подвижные и неотчуждаемые Инструменты ситуации ‘поднесение пищи’, такие как *with a spoon* ‘ложкой’, *with his hands* ‘руками’, *with her fingers* ‘пальцами’, определяют выбор глагола *eat* и глаголов подгруппы “Потребление твердой пищи”. Выбор глагола *drink* и глаголов подгруппы “Потребление жидкой пищи” предопределен в случае, если Инструментами ситуации ‘поднесение пищи’ являются отчуждаемые Инструменты, например, такие как *through a glass straw, from a glass* и т. д.

Заключение

Результаты анализа на выявление возможных типов целей, которые ставит говорящий, реализуя процесс “потребление пищи”, а также на определение статуса цели – обязательного или факультативного – позволяют сделать вывод о том, что роль целевого компонента как компонента значения глагола важна в процессе реализации ситуации ‘потребление пищи’ в английском языке, при этом выбор цели зависит от намерений говорящего. Однако наблюдается несоответствие между проектированием цели (целеполаганием) и реализацией цели в конкретной ситуации (целевыполнением). Наличие цели как компонента значения глаголов свидетельствует о том, что данные компоненты находятся в пресуппозиции и входят в общий фон знаний народа, говорящего на данном языке, следовательно, они константны и спроектированы субъектом априори для отражения, например, ситуации ‘потребление пищи’, а значит, их экспликация в предложении является излишней. Ситуативная же цель определяется в конкретном высказывании и способна либо реализовать процесс ‘потребление пищи’ глаголом, напрямую не называющим его, либо наоборот, способствовать тому, что глагол ЛСГ ‘Потребление пищи’ потеряет способность отражать процесс ‘потребление пищи’ при ином целевом выполнении. В таком случае можно утверждать о факультативном статусе целевого компонента. Возрастает также роль Инструмента как компонента структуры значения и участника ситуации потребления пищи, который способен определить статус целевого компонента в реализации конкретного этапа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Фурс, Л. А.* Синтаксически презентируемые концепты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.04 ; 10.02.19 / Л. А. Фурс. – Тамбов, 2004. – 370 л.

2. **Дмитриева, И. В.** В поисках доминанты английского предложения / И. В. Дмитриева // Этапы становления композиционного синтаксиса : проблемы и задачи : сб. науч. ст. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2010. – С. 7–21.
3. **Козлов, В. Н.** Системный анализ, оптимизация и принятие решений / В. Н. Козлов. – СПб. : Изд-во Политехнического университета, 2009. – 223 с.
4. **Новиков, А. М.** Основания педагогики / А. М. Новиков. – М. : Эгвесь, 2010. – 208 с.
5. **Новиков, А. М.** Методология / А. М. Новиков, Д. А. Новиков. – М. : Синтег, 2007. – 668 с.
6. **Беланович, Е. В.** Вариативное отражение сложной денотативной области в структуре английского предложения : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. / Е. В. Беланович. – Минск, 2017. – 172 л.
7. Большая Советская Энциклопедия. 3-е издание. – М. : Советская Энциклопедия, 1968–1979. – 616 с.
8. **Hornby, A. S.** Oxford advanced learner's dictionary of current English / A. S. Hornby ; chief ed. S. Wehmeier. – 7th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1780 p.
9. **Арутюнова, Н. Д.** Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова ; Ин-т языкоznания АН СССР. – М. : Наука, 1976. – 383 с.

Поступила в редакцию 31.03.2021 г.

Контакты: pescofre@gmail.com

(Беланович Елена Владимировна)

Belanovich Y. GOAL AS A MANDATORY AND OPTIONAL COMPONENT IN THE VERBAL STRUCTURE.

The componential analysis of the definitions structures of the verbs of the lexical-semantic group (LSG) "Food consumption" and sentences with these verbs made it possible to conclude that in the process of food consumption the goal can be considered as a component of the meaning of the verbs and as a factor influencing the process. The goal as a component of the meaning of the verb is not often reflected in the sentence; the situational goal is contributing to the fact that the verb may lose the ability to reflect its characteristic process or action with a different purposeful fulfillment.

Keywords: verb, lexical-semantic group, structure component, internal / external goal, set goal, achieved goal.

УДК 811.161'42 : 070(045)

ТОПОС “ЛЮДИ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ” В МЕДИАДИСКУРСЕ ТОЛЕРАНТНОСТИ

A. A. Биумена

кандидат филологических наук, доцент
Минский государственный лингвистический
университет

В статье исследуется дискурс толерантности в печатных изданиях Республики Беларусь. Рассматриваются тематические блоки, составляющие публикации, посвященные людям с ограниченными возможностями, выделяются ключевые лексемы данных материалов, моделируется образ человека с ограниченными возможностями в белорусском газетном дискурсе. Очерчиваются социальные функции медиадискурса толерантности, подчеркивается его роль в конструировании ценностей современного общества.

Ключевые слова: медиадискурс, газетный дискурс, дискурс толерантности, люди с ограниченными возможностями, ключевая лексема.

Введение

Средства массовой коммуникации представляют собой мощный фактор воздействия на картину мира как целого общества, так и отдельный личностей и социальных групп [1; 2; 3]. В современном мире для осуществления успешного речевого воздействия журналистам необходимо в большей степени учитывать фактор адресата. Одним из первых ученых, сформулировавших проблему адресата в российской лингвистике, была Н. Д. Арутюнова, которая при использовании данного термина обращала внимание на то, что “всякий речевой акт рассчитан на определенную модель адресата”, и подчеркивала “сознательную направленность речевого высказывания к лицу (конкретному или не конкретному), которое может быть определенным образом охарактеризовано, причем коммуникативное намерение автора речи должно согласовываться с этой его характеристикой” [4, с. 358].

По сравнению с прессой советского периода в пространстве современного медиадискурса наблюдается гораздо более широкая представленность различных групп адресатов, которые можно дифференцировать в соответствии с разнообразными социальными характеристиками. Категорию образа адресата медиадискурса подробно исследовала

Т. Л. Каминская, рассматривающая ее как многомерный текстовый феномен, экспликация которого зависит от многообразных языковых и экстралингвистических факторов, как организующий стержень медиатекста, его “семантико-прагматическую категорию, представляющую собой мысленно конструируемый автором образ адресата, для которого предназначен данный текст” [5, с. 19–20].

Современные СМИ не только ретранслируют сложившуюся в обществе систему ценностей, но создают новые аксиологические парадигмы и конструируют специфическую медиакартину мира [6, с. 13]. И. В. Анненкова отмечает, что медиасфера как особая область коммуникации занимает в настоящее время ключевую позицию в нашей культуре, превратив ее из литературоцентричной в медиацентричную [7, с. 6].

Трактуя газетно-публицистические тексты в деятельностном ключе, Л. Р. Дускаева рассматривает их как “речевое воплощение социального ориентирования читательской аудитории, которое осуществляется в трех направлениях – информировании, оценочном диагностировании и стимулировании социальной активности” [8, с. 10]. При этом образ адресата в текстах прессы выполняет функции манипуляции сознанием аудитории, интерпретации реальных событий и фактов действительности, а также интеграции читателей [5, с. 23]. Запрос на интеграцию и солидаризацию в обществе находит отражение в том числе в толерантном медиадискурсе, или медиадискурсе толерантности.

Феномен толерантности представляется собой многоаспектное понятие, которое включает в себя готовность принять других такими, какие они есть, независимо от социальных, культурных и антропологических характеристик (национальность, язык, отношение к религии, социальное положение, возраст, состояние здоровья, пол, раса и т. д.), а также возможность взаимодействия с ними на основе согласия, нахождения компромиссов, преодоления конфликтов, стремления к социальной солидарности [9, с. 329; 10, с. 180; 11].

В толерантном газетном дискурсе, по мнению И. И. Ждановой, отражаются “отношения между людьми, социальными группами, народами, нациями и государствами, основанные на взаимопонимании, взаимопомощи, дружбе, солидарности, равноправии и призванные способствовать формированию толерантного сознания, утверждать идеалы и

практику толерантности в обществе, воспитывать уважение к Иному, побуждать к взаимодействию” [12, с. 5]. В качестве ведущих медиатопиков дискурса толерантности в прессе автор выделяет сотрудничество государства в различных сферах жизни общества, интеграцию мигрантов в европейское сообщество и преодоление межнациональных и межконфессиональных конфликтов, урегулирование территориальных притязаний [12, с. 6]. На наш взгляд, это далеко не полный список тем, к которым обращается данная разновидность дискурса. Так, например, мы считаем необходимым включить в тематику толерантного медиадискурса материалы о некоторых социально уязвимых категориях граждан, в том числе о людях с ограниченными возможностями.

Примечательно, что в советских медиатекстах проблемы данной социальной категории практически не освещались, т. е. советская медиакартина мира отказывала инвалидам в праве голоса. Это иллюстрирует, например, эпизод из художественного фильма “Временные трудности” (2017 г., реж. М. Расходников), в котором чиновник из пионерского лагеря “Артек” не принимает в лагерь главного героя, мальчика с нарушениями опорно-двигательного аппарата Сашу Ковалёва, победителя всесоюзной олимпиады по математике, аргументируя свой отказ тем, что “в СССР инвалидов нет”.

Целью статьи является выявление основных медиатопиков и эксплицирующих их ключевых лексем в публикациях об инвалидах и моделирование образа людей с ограниченными возможностями в современной белорусской прессе на материале статей республиканских, областных и районных газет, размещенных на их Интернет-порталах.

При выделении ключевых слов мы полагались на следующие основные критерии: высокая (сравнительно с другими словами) частотность и регулярность употребления – ключевые слова, характеризующие ту или иную микротему, можно обнаружить во всех материалах, относящихся к ней; специфическая представленность в текстовом пространстве – их регулярное присутствие в сильных позициях текста, в том числе в заголовках газетных статей; расширение грамматического, синтагматического и парадигматического потенциала слова – высокий словообразовательный потенциал, формирование синонимических рядов и “семантических гнезд” (термин А. П. Романенко), а также широкая сочетаемость [13; 14; 15]. Значимость ключевых слов

в текстовом пространстве заключается в том, что они выступают в роли наиболее семантически нагруженных компонентов текста, в сжатой форме отражают основную информацию и функционируют в качестве “свообразного кода для понимания авторской интенции” [16, с. 286].

Основная часть

Одной из важнейших тем, освещаемых в толерантных медиатекстах, является **социальная помощь и поддержка** инвалидов со стороны государственных органов, благотворительных организаций, простых граждан. Для выражения данных идей журналисты часто используют лексические единицы *помощь, помогать, поддержка, поддерживать, забота, заботиться, внимание, защита, благотворительный, волонтер, милосердие, сочувствие: В церкви парня стараются поддерживать морально, по возможности помогают и деньгами. На занятиях в воскресной школе израненной душе старались помочь избавиться от агрессии, обиды на весь мир, на биологическую мать, бросившую в роддоме (“Гродзенская праўда”, 04.03.2009); Но в Беларуси люди с психиатрическими заболеваниями, как правило, живут в специнтернатах – о них заботится государство (“Минская правда”, 29.11.2019); Помочь малышу в его борьбе за жизнь Вы можете, внеся целевое пожертвование на любой из благотворительных реквизитов (“Кобрынскі веснік”, 13.10.2020).*

Выражающие указанные идеи ключевые слова составляют “семантическое гнездо”, центром которого являются лексемы *помощь / помогать*, что подтверждают как их частотность в материале исследования, так и многочисленные публикации, где данные слова фигурируют в наиболее сильной позиции – в заголовках и заголовочных комплексах: “Вернуться в жизнь. Как под Минском помогают снять ограничения возможностей” (“Минская правда”, 29.11.2019); “В Гомеле презентовали проект международной технической помощи инвалидам Беларуси и Украины”, “Гомельская праўда”, 09.09.2018).

Во время праздников (Новый год, Международный день инвалидов) в пространство газетного дискурса добавляются сообщения о посещении инвалидов представителями различных организаций (частотные лексемы *праздник, подарки, поздравления*): Председатель райисполкома Сергей Кулагин, представители ЧУПП “Прометей” (во главе с дирек-

тором Анатолием Федоровичем) и районной организации ОО “Белорусский союз женщин” приехали с подарками и поздравлениями в отделение круглосуточного пребывания для пожилых граждан и инвалидов в Ленино. Жителям отделения были подарены необходимые холодильник и телевизор, а также праздничные продовольственные наборы (“Горецкий Вестник”, 29.12.2018).

Еще одна тема, описывающая взаимоотношения данной категории граждан с другими группами в обществе, касается **сотрудничества и партнерства** (ключевые слова **сотрудничество, интеграция, партнерство, контакт, взаимодействие**): На прошлой неделе Гродненская областная организация Белорусского общества Красного Креста открыла в Гродно центр дневного пребывания детей с ограниченными возможностями. По этому поводу дважды за свои средства президент представитель клуба “Ротари” гражданин Австрии господин Йоханнес Абенсперг и Траун. Он посетил “Гродзенскую праўду” и рассказал, как будет действовать программа **сотрудничества** (“Гродзенская праўда”, 27.07.2009); Укрепление международных **контактов** между организациями инвалидов Украины и Беларусь для совместных решений по **интеграции** людей с инвалидностью в спорт и туризм – его основная цель, декларированная на встрече в областной научно-технической библиотеке (“Гомельская праўда”, 09.09.2018); Пра гэта нядайна ў Віцебску гаварылі на канферэнцыі, у якой узялі ўдзел прастаўнікі ўсіх абласцей краіны. Яна была прысвечана сацыяльнаму **партнёрству** і усебаковаму **ўзаемадзеянню** згаданага вышэй камітэта і арганізацый, якія ўваходзяць у яго сістэму, з абласцной арганізацыяй “БелПІЗ” (“Звязда”, 09.10.2020).

Акцентирование взаимодействия и сотрудничества представителей отличающихся групп можно рассматривать как эффективный метод формирования толерантности, ведь “опыт личного общения и сотрудничества в ситуации межгруппового контакта позволяет его участникам приобрести знания о “чужой” группе, разрушающие те или иные стереотипы; снижает значение групповой категоризации, способствуя персонализации членов “чужой” группы, актуализации индивидуальных различий и снижению значимости межгрупповых” [17, с. 49].

Во многих публикациях фокус внимания приходится на **заболевания и проблемы** инвалидов (частотные лексические единицы

болезнь, заболевание, травма, инвалидность, нарушение, патология, проблема, трудность, сложность, ограничение, затруднение): У светловолосого улыбчивого Роберта Симоняна вторая группа **инвалидности** – острота его зрения составляет всего 8-10 процентов. Червенец появился на свет с **катарактой**, помутнением хрусталиков глаз. – У нас в роду несколько человек с такой **особенностью**, – поясняет он... **Трудностей** у человека с проблемами зрения хватает (“Минская правда”, 15.01.2020); Дастанась асяроддзя часцей за ўсё забяспечваеца для людзей з **парушэннем** апорна-рухальнага апарату, а для тых, хто мае іншыя **парушэнні**, ўсё яшчэ ёсць бар’еры (“Рэспубліка”, 17.06.2020); Люди с ограниченными возможностями имеют **сложности** в получении послешкольного образования и последующего трудоустройства (“Гомельская праўда”, 01.08.2018); **Неприятности** начались, когда он подхватил менингит, после которого не мог двигать руками, ногами и шеей. Лечение не помогло восстановиться на 100 процентов: у Артура остались **проблемы** с ногами и зрением (“Минская правда”, 12.08.2020). На наш взгляд, цель таких материалов – рассказывая аудитории о проблемах, с которыми сталкиваются люди с ограниченными возможностями, вызвать сопереживание, сочувствие представителям этой социальной группы. Главной оппозицией дискурса толерантности является оппозиция “мы – они” (“свои – чужие”) [18], соответственно, понимание проблем инвалидов широкой аудиторией может способствовать их лучшей адаптации в обществе.

Ряд статей о людях с ограниченными возможностями рассказывает **истории успеха** – о том, как им удается справляться с трудностями, добиваться целей и интегрироваться в жизнь социума. В роли ключевых лексем в таких материалах функционируют как слова с более общей семантикой достижения (смог, справился, удалось, успевать, успешный, достигать, способен, преодолеть), так и лексемы, указывающие на конкретные аспекты успешной жизни в обществе (учится, занимается и т. п.): Уже десять лет после окончания школы Даши пытаются доказать в первую очередь себе, что она – обычный человек, способный и на жизнь **заработать**, и другим помочь. И ведь **смогла!** (“Гродзенская праўда”, 27.01.2010); Вообще, несмотря на все трудности, Артур поражает своей целеустремленностью и желанием **преодоле-**

вать все трудности, которые подкидывает жизнь (“Минская правда”, 12.08.2020); *Он не видит дальше трех метров от себя, не может без увеличительной лупы читать книги и разобрать цифры на ценниках в магазине.* Однако это *не мешает* Роберту Симоняну из Червена жить полноценной жизнью. В свои 22 года молодой человек *учится на истфаке БГУ, зарабатывает* на жизнь производством розеток и торговлей на финансовой бирже, при этом *успевает ухаживать за престарелой бабушкой* (“Минская правда”, 15.01.2020). Отмеченные слова как семантические “стержни” текста также активны в заголовках статей: “В Гомеле выбрали самого успешного человека в инвалидной коляске” (“Гомельская праўда”, 27.04.2018); «Людмила Волчек: “Своего предела не достигла”» (“Минская правда”, 16.10.2019).

В современном мире стремление к успеху является одной из значимых жизненных ценностей, и подобные публикации отражают имманентную для дискурса толерантности “аксиому общего знаменателя”, гласящую, что толерантность “может иметь место только в том случае, если у ее субъектов имеется единая ценностная основа, позволяющая им вступить в диалог” [19, с. 138]. Кроме того, люди, способные преодолевать трудности и добиваться успеха, вызывают уважение, что также способствует включению их в группу “своих”.

Важное место в медиадискурсе толерантности занимают **информирующие публикации**, которые можно разделить на две разновидности в зависимости от адресата текста. Первая группа таких материалов, нацеленная на самих инвалидов, предоставляет им полезную информацию о проводимых мероприятиях: *Специалисты протезно-ортопедического центра проведут прием в Горках. 18 апреля в Горках состоится прием граждан, которые нуждаются в обеспечении протезами, лечебно-бандаажными изделиями, ортопедической обувью. Консультацию и прием заказов на изделия будут проводить техник-протезист и врач травматолог-ортопед Могилевского филиала Белорусского протезно-ортопедического восстановительного центра* (“Горецкий Вестник”, 15.04.2019); *Мероприятия по подготовке и проведению в Горецком районе Дня инвалидов* (“Горецкий Вестник”, 28.11.2016).

Вторая группа информирующих статей направлена на людей, не владеющих достаточной информацией об инвалидах. Их целью является предоставление обществу объективных

данных об этой группе населения, дестигматизация людей с ограниченными возможностями и развенчание дискриминирующих стереотипов о них: *3 декабря в Горках отметили Международный день людей с ограниченными физическими возможностями.* Эту дату празднику назвать трудно, ведь инвалидность, конечно же, не является поводом для радости. Этот день призван напомнить о том, что среди нас живут люди, заслуживающие не только сочувствия, но прежде всего помочь, обеспечения их прав на достойную жизнь, труд и отдых, а людям с ограниченными возможностями показать, что они важны для общества и являются такими же полноправными гражданами нашей страны (“Горецкий Вестник”, 08.12.2014); *Несмотря на значительное влияние, оказанное родительскими организациями и движением за дестигматизацию детей с расстройствами аутистического спектра на общественное восприятие таких расстройств, родители все еще попадают в ситуации, когда поведение их аутистичных детей воспринимается негативно, а многие врачи, как первичные, так и специалисты, до сих пор придерживаются некоторых взглядов, основанных на давно устаревших исследованиях* (“Горецкий Вестник”, 30.03.2015).

Значимыми понятиями дискурса толерантности в прессе являются понятия **доступности, инклюзивности и безбарьерной среды**, которые позиционируются как важная предпосылка интеграции инвалидов в социум: *Отсутствие безбарьерной среды вынудило ее отказаться и от учебы на журфаке БГУ* (“Гродзенская праўда”, 27.01.2010); *На самом деле порой чувствую себя беспомощной. Наша безбарьерная среда оставляет желать лучшего. В кинотеатр, например, одной не попасть. Сложно преодолеть некоторые бордюры, ступеньки* (“Минская правда”, 16.10.2019); *Проект по медико-социальной реабилитации инвалидов-колясочников начали с безбарьерной среды* внутри госпиталя, чтобы люди в инвалидных колясках могли беспрепятственно передвигаться и получать медицинские услуги наравне со всеми (“Гомельская праўда”, 02.03.2018); – *Дасступнасць асяроддзя часцей за ўсё забяспечваецца для людей з парушэннем апорна-рухальнага апарату, а для тых, хто мае іншыя парушэнні, усё яшчэ ёсьць бар’еры, – удачліва Вікторыя Грачыха ... Вікторыя Грачыха акцэнтавала ўвагу, што стварэнне безбар’ернага асяроддзя – гэта*

не толькі будаўнічыя работы або набыццё пазнага абсталявання, але і даступнасць інфармацыі, транспарту, вулічна-дарожнай сеткі, паркаў, сквераў – вось неабходныя ўмоўы для сацыялізацыі інвалідаў (“Рэспубліка”, 17.06.2020).

Заключение

Таким образом, на страницах белорусской прессы моделируется следующий образ человека с ограниченными возможностями. Это человек, имеющий серьезное заболевание и сталкивающийся с различными проблемами, но успешно их преодолевающий и способный интегрироваться в социум. Тем не менее от общества требуется внимание к таким людям, помочь и поддержка. Кроме того, СМИ подчеркивают идею тесного взаимодействия инвалидов с другими гражданами, организациями и органами государственной власти и необходимость изменения различных сфер социального пространства с целью обеспечения доступной и комфортной среды для них.

В большинстве случаев в материалах об инвалидах реализуются стратегии солидаризации, нацеленные на то, чтобы читательская аудитория приняла представителей данной социальной группы в круг “своих”, проявила к ним сочувствие и мобилизовалась на действия, способствующие развитию толерантных отношений. Даже исключительно информирующие тексты, целевой аудиторией которых являются инвалиды, в медиадискурсе оказываются нагруженными дополнительными функциями, поскольку они одновременно маркируют данную группу в общественном пространстве, указывают на то, что у нее есть собственные права и интересы. В роли ключевых лексем дискурса толерантности в белорусских газетах выступают группы слов с семантикой помощи, сотрудничества, успеха и достижения, проблем и заболеваний, доступности и инклузии.

Несмотря на значительное улучшение отношения к инвалидам в последние десятилетия, на страницах белорусской прессы находят отражение случаи проявления нетерпимости к ним. Например, белорусская трехкратная паралимпийская чемпионка Людмила Волчек в интервью одному из изданий отмечает, что наша безбарьерная среда, и не только физическая, “оставляет желать лучшего”. Жалуется она и на нетолерантное поведение окружающих: *“Тем не менее в нашем обществе, увы, хватает людей, которым сложно прини-*

мать инвалидов. Например, недавно встретила женщину в транспорте. Говорит: “Что вы мне своими грязными колесами пальто вымазываете? Разъездились по автобусам. Шла бы лучше в переход, деньги зарабатывала” (“Минская правда”, 16.10.2019).

На наш взгляд, толерантный газетный дискурс вносит существенный вклад в конструирование ценностной модели современного белорусского общества, в воспитание уважительного отношения к “иному” и укрепление гуманистического мировоззрения. Предпосылкой полной дестигматизации инвалидов могут стать еще более широкое информирование населения об их проблемах и действия государства по обеспечению физической и информационной безбарьерной среды.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сметанина, С. И. Медиа-текст в системе культуры: динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века / С. И. Сметанина. – СПб. : Изд-во Михайлова, 2002. – 382 с.
2. Солганик, Г. Я. Автор как стилеобразующая категория публицистического текста / Г. Я. Солганик // Вестник Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 2001. – № 3. – С. 74–83.
3. Dijk, T. A. van. Discourse and Power / T. A. van Dijk. – N. Y. : Palgrave Macmillan, 2008. – 308 р.
4. Арутюнова, Н. Д. Фактор адресата / Н. Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1981. – Т. 40. – № 4. – С. 356–367.
5. Каминская, Т. Л. Образ адресата в текстах массовой коммуникации: семантико- pragmaticальное исследование : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Т. Л. Каминская ; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 46 с.
6. Анненкова, И. В. Современная медиакартина мира: неориторическая модель: лингвофилософский аспект : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10, 09.00.13 / И. В. Анненкова ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 60 с.
7. Анненкова, И. В. Медиадискурс XXI века. Лингвофилософский аспект языка СМИ / И. В. Анненкова. – М. : Изд-во Московс. ун-та, 2011. – 390 с.
8. Дускаева, Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.10 / Л. Р. Дускаева. – Пермь, 2004. – 359 с.
9. Клейберг, Ю. А. Толерантность и деструктивная толерантность: понятие, подходы, типология, характеристика / Ю. А. Клейберг // Общество и право. – 2012. – № 4(41). – С. 329–334.
10. Софонова, Н. В. Толерантность как одно из условий развития современного общества: философский аспект / Н. В. Софонова // Формирование правовой, межэтнической, религиозной и профессиональной культуры современного специалиста : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Рязань,

- 05 февр. 2013 г. ; отв. ред. Е. В. Прысь. – Рязань : Концепция, 2013. – С. 180–184.
11. **Федорова, С. А.** Толерантность как духовно-нравственное качество личности / С. А. Федорова // Труды Братского гос. ун-та. Сер.: Гуманистические и социальные науки. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 146–148.
12. **Жданова, И. И.** Толерантный газетный дискурс (на материале русскоязычной зарубежной прессы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / И. И. Жданова; Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта. – Мурманск, 2015. – 25 с.
13. **Романенко, А. П.** Советская словесная культура: образ ритора / А. П. Романенко ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – 212 с.
14. **Матвеева, Т. В.** Ключевые слова / Т. В. Матвеева // Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. – М. : Флинта : Наука, 2003. – С. 103.
15. **Шмелева, Т. В.** Ключевые слова текущего момента / Т. В. Шмелева // Collegium. – 1993. – № 1. – С. 33–41.
16. **Потехина, М. С.** Проблемы ключевых слов в филологии / М. С. Потехина // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2017. – Т. 17, вып. 3. – С. 284–287.
17. **Клименко, Е. В.** Этнические различия и толерантность: к проблеме разработки социально-культурных программ формирования межэтнической толерантности / Е. В. Клименко // Вестник Санкт-Петербург. гос. ун-та культуры и искусств. – 2012. – № 3(12). – С. 46–50.
18. **Стернин, И. А.** Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж : Истоки, 2001. – 135 с.
19. **Кротков, Е. А.** Дискурс толерантности / Е. А. Кротков, Е. А. Кожемякин // Дискурс-ПИ. – 2013. – № 3(13). – С. 137–138.

Поступила в редакцию 01.04.2021 г.

Контакты: a-mesyats@tut.by
(Бионема Анна Александровна)

Biyumena A. TOPOS “PEOPLE WITH DISABILITIES” IN THE TOLERANCE MEDIA DISCOURSE.

The article examines the discourse of tolerance in the print media of the Republic of Belarus. Media topics that make up publications devoted to people with disabilities are considered, key lexemes of these materials are highlighted, the image of a person with disabilities in the Belarusian newspaper discourse is modeled. The social functions of the media discourse of tolerance are outlined, its role in the construction of the values of modern society is emphasized.

Keywords: media discourse, newspaper discourse, discourse of tolerance, people with disabilities, key lexeme.

ДЫСКУСІЙНАЯ ТРЫБУНА

УДК 321. 01(476)

АКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ ИЗ КНИГ ЮВАЛЯ ХАРАРИ

Я. Г. Риер

доктор исторических наук, профессор
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова

Анализируются ключевые положения книги израильского историка и публициста Ю. Н. Харари “Sapiens. Краткая история человечества”. Наряду с общей положительной оценкой выделяются суждения автора, вызвавшие возражения. В частности, о роли земледелия в истории человечества, о месте западной цивилизации в контексте общих цивилизационных процессов.

Ключевые слова: Ю. Н. Харари, книга “Sapiens. Краткая история человечества”, цивилизации, западная цивилизация.

В последнее время обозначился всплеск интереса к историческим обобщениям. Очевидно, это следствие растущего понимания взаимосвязей, как настоящего с прошлым, так и культур в рамках единого человеческого сообщества, что отразилось в понятии *глобализация*. Современные средства коммуникаций – интернет – позволяют оперативно отслеживать новинки публикаций на соответствующую тематику.

В русскоязычном сегменте можно отметить недавно изданные серии обобщающих многотомников по истории России и Беларуси [1–3]. Показательно, что в них региональная история рассматривается как развитие государственности – основного современного института. В этом тоже нынешний тренд – историки отвечают на актуальные запросы социума. Среди этого всплеска – и сочинения более общего порядка об историческом пути всего человечества для ответа на вопрос: где мы и что нас ждет?

В ряду таких публикаций – книги Ю. Н. Харари о прошлом, нынешнем и будущем человечества. Автор – по Википедии – израильский военный историк-медиевист. Последнее и привлекло мое внимание к указанному автору. Но нашумевшие в последние годы его книги – не чистая история, скорее, историческая публицистика, предназначенная для массового, но подготовленного читателя. Именно в таком

предназначении их популярность, переводы на многие языки. Отсюда и второе обозначение автора – писатель-футуролог. Книги Харари “21 урок для XXI века”, “Homo Deus: Краткая история завтрашнего дня” меня “не зацепили”. В них история привлекается, прежде всего, как фон для публицистики.

Но его же “Sapiens. Краткая история человечества”, изданная в 2011 г. и переведенная на русский язык в 2017 г., – иное дело [4]. Она интересна тем, что в ней широкими мазками представлена действительно общая картина развития человеческого общества с самого его возникновения. Такой глобальный подход чрезвычайно важен, ибо распространенная традиция изучать историю локально, как историю отдельных стран, ведет к искажению общей картины из-за известного явления: “каждый кулик свое болото хвалит”.

При этом общий, компаративный подход, сопоставление явлений и исторических процессов позволяет автору охватить все основные регионы человеческой ойкумены. Но в таком глобальном подходе таятся свои опасности: теряются не только многие частности, но и случаются возможности анализа – нельзя объять необъятное. Автор во многих спорных случаях или просто перечисляет существующие точки зрения, или лишь их обозначает и высказывает свою, без глубокой аргументации. На некоторые такие взгляды автора, вызвавшие возражения, хотелось бы обратить внимание в предлагаемом кратком комментарии.

Свое изложение автор начинает с выделения человека из животного мира и его становления как Человека Разумного. Вполне обоснованно рассматриваются основополагающие вехи этого процесса: прямохождение и связанные с ним проблемы воспроизведения человеческого потомства, которые привели к такому базовому феномену человеческой организации, как семья. Обращено внимание на во многом определяющее значение в человеческой эволюции природной среды, в чем отразилось влияние, и это признает автор, другого известного популяризатора глобального подхода к истории – эволюционного биолога Джареда Даймонда. Подробно рассматривается возникновение речи и эволюция в питании. Из всех этих факторов выводятся процессы социализации древнейших людей. Перед читателем наглядно развернута динамика формирования человечества, что автор назвал ког-

нитивної революцією. Приведені многочисленні якісні примери из новітніх відкриттів антропологів і археологів.

Також подробно розглядаються і процесси постепенної економічної модернізації, і її головний ітог в первоуткочності – *агарна революція*. Однак, можливо, з стремленням підстегнути інтерес к згаданому автором часто в різних місцях повествування підчеркиває отрицальну роль цього важливого досягнення людства в його ранній історії – відкриття землеробства. Він обирає увагу на негативні сторони освоєння землеробства – знищенню екологічного балансу між людиною та оточуючою середою, її засоренню та накопиченню епідемічного потенціалу, зростанню населення, часто опережаючи продовольственні можливості популяцій та і. д. Проскальзывають навіть намеки на те, що кочовий образ життя з потреблінням лише естественних продуктів був більш приемливим для людства та не породив би всіх цих негативних наслідків, які супроводжують всю наступну човновську історію. Якщо я правильно зрозумівав автора, то згодиться з ним складно. Та, дальніша історія повна різних кризових. Та так проходить во всьому матеріальному світі: знищення та зникнення одного супроводжується народженням і розвитком іншого, часто більш повністю. Тому, бесспорно, осознавати конечність світу – печально.

Появлення землеробства, як відомо, породило весь дальніший процес *цивілізації* людства – створення держав, локальних цивілізацій та і. д. Автор обирає увагу, що тем самим був відкритий шлях до несправедливості: в розвиваючійся борбі за ресурси сильніші угнетали слабіших, і так до наших днів. Що ж, це плата за прогрес, за те блага, яких раніше не було. При цьому треба обратити увагу на те, що постепенно ці блага становилися доступними все більшому числу людей. Та проблема, чому цей процес відбувається неравністю, чому та тепер в світі залишаються маргінальні суспільства, автор обходить. Вернее, постепенно веде до висновку про ущербності цього укладу, який і спосібствує динамізму общественного прогреса – капіталізму. Цей уклад розглянуто вже з дуже детальним і всестороннім, але з присущою цьому проблемою сучасним інтелектуалам отриальна коннотацією. І тут на деякі аспекти хотілось обратити увагу.

Автор подробно та всіма дохідчиваючими обяснює походження ринкових відносин, їх сильні сторони та недостатки. Не менше детально та всесторонньо розглянуто постепенне вирізання з цих відносин капіталізму. В цій зв'язку значительне місце надається переходу від локальних цивілізаційних процесів до глобальної історії, що повністю увязується з початком освоєння європейцями всього земного пространства – Великими географічними відкриттями XVI в. Також подробно та убедительно показано формування європейської колоніальної політики та її роль в бурному підйомі Західної Європи в XVIII–XIX вв. При цьому автор постійно сопоставлює ці процеси з тим, що відбувалося з іншими цивілізаціями, постійно попадаючи під западноєвропейське впливання. Та від аналізу причин такого «ривка» Західної Європи уходить, ссылаючись лише на існування різних точок зору.

Возможно (я можу ошибатися), це пов'язано з загальним отрицальним ставленням автора до капіталізму як образу життя. Согласен, що в ньому хватает недостатків. Оснований на поощренні личного інтереса та конкуренції, він рождає багато жестокості та несправедливості: побеждає в цій системі найменше сентиментальний. Та, перефразуюши відомий У. Чарчіллю, *капіталізм – плохая общественная система, но другие еще хуже*. Роботодавці оправдовують, полагаю, никого не буде – з ним все ясно, хоча саме він створив все давнє цивілізації. Феодалізм теж справедливістю не відрізняється, обіцяючи благами лише узкий слой господарів – землевладельців. Та, зазначим, обидві системи відповідали економічним можливостям людства на ту епоху. Комунізм як нестабільну систему Харари повністю обґрунтовано відвергається по умолчанню.

Становлення та розвиток капіталізму автор тесно св'язує з науково-технічним прогресом Нового часу, підкреслюючи сильні сторони та недостатки цього прогреса. Недостатки увязуються з екологічними проблемами сучасності, що, бесспорно, єдва ли було понятіє на заре науково-технічної революції в XVI–XVII вв.

Но чому конкретно в Західній Європі все це почалось. Автор підчеркиває її відсталість від Східу в предштовхні міста, приводить статистику. Та не учитує, що підйом на заході Європи почався

шел не вдруг. Вот эту сторону европейской истории он, по сути, обходит. Однако именно анализ подспудно вызревавшего потенциала европейского Запада объясняет феномен его успехов.

Индивидуализм гуманистов, их стремление к самосовершенствованию вызревали на основе сложившихся в средневековой Европе уникальных для мировой истории городских свобод. Больше нигде в мире не появилось самоуправляющихся городов с локальными конституциями, которые создали и свободные рынки, и систему выборности властей, чем постепенно взорвали аристократизм феодальных элит, сделав систему государственной власти более гибкой и в итоге демократичной.

Но, опять же, почему именно Западная Европа? И вот здесь надо обратиться к тому, что автор обошел вообще – к феномену частной собственности. Сложившаяся в Древней Греции, частная собственность через римские порядки была воспринята и германскими варварами, закрепилась в особых правах частных лиц (даже крестьян) на землю как источник существования, породила западный, частнособственнический феодализм – сеньориальный строй (вассал моего вассала – не мой вассал, в отличие от восточных порядков, где все землепользователи, даже аристократы, – рабы правителей). О частной собственности как основе человеческих правовых норм писали даже средневековые западноевропейские богословы. Они признавали несправедливость частной собственности, но соглашались, что она соответствует греховной человеческой сути...

Почему именно и только в Западной Европе сложились такие отношения – особая, хотя и вполне исследованная тема. Представляется доказанной *концепция противоположности морских и речных цивилизаций*, формировавшаяся в европейской историографии с середины XIX в. Суть концепции состоит в том, что многоотраслевое хозяйство населения прибрежных земель уже с античности способствовало индивидуализации труда в отличие от “речных цивилизаций” древности и средневековья, зависевших от ирrigации, требовавшей консолидированных усилий больших сообществ, объединявшихся в авторитарные государства – монархии. Содействовало такой централизации власти и соседство этих *речных цивилизаций* с агрессивным кочевым миром, что требовало постоянной консолидации и нерационального расходования ресурсов на оборону [Подробнее см. 5].

В итоге западноевропейский индивидуализм способствовал большей креативности (пассионарности) их сообщества, выработке наиболее rationalьной формы хозяйственных и социальных отношений, пусть и заведомо несправедливых для всех. Ну так и вообще ведь жизнь во многом несправедлива: начнем с того, что все живые существа живут за счет других, тоже живых организмов. Не это ли имел в виду Гегель, формулируя свое знаменитое “единство и борьба противоположностей”?

Возвращаясь к тексту, отмечу, что автор подробно и доходчиво изобразил действия европейцев по покорению остального мира, популярно объяснив неготовность и порой даже недоумение туземцев поведением захватчиков. Автор констатирует сохранение локальности иных цивилизацийплоть до XX в., их относительную самодостаточность и отсутствие интереса к дальним землям и обществам. Вспоминает известное сожжение китайцами своего флота в конце XV в., приводя на с. 287 красноречивое изображение маленькой каравеллы Колумба рядом с гигантским в сравнении в ней флагманом китайского флота (на указанном рисунке “китаец” в 5 раз крупнее каравеллы и оснащен соответственно более мощной системой парусов). Такому соотношению, учитывая ссылки автора, можно доверять.

Также констатируется, что испанцы за 10 лет совершили то, что не сумели совершить американские туземцы за 2 тысячи лет, – познать континент, на котором проживали. Замечу, что автор, гиперболизировал успехи испанцев – осваивали Америку они много дольше, а затем были вытеснены обогнавшими их в развитии французами и англичанами. Причем отставание испанцев, пионеров глобализации, было вызвано именно развитием капитализма у их северных соседей, особенно у англичан, которым предшествовали голландцы, первые в мире создавшие буржуазное государство. Но этих пояснений в книге нет.

Также автор констатирует, что только европейские завоеватели не просто осваивали новые земли, но изучали их. Он вспоминает английских разведчиков и генералов, ставших первыми археологами на Востоке, открывателями древних цивилизаций. Можно, правда, вспомнить, что монгольский правитель Ирана Газан-хан на рубеже XII–XIII вв., интересовавшийся медициной и естественными науками, во время охоты собирал гербарии и установил,

что в завоеванной его предшественниками стране растут многие целебные травы и растения, ввозимые из соседних земель. Можно вспомнить и древнейшую из сохранившихся в мире обсерваторий – астрономическую башню VII в. в Корее. К тому же времени относятся и существующие теперь каменный мост и пагода в Китае. Про изобретение китайцами пороха, зубной щетки, первых способов книгопечатания и первой в мире газеты известно многим. Но огромный пласт культурных достижений Востока до прихода европейцев так и не вошел в повседневную жизнь. Так же как не паровоз братьев Черепановых, а английское изобретение создало железнодорожный транспорт. Очевидно, что капитализм и креативность европейцев, породившая научно-технический прогресс, ставший теперь достоянием всего человечества, – две стороны одной медали. Воззрения же автора на западную цивилизацию, вероятно, отразили рожденный из западной либеральной парадигмы комплекс вины белого человека.

Интересны подходы автора к религии. К религиозным верованиям он относит и коммунизм, и современный либерализм, которые не могут обходиться без неоспоримых авторитетов, по сути, тех же богов. “*Идея всеобщего равенства – новая версия древнего монотеистического учения о равенстве всех души перед Богом*” (с. 228). Из гуманистических воззрений, тоже религиозных, он выводит “секту” эволюционных гуманистов, которые, по автору, не поклонялись человеку, как Богу, а считали, что человечество может не только развиваться, но и деградировать, чем создали философскую почву для нацизма с его представлениями о сверхи недочеловеках (с. 230). Затем, на основе новейших открытий биологов, он убедительно опровергает расистские теории, подчеркивает биологическое единство человечества.

Вообще парадоксальных воззрений в книге представлено много, чем она интересна. Мысли автора требуют внимательного чтения и анализа, который может составить книгу, не меньшую по объему, чем рассматриваемое сочинение Харари. Здесь же, в добавление к сказанному, ограничусь еще двумя сюжетами, актуальными в рамках общего понимания исторического процесса.

Автор пишет: “*Мы не можем объяснить причины, по которым история делает тот или иной выбор...*” (с. 239). Историю изучают “не затем, чтобы выяснить будущее, но чтобы расширить свои представления, по-

нять, что нынешняя ситуация сама по себе не так уж естественна и неизбежна” (с. 239). “*История шагает от разветви к следующей, по загадочным причинам выбирая то один путь, то другой... Почему научная революция началась именно здесь [в Западной Европе – Я. Р.], а не в Китае и не в Индии? Почему она началась посреди второго тысячелетия нашей эры, а не парой веков раньше или позже? Мы не знаем. Ученые выдвигают различные гипотезы, но по-настоящему убедительной среди них нет*” (с. 242).

Такие представления укладываются в существующую, особенно в современной публицистике, более общую концепцию: “*История – вообще некая общественная конвенция. Как мы договоримся по ней, так и будет*”, лаконично сформулированную, что показательно, не историком, а инженером-ракетостроителем [6]. Впрочем, о том же писал и известный французский историк Ф. Бродель: “*история – сон историка*”.

Возможно, такой скептицизм возникает при попытках выработать всеобщую картину мира, что действительно нереально – “*нельзя объять необъятное*”. Кстати, такие попытки в истории известны. Вспомним тех же древнегреческих философов, создававших свои картины мира, средневековых христианских мыслителей. В том же ряду – средневековые, да и современные энциклопедии. Впрочем, некоторые из этих попыток выдержали проверку временем: идеи Платона, Аристотеля, Ламарка, Дарвина. У них есть оппоненты. Но это естественно. Так ведь и в *самых точных науках* периодически происходят открытия, меняющие даже фундаментальные законы. Вспомним, как переводится *атом*, который древние греки считали *неделимым*, и сколько с тех пор в нем нашли *элементарных частиц*. И открытия продолжаются.

Также и в истории как науке – истинность общих представлений недостижима в принципе, но в *частных случаях* обобщения вполне возможны. Оговорюсь, что *частными случаями* считаю процессы, ограниченные определенными пространственными и временными рамками. Так, для меня не является непонятной специфика западной цивилизации – особый вид собственности, о чем писал выше. Поэтому утверждение автора, что “*Мы не можем объяснить причины, по которым история делает тот или иной выбор...*” (с. 240), считаю излишне категоричным.

Иное дело, что автор в итоге подводит к своей *сверхидеи*: те события, которые про-

исходили в истории, не были направлены на улучшение жизни людей (с. 240). То есть, по сути, развитие человеческого сообщества не обязательно вело к прогрессу. “У истории огромный горизонт возможностей, многие из которых никогда не реализуются. Вполне возможно представить себе историю, в которой еще много поколений жили бы без научной революции, так же как можно представить себе историю без христианства, без Римской империи и без золотых монет” (с. 242).

С этой точки зрения весьма существенна отмеченная выше концепция автора об ущербности того, что обычно признается одним из основных достижений человечества – изобретение земледелия. Но эта концепция теперь в тренде. Показательна прочитанная недавно статья под занимательным названием “Чем меньше работы, тем лучше” [7]. В ней ставится под сомнение польза от прогресса: “Наука долгое время преподносila развитие человечества как историю сплошного успеха. При этом сегодня мы работаем больше – и вредим себе и планете”. “До того как примерно 11,5 тыс. лет назад человек занялся земледелием...”, как минимум 95% своей 300-тысячелетней истории наши предки прожили охотниками и собирателями. Автор цитирует Юваля Харари из анализируемой здесь книги о том, что изобретение земледелия “не положило начало эпохе лучшей жизни, наоборот: оно принесло с собой болезни, неполноценное питание и, главное, большие работы... Цивилизационные болезни и эпидемии возникли лишь тогда, когда люди стали оседлыми... Население... стремительно росло, и даже жиженное пространство оказалось в дефиците. Теперь люди жили рядом со своими сельскохозяйственными животными. <...> Именно из-за этой близости все больше возводителей заболеваний стали передаваться от животного человека, в поселениях стали вспыхивать первые эпидемии”. Автор статьи добавляет к мнению Харари свидетельства некоторых этнологов о том, что “переход от кочевничества к фермерской жизни повлек за собой не только большие работы и ухудшение питания, ожидающую продолжительность жизни резко сократили также болезни и вооруженные конфликты. Если дети охотников и собирателей переживали первые детские годы, то в среднем они доживали до возраста 68–78 лет”.

Здесь я хотел бы остановить поток аргументов и напомнить о том, что ко времени овладения секретами земледелия на Земле, по

общепризнанным данным, проживало лишь 3-5 млн человек, а спустя полтысячелетия – уже около 50 млн. Восхвалять же первобытную кочевую жизнь удобно в уютной квартире за клавиатурой компьютера, подключенного к интернету и возможностью заказать обед на дом. По самой общей статистике, в первобытности примерно половина детей не доживала даже до подросткового возраста, женская смертность при родах была тоже огромной... В конце концов, можно посмотреть на жизнь современных охотников и собирателей там, где они сохранились (Экваториальная Африка, бассейн Амазонки). Мы туда хотим?

Возвращаясь к статье. “Неправда, – цитирует в указанной статье этнолог Джеймс Сазман, – что охотники и собиратели постоянно жили на грани голодной смерти. Они знали сотни съедобных растений и плодов. Небольшими группами они бродили по лесам и саваннам, ловили рыбу, убивали диких зверей – и меняли место жительства, если в их среде обитания уже было недостаточно пропитания. <...> Охотники и собиратели жили дольше и были более здоровыми, чем земледельцы в будущем. И работали они гораздо меньше всех последующих поколений: около 15 часов в неделю”. С появлением земледелия сторонники приведенной точки зрения связывают все последующие глобальные беды человечества – от возникновения тяги к богатству, неравенства, эксплуатации и... до нынешней пандемии. Жадность, утверждает политолог из Йельского университета Джеймс Скотт, – порождение городов. “Было бы лучше, если бы люди остались охотниками и собирателями... Ведь имущество было для странствовавших кочевников ничем иным, как обузой...” Но “Пути назад к этому устойчивому образу жизни нет. В конце концов, сейчас на Земле живут 7,8 млрд человек, из которых каждый тратит примерно в 250 раз больше энергии, чем некогда охотник или собиратель”¹.

Эти идеи развернуто обосновывает Харари в завершении своей книги-бестселлера, как ее называет автор вышеупомянутой статьи. Люди, – пишет Харари, – это животные, ставшие богами. “...К сожалению, господство сапиенсов пока произвело мало того,

¹ Кстати, насколько хватало первобытным кочевникам продуктов питания, мы не знаем. При неблагоприятных условиях наступал голод и тогдашние роды и племена вымирали бесследно, что подтверждают и наблюдения этнологов с Нового времени.

чэм мы могли бы гордзіцца. Мы подчинілі сябе окружающую среду, увеличили производство пищи, построили города и империи, связали все уголки Земли торговой сетью. Но разве страдания на планете стало меньше? Мощные революции, заметно расширявшие возможности человечества, далеко не всегда улучшали условия жизни отдельных людей и, как правило, причиняли ужасные несчастья другим живым существам...” <...> Мы обрели невиданное прежде могущество, но понятия не имеем, как им распорядиться... Мы превратили в кошмар жизнь других животных, мы разрушаем экосистему планеты, думая лишь о своем комфорте и удовольствиях – и ни в чем не находим счастья” (с. 411).

Эти идеи сейчас, особенно в условиях пандемии, как показано, носятся в воздухе. “Мы являемся элементом природы. В связи с пандемией нам следовало бы понять, что человек не выше природы и не выше животных. Он вписан в природу <...> “Этот вирус также является признаком нашего превышения скорости” [8].

К сожалению, все так. Но были бы мы вообще, если бы человечество осталось в доzemледельческой эпохе? Рассуждать об этом бессмысленно. Так уж распорядилась природа, что одному из видов живых организмов на этой планете эволюция определила такую судьбу, которая может измениться лишь вследствие какого-либо апокалипсиса.

Другой путь, на что как бы намекают Харари и его единомышленники, – радикальное осознанное сокращение наших потребностей в духе древнегреческих стоиков или раннехристианских аскетов. Но, как показала история, такие подходы оказались маргинальными. Впрочем, все в этом мире конечно. И даже Солнце с ее планетной системой. Кроме, пожалуй, самой Вселенной... Но призыв к человечеству здесь и сейчас – быть осмотрительнее – вполне уместен. Будет ли он услышан?

Хотелось бы, чтобы при чтении безусловно интересной и познавательной книги Ювала Ноя Харари читатель обратил внимание и на отмеченные выше частные соображения по ее содержанию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома: О. Н. Левко, В. Ф. Голубева ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2018. – Т. 1 :

Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. – 598 с.

2. История России : колл. монография : в 4 т. / под ред. Н. А. Омельченко ; предисл. Н. А. Омельченко ; отв. ред. С. В. Перевезенцев. – М. : ИНФРА-М, 2018. – Т. 1 : Генезис и эволюция русской государственности (до конца XVII века). – 679 с.

3. Новая имперская история Северной Евразии / под ред. И. Герасимова. – Казань : Ab Imperio, 2017. – Ч. 1 : Конкурирующие проекты самоорганизации VII–XVII вв. – 364 с.

4. Харари, Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / Ю. Н. Харари. – М., 2017.

5. Риер, Я. Г. Локальные цивилизации средневековья и начала нового времени: генезис и особенности / Я. Г. Риер. – Могилев, 2016.

6. echo.msk.ru/blog/dyachenko_a/2815148-echo/

7. inopressa.ru/article/02Apr2021/sueddeutsche/arbeit

8. inopressa.ru/article/01Apr2021/lefigaro/book.

Поступила в редакцию 05.04.2021 г.

Контакты: tier47@tut.by

(Риер Яков Григорьевич)

Riyer Y. CURRENT HISTORY: NOTES IN THE MARGINS OF ONE OF YUVAL HARARI'S BOOKS.

The key provisions of the book by the Israeli historian and publicist Yu. N. Harari “Sapiens. A Brief History of Humanity” are analysed. Along with the general positive assessment, the author's judgments that have raised objections are highlighted including the role of agriculture in the history of mankind, the place of Western civilization in the context of general civilizational processes.

Keywords: Yu. N. Harari, the book “Sapiens. A Brief History of Humanity”, civilization, Western civilization.

Пераклад тэкстаў рэфератаў артыкулаў
на англійскую мову
Я. В. Рубанава

Тэхнічныя рэдактары: *А. Л. Пазнякоў, Л. І. Будкова*
Камп’ютарны набор і вёрстка *А. Л. Пазнякоў*
Карэктар *Г. В. Карпянкова*

Падпісана да друку 03.08.2021 г.
Фармат 70x108¹/16. Папера афсетная. Гарнітура Times New Roman.
Ум.-друк. арк. 12,1. Ул.-выд. арк. 15,0. Тыраж 100 экз. Заказ № 3421.

Установа аддукцыі “Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя А.А. Куляшова”, 212022, Магілёў, Касманаўтаў, 1.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/131 ад 03.01.2014 г.

Унітарнае паліграфічнае камунальнае прадпрыемства
“Магілёўская абласная ўзбуйненая друкарня імя С. Собаля”
ЛП № 02330/23 ад 30.12.2013 г.
вул. Першамайская, 70, 212030, г. Магілёў